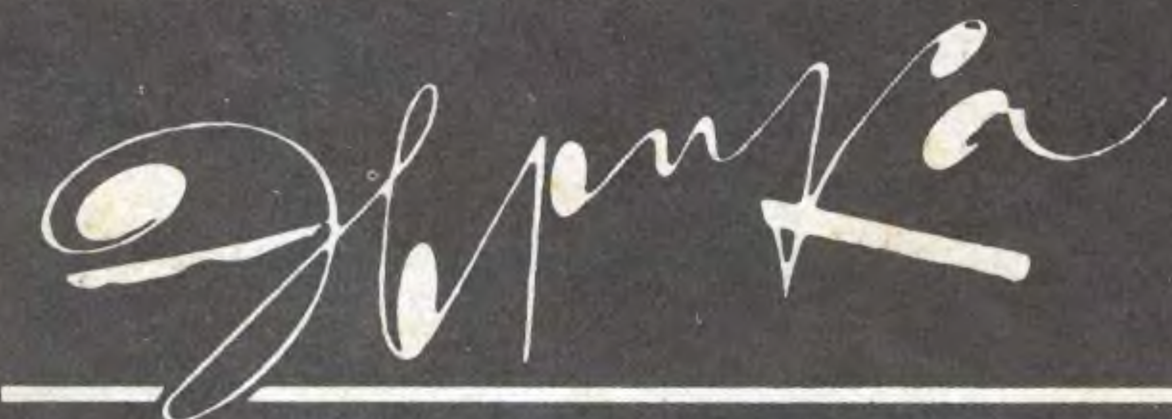

А. МЕЛЬНИКОВА

БУЛАТ И ЗЛАТО

А. МЕЛЬНИКОВА

БУЛАТ И ЗЛАТО

МОСКВА
«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»
1990

ББК 63.2
М 48

Художник Н. МАРКОВА

М $\frac{0502000000-277}{078(02)-90}$ 237—90

ISBN 5-235-00801-4

Очень красивы старинные монеты!

Золото с его маслянистым блеском, таинственное мерцание серебра, глубокий бархатистый тон меди, покрытой благородной патиной... А рисунки и надписи?! Искусно вписанные в круг миниатюрные портреты или многофигурные композиции, затейливый или, наоборот, строгий шрифт — все это делает монеты подлинными произведениями искусства мелкой пластики.

Первых коллекционеров монет привлекла именно их красота. Ведь коллекционирование зародилось в Италии в эпоху Возрождения с его культом античного мира, и началось оно с античных монет, занимающих в мире нумизматики первое место по художественным достоинствам. Видимо, не случайно в числе собирателей монет оказался великий Петрарка. Его, как поэта, должна была привлечь гармоническая красота этих мини-шедевров.

Но монета не только произведение искусства. Она еще и символ богатства, мощный магнит притяжения человеческих вожделений. Скупой рыцарь, отпирая свои «верные сундуки», восклицает, глядя на золото:

Скольких человеческих забот,
Обманов, слез, молений и проклятий
Оно тяжеловесный представитель!

Во всяком обществе, где товарное производство достигло некоторого развития, есть деньги. Они выполняют функции меры стоимостей, средства обращения, средства платежа, средства накопления сокровищ, мировых денег. Монета является материальным воплощением товарно-денежных отношений.

Но в древности монеты выполняли еще одну весьма важную функцию. Они были едва ли не единственными средствами массовой информации. На языке символов и знаков, понятных современникам, они говорили о могуществе правителей, называли их имена и демонстрировали их изображения, показывали границы владений, определяли место этих правителей в системе феодальной иерархии, раскрывали политическую программу. В моменты социальных потрясений монеты выступали, как скажем мы, употребив современную терминологию, массовыми пропагандистами и организаторами.

Так случилось в очень сложный и тяжелый период отечественной истории, когда в начале XVII века Русское государство до основания потрясла гражданская война, а интервенты создали реальную угрозу потери национальной независимости. Смутой, Смутным временем назвали современники эти тяжелые годы. Драматическая, полная противоречий, очень сложная эпоха оставила множество письменных источников, по которым его изучают и с помощью которых создают художественные произведения. Но, за исключением немногих специалистов, никто не подозревает, какую роль сыграли в национально-освободительной борьбе русского народа и в перипетиях гражданской войны монеты, выпускавшиеся на русских денежных дворах в годы Смуты. Вместе с грамотами, призывающими объединиться под знаменами народного ополчения, монеты оказались мощным оружием в борьбе за консолидацию патриотических сил русского народа. Монеты выступали против общего врага в одном строю с саблей и мечом. У них были свои друзья и враги, своя стратегия и тактика, свой путь к победе.

Глава I

КАК ТОРГОВАЛИ НА РУСИ

ПОКУПАТЕЛИ И ПРОДАВЦЫ

Москва. 1601 год. Красная площадь. Здесь, по свидетельству современников, находилась самая большая и лучшая в городе рыночная площадь, всегда заполненная торговцами и покупателями. По сторонам площади и на прилегавших к ней улицах располагались ряды лавок, шалашей, полок, скамей, с которых продавали товары. Для каждого вида товаров был свой ряд. Розничная торговля шла и в рядах, и посредине площади, прямо с телег, саней, возов, из бочек, из мешков, с рук. Торговцы раскладывали свои товары перед покупателями, и каждый мог смотреть и выбирать то, что ему было нужно. При царе Федоре Иоанновиче (1584—1598) по распоряжению его шурина, всесильного правителя Бориса Федоровича Годунова, были построены Новые тор-

говые ряды: длинное каменное здание в один этаж, поставленное углом. Лавки размещались под сводчатыми арками первого этажа, а в подвалах находились кладовые, где купцы прятали свои товары.

Теперь вообразим москвича, домовладельца и зажиточного хозяина, имеющего при доме сад и огород. Больших запасов с сада и огорода он сделать не может и потому идет на московский рынок закупать продукты на год. Учебник и справочник XVII века по ведению домашнего хозяйства — «Домострой» — советует так: «У ково поместья и пашни, сел и вотчины нет, ино купити годовой запас». «Домострой» настоятельно требовал, чтобы «государь-хозяин» имел в доме запас продуктов больше, чем требуется семье в год, потому что «чего не родилося или дорого — ино тем запасом как даром проживет... ино в дороговлю и продаст: ино сам ел и пил даром, а денги опять дома».

Наш герой отправился «в торгу смотрити всякого запасу к домашнему обиходу или хлебного всякого жита и всякого обилия, хмелю и масла и мясного и рыбново и свежево и прасолу».

Хлебные запасы на торгу продавались в Житном ряду. Он был расположен вне Красной площади, на Неглинной. Для покупки масла существовал специальный масляный ряд, для мяса — ветчинный. Свежая рыба продавалась в «свежем» рыбном ряду, соленая — в «прасольном». «Домострой» советовал покупать все большими количествами— «с лишком», поэтому большинство покупателей-москвичей покупали пудами, бочками, рогожами.

Цены на съестные припасы были такими. Четверть ржаной муки (это около 4 пудов) обходилась покупателю в 30 копеек; пуд коровьего масла — в 60 копеек. Рыба, свежая и соленая, которая продавалась возами, пудами, бочками, рогожами, пучками, а иногда штуками, стоила по 37 копеек пуд (семги), воз семги — около 10 рублей, две бочки белуги, доставленные с севера, стоили 10 рублей 25 алтын, 105 «осетров длинных» ценились в 35 рублей, и, следовательно, цена одной штуки составляла около 30 копеек.

Продавались на торгу и привозные, «заморские» товары. Они ценились выше. Например, одна голова сахара обходилась покупателю в 4 гривны (40 копеек). Один лимон (их продавали на штуки) стоил полторы копейки. Насколько высоко ценились «заморские» товары, может

показать сравнение цен на них со стоимостью домашнего скота. Так, четырехлетний бычок стоил не более одного рубля (100 копеек).

Но не только съестные припасы требовались в домашнем обиходе. Покупались одежда, обувь, посуда, ремесленные изделия, украшения. В специальном кафтанном ряду можно было купить и шубу из бараньей овчины за 30—40 копеек, и шубу на соболях, крытую бархатом, за 70 рублей. Продавались здесь и зипуны — наиболее распространенная верхняя одежда. Зипуны роскошные, покрытые шелком, с серебряными пуговицами, стоили до 5—6 рублей; простые — «зипуны сермяжные», «зипуны сермяжные смурые» — всего полтину.

Письменные источники называют еще один вид одежды — кафтаны; они могли служить и верхней, уличной одеждой, и носиться дома. Кафтаны тоже различались: скромные — крашенинные (то есть сшитые из домотканой окрашенной материи), сермяжные, бараньи, козлиные, и нарядные, сшитые из дорогих материй, — атласные, бархатные, камчатые, тафтяные, суконные, «на пупках собольих», «на лисицах», «на беличьих черевях», с золочеными серебряными пуговицами.

И женская верхняя одежда — телогреи — имела различную ценность. Богатая телогрея — «...куфтяная камчатая цветная, ал шелк да желт, кружево кованое золотое, пуговицы серебряные позолочены» — могла стоить до 35 рублей, телогрея попроще — около 8—10 рублей. Продавались и женские шубы, теплые и холодные. Теплая шуба на меху, украшенная золотым кружевом, стоила около 25 рублей, а холодная шуба из крашенины — 20 алтын (60 копеек).

Основная одежда — рубахи и порты, сшитые из холстины, имели цену около 10—12 копеек за штуку. Но если холстина заменялась дорогой материей, цена изделия, естественно, повышалась — нарядные «штаны червчатые суконные» или «штаны сукно багрецовое» стоили по 40 алтын за штуку (1 рубль 20 копеек). Шились штаны и из сермяги.

В сапожном ряду предлагались сапоги. «Ичеготы», «чедыги» — сапоги из мягкой кожи — продавались наряду с новомодной обувью — сапогами с твердой подошвой, подбитой гвоздями и на каблуке. Каблук подбивался металлической подковкой. «Сапоги они носят по большей части красные и притом очень короткие, так, что они не доходят до колен, а подошвы у них подбиты же-

лезными гвоздиками», — писал австрийский посол С. Герберштейн, посетивший Москву в первой четверти XVI века. Большинство сапог делалось из простой кожи, но шили и сафьяновые, атласные, бархатные с вышивкой. Стоимость пары сапог в среднем составляла от 25 до 50 копеек.

Если покупатель был человек зажиточный («средний» или «большой»), он приценивался к заморским товарам. В письменных источниках XVI—XVII веков называются более 20 видов привозных шелковых материй и до 30 видов сукон: аглицкое, лундыш, французское, скорлат, фряжское, лимбарское, брабантское, ипрское, куфтерь, брюкиш (от этого сукна произошло позднейшее название «брюки»), амбургское, греческое и др. сукна привозились преимущественно из Западной Европы; шелковые ткани — камка, китайка, атлас, паволока, объярь, хамьян и др. — главным образом с Востока. Штука, или «постав» английского («аглицкого») сукна стоила приблизительно 8 рублей. Продавались и очень дорогие заморские одежды — кафтаны польские, венгерские, турецкие и другие, отличающиеся модным покроем и отделкой.

В колпачном ряду вместе с дешевыми головными уборами — колпаками, стоившими 6—8 копеек, продавались богатые шапки. Простолюдины покупали шапки-ушанки («треухи» или «малахаи») из овчины, знать приобретала головные уборы из дорогих мехов, крытые яркими материями. Наиболее парадной считалась высокая «горлатная» шапка, расширяющаяся кверху, с плоской тульей. При ее шитье использовался мех с горла зверя. В таких шапках бояре являлись к царскому двору. Шапка «лисья горлатка» стоила 8—9 рублей.

Продавались не только ремесленные изделия, но и строительные материалы. За 100 трехсаженных бревен, 13 досок и 100 гвоздей, приобретенных «на хоромное строение», покупатель платил 7 рублей. 40 «трехсаженных бревен» и «большой прибойный гвоздь» обходились в один рубль. Можно было купить целую избу.

Покупатель расхаживал по рядам, облюбовывал товар и начинал торговаться. «Домострой» советовал: «Торгуй полюбовно, а деньги плати вручь». Деньги носились в кожаных кошельках, скроенных наподобие кисета. Один такой кошелек хранится в Псковском музее. Его нашли вместе с 53 копейками неподалеку от Пскова на месте высохшего болота — видимо, владелец потерял

кошелек, переходя топкое место. Карманы в одежде появились только в XVI—XVII веках. Вначале они пристегивались к поясу и лишь потом стали нашиваться на одежду. Все нужные мелкие вещи (нож в ножнах, ложка в футляре, гребень) горожанин или носил на поясе, привешенными непосредственно к ремню, или в поясной сумке, которая называлась «калитой» или «мошной». Кошельки тоже носили привязанными к поясу или в калите, но, видимо, на торгу их предпочитали прятать за пазухой. Совсем небольшие суммы завязывали в платок и носили тоже за пазухой. Простой московский люд обходился еще проще — деньги прятали за щеку. Немецкий путешественник Адам Олеарий описывал этот поразивший его обычай: «У русских вошло в привычку при осмотре и мерянии товаров брать зачастую до 50 копеек в рот, продолжая при этом так говорить и торговаться, что зритель и не замечает этого обстоятельства; можно сказать, что русские рот свой превращают в карман».

Следует помнить, что на торгу делали не только крупные закупки, но и покупали по мелочам. Например, плотники или печники, прибывшие с артелью в Москву для строительных работ по государеву приказу, получали на день кормовых денег по 3 или 4 копейки. Вполне можно представить себе мастерового человека, вышедшего на торг с одной-тремя копейками за щекой. Ведь провизия была очень дешева: курица стоила одну копейку, и столько же — полтора десятка яиц. Овца продавалась за 12—18 копеек.

РУССКИЕ ДЕНЬГИ

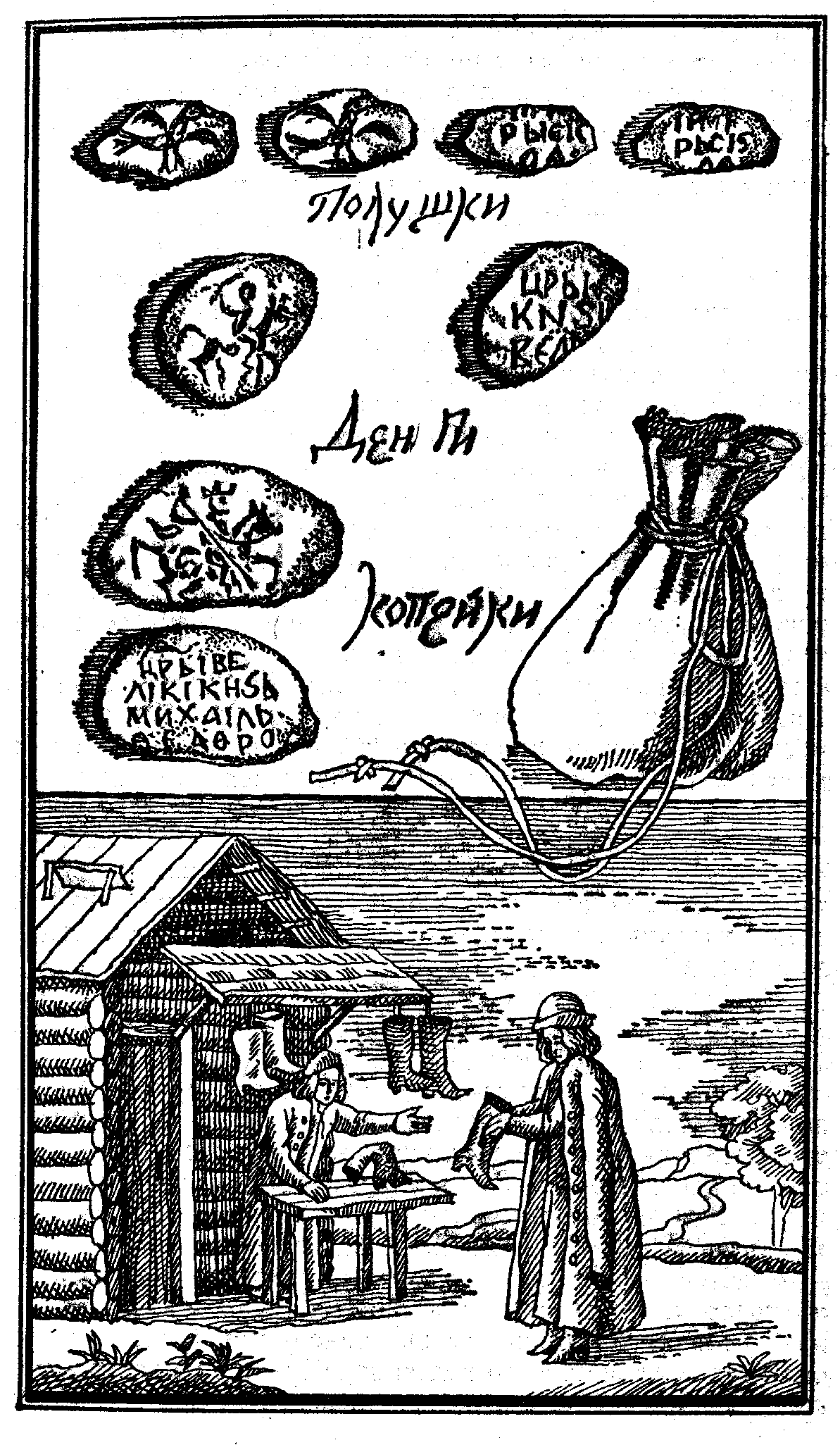
Но что это за деньги, которые можно держать за щекой и одновременно свободно говорить? Уже упомянутый Адам Олеарий замечал, что с русскими деньгами неудобно обращаться, так как они очень мелкие и легко проваливаются сквозь пальцы.

Действительно, западных путешественников весьма удивляли русские деньги, и не случайно почти во всех записках иностранцев много пишется о необычайных русских деньгах и системе счета. В странах Западной Европы с начала XVI века ходили крупные серебряные монеты весом около 27—29 граммов. Они назывались талеры или иоахимсталеры. Существовали также фракции талера, тоже чеканившиеся из серебра. Для крупных торговых сделок и в международной торговле поль-

зовались золотой монетой, ценность которой примерно в 10—11 раз превышала ценность серебра.

В Русском государстве считали на **рубли, полтины, полуполтины, гривны, алтыны.** Но монет с такими названиями не существовало. Это были счетные понятия. Главной и практически единственной монетой была копейка — высокопробная серебряная монета неправильной формы в виде овала. Вес ее на протяжении 1535—1700 годов постепенно уменьшался от 0,68 грамма до 0,27 грамма. Существовали и еще более мелкие номиналы: **денга,** составляющая по весу и размеру половину копейки, и **полушка** — четверть копейки или половина денги, чеканившиеся из того же высокопробного серебра. **Рубль** состоял из 100 копеек, или 200 денег, или 400 полушек; **полтина** — из 50 копеек, или 100 денег, или 200 полушек; **полуполтина** — из 25 копеек, или 50 денег, или 100 полушек; **гривна** — из 10 копеек, или 20 денег, или 40 полушек; **алтын** — из 3 копеек, или 6 денег, или 12 полушек. По размеру копейка соответствовала примерно современной копейке, а денга и полушка были совсем крошечными. Такие монетки удержать за щекой во рту было нетрудно. Но то обстоятельство, что чеканились они из чистого серебра (как показали исследования, из серебра 960-й пробы), делало эти маленькие монетки достаточно ценными. Не случайно археологи при раскопках территории древних городов практически не находят русских серебряных монет XVI—XVII веков, при том, что они, по словам Олеария, «легко проваливаются сквозь пальцы». Копейка имела очень высокую покупательную ценность, и, естественно, ее берегли.

Но если на копейку в августе можно было купить несколько пудов свежих огурцов, то что оставалось делать человеку, если ему приходилось покупать всего десяток огурцов? Если он покупал не воз семги, а всего одну штуку? Даже полушка здесь могла быть слишком ценной монетой. Поэтому на торгу бытовали еще более мелкие, чем полушка, денежные единицы, названия которых сохранили письменные источники: «пулы», «пироги», «полпироги», «полполпироги», «мортки». Копейки, денги и полушки прекрасно сохранились в наших музеях, но реальное воплощение «пул», «пирогов», «морток» до сих пор остается для нумизматов тайной. Есть предположение, что в денежном обращении XVI—XVII веков продолжали ходить мелкие медные монеты, чеканившиеся

полушки
Ден ги
копейки
ЦРЬ ІВЕ
ЛІКІКНЗЬ
МИХАІЛЬ
ӨЕДѲРО

на рубеже XV—XVI веков. Монеты эти назывались пулы, и под такими же названиями они продолжили свою жизнь вплоть до начала XVII века, хотя к этому времени изображения и надписи на них совершенно истерлись. Об их обращении пишут иностранцы, их находят археологи в городских раскопках и погребениях.

Положение покупателей и продавцов, имеющих дело с крупными суммами, тоже было непростым. Для того чтобы уплатить, например, 8 рублей за шапку «лисью горлатку», следовало отсчитать 800 штук копеек. Но ведь приходилось считать и денги, и полушки, что было еще сложнее, тем более на многолюдном торгу. Поэтому часто заранее готовились определенные суммы, завернутые в бумажку или лоскутки. Впрочем, потребность в подсчетах больших сумм на городском торгу возникала не так уж часто. Счет шел на денги, полушки, копейки, алтыны, гривны, реже — на рубли. Размеры кошельков рассчитывались в среднем на 50—100 копеек, не более. Десятками и сотнями тысяч рублей ворочали торговые люди — купцы, «гости», занимавшиеся крупной оптовой торговлей, но их торговые сделки осуществлялись, по всей видимости, в менее людных местах. Да и нередко, как пишут иностранцы, применялась меновая торговля — товар менялся на товар, хотя стоимость обоих товаров выражалась в деньгах. А для наиболее массового представителя торговцев — крестьянина, приехавшего на городской торг с рожью, ячменем, или ремесленника — жителя городского посада, продававшего с воза глиняную посуду или партию одежды, весь оборотный капитал достигал в основном одного-двух рублей.

ЧТО ТАКОЕ КЛАД?

В распространенном представлении клад — сокровище. Недаром поиски кладов стали одним из наиболее увлекательных сюжетов мировой приключенческой литературы. По законам этой литературы клады прятали пираты, разбойники, купцы, иногда в их компании оказывались короли или цари, знатные государственные мужи. Но те люди, которым приходится иметь дело с реальными, а не литературными кладами, знают, что пиратские и им подобные клады-сокровища, состоящие из большого количества золотых монет, драгоценностей, богатой утвари из золота и серебра, — большая редкость.

Обычны клады, состоящие целиком из монет, преимущественно серебряных, иногда — медных, реже — золотых, зарытые где-нибудь в лесу или на берегу реки, а также возле домов или крепостных стен. Хотя Россия славилась далеко за ее пределами несметными богатствами монастырей, церквей и царской казны, в тайники прятали почему-то не золото, драгоценные камни и прочие сокровища, а ходячие серебряные копейки.

Обычай прятать деньги в тайники сродни нашему обычаю хранить деньги в сберегательной кассе. Клады — это те суммы, которые собирались и откладывались не для того, чтобы хранить их вечно, а для покупки необходимого. Как только набиралась нужная сумма, владелец клада доставал деньги из тайника и тратил их. Роль сберегательной кассы в древности исполняли земля, камни, дупла приметных деревьев. На клады натыкаются в самых неожиданных местах — то плуг вывернет горшок с монетами на поле, то лопата выкопает монеты в огороде, то грибник обнаружит клад в лесной кочке, образовавшейся со временем на месте рухнувшего и истлевшего дерева, то половодье обнажит берег, где в корнях старого дерева притаился клад. Часто клады находят под церковными и монастырскими стенами. Их защитой приходилось пользоваться, так как в деревянных городах Древней Руси эти сооружения могли уцелеть даже после сильного пожара.

Клады прятали всегда, но чаще — в моменты различных социальных потрясений — во время войн, нашествий, восстаний. Очень много прятали денег при проведении денежных реформ. До нас дошли те клады, которые были «не востребованы» их владельцами. Причина «забывчивости» в большинстве случаев одна — неожиданная и насильственная смерть владельца.

Изучая размеры кладов, зарытых в России в XVI—XVII веках, нумизматы пришли к выводу, что в подавляющем большинстве случаев эти клады представлены небольшими суммами. Пока самый большой известный нам клад состоит из 50 000 копеек, что составляет 500 рублей. Зарыт он в самом конце XVII века и является церковной казной одной из вологодских церквей. Такой большой клад — редкость. Вот наглядная таблица, представляющая размеры кладов, найденных в нашей стране и зарытых между 1535 и 1718 годами.

Количество кладов в процентах	Годы	Размеры кладов в рублях
Более 60	1535—1613	1—10
Около 30		10—30
Около 10		50—100
Около 50	1613—1682	1—10
Около 30		10—30
Около 20		40—200
Около 50	1682—1700 и 1700—1718	1—10
Около 30		10—50
Около 20		40—500

На таблице хорошо видно, что большинство кладов — это мелкие суммы, от рубля (то есть 100 копеек) до 10 рублей (1000 копеек), хотя ценность денег и цены на товары на протяжение двух столетий менялись. Клады найдены главным образом или в густо заселенных районах сельской местности, или на территории древних городов, в местах, где селились мелкие торговцы и ремесленники. Вполне очевидно, что основную массу кладовладельцев составляли крестьяне или посадские люди. Деньги собирались путем продажи на торгу продуктов сельского хозяйства или ремесленных изделий. При низких ценах на товары первой необходимости набрать сумму, составляющую 10 рублей, было делом нелегким и требующим довольно много времени. Крестьяне к тому же продавали не столько излишки, сколько часть необходимых для жизни продуктов. Вот как описывал иностранный путешественник Даниил Принц жизнь крестьян в России XVI века: «Положение же крестьян самое жалкое: их принуждают платить по нескольку денег каждую неделю великому князю и своим господам. Они имеют скот, плоды и, кроме того, что-нибудь из сельских вещей; отказывая себе во всем, они продают их соседним гражданам, а сами вместе с женами и детьми довольствуются черным хлебом, живут очень бедно, одеваются в толстейшее сукно и сами себе делают обувь из древесной коры, чтобы только не нуждаться в работе сапожника».

Крайне низкой была и оплата труда ремесленника. «Портняжная поделка» — шитье шубы из материала

заказчика, который приобрел черной крашенины и «харни посконной», то есть толстой грубой ткани из конопляного полотна на подкладку, пуговицы и «нити, чем шить шубу», — обходилась заказчику всего в 4 копейки. За перешивку кафтана мастер получал только два с половиной алтына (7 копеек с деньгой). Мастер-лудильщик за полуду блюда и сковороды брал 20 алтын (60 копеек), за блюдо, сковороду и котел — 20 алтын, за пять братин и три оловянных сосуда — 12 алтын. Печники получали «за дело от печи» гривну (10 копеек); «за дело у печи и за очелье и за отбель» — 5 алтын (15 копеек). Но вот «царскому иконнику Постнику Герману» заплатили за копию иконы «Пречистые Смоленская» 7 рублей. Видимо, это был все же единичный случай, так как заказанная у другого мастера копия с чудотворного образа Николы обошлась всего в 40 алтын. Дороже ценился труд мастеров-серебреников: за оклад к иконе, который делался к тому же из материала мастера, ему заплатили «от дела, и за камень, и за прибавочное серебро, и за позолоту» 3 рубля 14 алтын 5 денег; за серебряный оклад креста, материалом которого (креста) служила «кость рыба», было дано 12 алтын. Свечной мастер получил за изготовление для монастырского храма огромной свечи весом около 8 килограммов за работу и за воск 2 алтына 5 денег. Плотникам за мощение монастырского подворья, уложившим там 50 двухсаженных бревен, дали 32 алтына. Батракам, возившим навоз с конюшен, заплатили «от дела» 10 денег. За работу «от дворового чищенья», которая производилась в апреле, когда таял снег, нанятые монастырем батраки получили 8 алтын.

Разумеется, перечисленные размеры выплат за работу часто расплывчаты, так как нельзя вычислить, какую сумму и за какую конкретную работу мог получить отдельный работник, но они все же дают некоторое представление об уровне жизни рядового горожанина. Косвенным свидетельством о размере прожиточного уровня низших слоев городского общества может служить размер «милостыни», выданной одним из подмосковных монастырей «тюремным сидельцам». На 400 человек было выдано 2 рубля. Каждый заключенный, следовательно, получил по полкопейки (по деньге). Поскольку тюрьмы содержались за счет милостыни, эта единовременная выдача, возможно, может дать представление о том, в какую сумму обходилось ежедневное содержание заклю-

ченного. «Копеечка», которую просил юродивый в пушкинском «Борисе Годунове», несомненно, художественный образ; на самом деле «копеечка» была достаточно крупной суммой и нищим копейки не подавали. Во время «великого голода» 1602—1603 годов в Москве ежедневно раздавали беднякам в будни по полушке, в воскресные дни — по денге. Впрочем, есть свидетельство о том, что беднякам выдавалось в день по копейке. Иностранец, современник событий Конрад Буссов писал: «Борис приказал у наружной городской стены, которая в окружности составляла четыре немецких мили, с внутренней стороны отгородить четыре больших площади, куда ежедневно рано утром собирались бедняки города Москвы, и каждому давали одну денгу (denning), а их 36 идет на один талер. (На один талер приходилось 36 копеек, а не денег; дело в том, что иностранцы называли русские монеты того времени денингами, которые переводчик перевел как слово «денга». — *А. М.*) Бедняков там собиралось такое множество, что ежедневно на них тратилось до 500 000 денег... Из-за такого царского милосердия на пищу бедняков, на одеяние для умерших и на погребение в течение этой четырехлетней дороговизны из казны ушло неисчислимо много сот тысяч рублей, так что казна сильно истощилась».

На фоне всех копеечных и алтынных сумм, получаемых ремесленниками за работу, жалованье размером в несколько рублей должно было восприниматься как очень большая сумма. 4 рубля в год получал священник, нанятый монастырем для несения церковной службы на монастырском подворье в городе. Два дьяка, нанятые Иосифо-Волоколамским монастырем для выполнения различных бюрократических процедур в московских приказах, получали один — 7 рублей в год, другой — 4. Впрочем, эти дьяки стояли на верхушке приказной иерархии. Чиновники приказов кормились за счет добровольных приношений, которые платили «от дела» просители. Старец Антониево-Сийского монастыря Исайя, прибыв в Москву по делам монастыря, «ударил челом диаку Остуде Власьеву, нес поминка рубль денег, да другому диаку Тимофею Петрову рубль же, да робятам их дал 4 московки (денги. — *А. М.*)». Более мелкие служащие приказа — подьячие и привратники получили в качестве «поминка» по деревянной ложке. Монастыри закупали на городских рынках эти ложки в колоссальных количествах специально для подарков.

Такова была жизнь «меньших» людей государства. Размеры основной массы монетных находок вполне укладываются в диапазон тех денежных средств, которыми располагали крестьяне и посадские люди. Что же касается феодальной верхушки общества, то здесь богатство выражалось не деньгами. Француз Жан Маржерет, посетивший Россию на рубеже XVI—XVII веков и долго проживший среди русских, заметил: «Дворяне измеряют свое богатство по числу слуг и служащих, а не по количеству денег». Размеры земельных наделов и число закрепленных крестьян определяли уровень богатства феодалов. Но даже у богатых купцов не деньги составляли их сокровища; они заключались в товарах, лавках, амбарах, судах. Тот же Маржерет отметил эту любопытную особенность русской экономики: «Россия есть государство весьма богатое. Не высылая денег за границу, но ежегодно скупая оныя, россияне платят иноземцам обыкновенно товарами... Сверх того россияне променивают иностранцам поташ, льняное семя, пряжу, не покупая ничего от них на чистыя деньги. Даже сам царь серебром платит только тогда, когда сумма не превышает 4 или 5 тысяч рублей; обыкновенно же пушным товаром или воском».

Денежные обороты русского купечества в конце XVI — начале XVII века были небольшими. Так, например, крупнейшая московская купеческая фамилия Шориных, скупая пеньку у Болдина монастыря, заплатила в 1595 году 20 рублей, а в 1596 году — и вовсе 5 рублей. Другой покупатель пеньки, А. П. Клешнин, платил несколько бóльшие суммы: в 1595 году — 90 рублей, в 1596-м — 105 рублей, в 1599-м — 100 рублей. Но какими бы большими ни казались эти суммы по сравнению с теми, которыми оперировали в повседневной жизни посадские люди и крестьяне, их никак нельзя причислить к понятию «сокровище».

САПОЖНИК ИЗ КОЖЕВНИКОВ

Вернемся в Москву 1601 года. Представим теперь другого московского жителя — ремесленника. Он сапожник, живет в Кожевенной слободе (в Кожевниках): в современной Москве — около Краснохолмского моста. В слободе он имеет свой дом с мастерской, а товар продает на торгу с рук. За день ему удалось продать две пары простых сапог по 50 копеек пара и одну пару сафь-

яновых за 40 копеек. На выручку сапожник купил в кожевенном ряду на 12 копеек подошвы и на 9 копеек голенища. Чистая прибыль составила 69 копеек (или 6 гривен 3 алтына по московскому счету).

На исходе дня сапожник вернулся домой. Дом его, как и дома почти всех москвичей, богатых и бедных, представлял деревянное строение. У бедных жилище чаще всего состояло из одной избы с клетью, у жителей побогаче эти избы могли быть двухэтажными или даже трехэтажными, а все жилище выглядело как несколько строений, соединенных между собой сенями. Вот как писал о домах бедного люда итальянец Барберини, побывавший в Москве в 1595 году: «Дома... малы, неудобны. В них одна комната, где едят, работают и делают все; в комнате для тепла печь, где обыкновенно спит вся семья. Они дают дыму вылетать в дверь и окна». Другой иностранец, Петр Петрей (1608—1611 годы) заметил: «Домы строятся у них чрезвычайно высокие, деревянные, в две или три комнаты, одна над другой... У небогатых и бедных в обыкновенном употреблении курные избы, точно так же, как у крестьян в деревнях». Дома окружали дворы: «Город полон деревянных зданий, каждое здание только в два этажа, но с большим двором на случай пожаров, которым они весьма подвержены», — констатировал Ж. Маржерет.

Вернувшись домой, сапожник подсчитал выручку и внимательно пересмотрел монеты — не попалась ли «воровская», то есть фальшивая. В Москве, как, впрочем, и в других городах, фальшивомонетчики тайно изготовляли монеты, и нужно было очень опасаться, чтобы не получить вместо подлинной свинцовую или медную копейку, искусно посеребренную. Монеты оказались все подлинными, и ремесленник собрался запрятать их подальше. Для этого у него была специальная кубышка — глиняный горшочек сферической формы с высоким узким горлышком. Такие кубышки, предназначенные для длительного хранения денег, в изобилии делали московские гончары. Кубышки, благодаря своей сферической форме, легко выдерживали любое давление, их можно было прятать в земле на большой глубине или закладывать камнями; они не боялись также ни воды, ни пожара. Московские гончары делали чернолощеные кубышки, похожие на металлические. В Пскове, Новгороде, Смоленске была другая мода: там кубышки покрывали поливой желтого или коричневого цвета. В глухих, удален-

ных от больших городов местах деревенские гончары делали простые кубышки из необожженной глины.

На боковой стенке кубышки нашего сапожника — три косые черты. Это значит, что ему удалось собрать уже три рубля. Когда кубышка будет полна, появятся еще четыре косых черты — указание на семь рублей, спрятанных в кубышке. Но до суммы в семь рублей пока еще далеко. Из отложенных денег хозяину частенько приходится доставать копейки. Они тратятся и на домашний обиход, и на закупку сырья для сапожного дела, и на уплату государевых налогов.

Сегодня сапожник положит в кубышку почти всю выручку. Он еще раз перебирает монетки. Вот монеты прежних царей — Ивана Васильевича Грозного, его сына, царя Федора Иоанновича. На всех копейках — всадник с копьем (отчего они и получили свое название — копейка, или копейная денга). На другой стороне — надпись в несколько строчек: «Царь и великий князь Иван всея Руси» или «Царь и великий князь Феодор всея Руси». На денгах — всадник с саблей, а надпись совсем короткая: «Царь и князь великий Иван», «Царь и князь великий Феодор». А вот и полушка — крошечная монетка с изображением на одной стороне летящей птички и с затейливой надписью на другой стороне — «Государь». Полушка в клад не пойдет. Ее лучше употребить для покупки съестных припасов — хлебов или калачей.

Всадник, изображенный на монете, — это не просто картинка. Таким был московский герб, ранее бывший гербом государственным, а с тех пор, как получил распространение новый герб — двуглавый орел, всадника стали помещать на щите, расположенном на груди орла. Одновременно всадник — и изображение особы государя, его портрет. Но вот среди монет, полученных сегодня, копейка «на государево имя» нового царя Бориса Федоровича. Наконец-то появились копейки с его именем! Хотя и короновался он в Успенском соборе 3 сентября 1598 года, однако что-то не спешил с выпуском монет с именем Бориса Федоровича и титулом царя и великого князя всея Руси. На денежных дворах продолжали чеканить копейки и денги с именем Федора Ивановича. Новые копейки царя Бориса — особенные. Всадник разодет в пышные одежды, на голове у него шапка Мономаха, а по сторонам изображения всадника, чтобы ни у кого не возникало сомнений в том, кто здесь

изображен, стоят буквы Б и О: «Борис осподарь». На другой стороне монеты, как обычно, надпись: «Царь и великий князь Борис Федорович всея Руси». Такого еще не бывало, чтобы имя свое царь повторял дважды на монете. И задумается в неясной тревоге и предчувствиях московский житель, глядя на новые блестящие копейки...

Но пора прятать кубышку. Во дворе ремесленника — несколько хозяйственных построек: клеть, где хранилось имущество семьи, погреб и навес, под которым летом размещалась сапожная мастерская. Московские археологи нашли при раскопках жилище и мастерскую сапожника, и это помогло восстановить облик дома москвича-ремесленника средневековой Москвы.

Кубышку сапожник спрячет под стеной погреба, тщательно заложит ее дерном, а сверху положит приметные камни. И никто, кроме него самого, не будет знать, где хранятся сбережения. Когда в тревогах и грозных событиях Смуты погибнет сапожник от руки польского шляхтича, клад так и останется в тайнике.

ГОСУДАРЕВЫ ДЕНЕЖНЫЕ ДВОРЫ

Как ни малы были по размерам русские монеты, как ни однообразны по оформлению, современники умели хорошо разбираться в той информации, которая содержалась в миниатюрном историческом памятнике. Если под конем стояла буква М с маленькой «о» над ней или сочетание МО, то они знали, — это продукция Московского денежного двора, который находился в Кремле. Он был совсем новым — в 90-х годах XVI века для него специально построили «палаты каменны», так как старый денежный двор, размещавшийся на Варварке (ныне улица Степана Разина), уже обветшал, стал тесен и неудобен. Каменные палаты Московского денежного двора воздвигли на склоне Боровицкого холма, неподалеку от Боровицкой башни, в сторону реки Москвы.

Среди копеек, которые рассматривал сапожник, были не только московские. Встретились там копейки с буквами ПС под конем. Так метилась продукция Псковского денежного двора. В Пскове тоже находился государев денежный двор.

А вот еще две копейки. Они чуть меньше размером, чем московские и псковские, хотя по весу и содержанию серебра ничем от них не отличаются. Изображен на них

тот же всадник и та же надпись, но и рисунок и надпись имеют свои особенности. Конь под всадником скачет во весь опор, рисунок выполнен неряшливой, прерывистой линией, в отличие от плавного, красивого рисунка на московских монетах. Надпись тоже заметно отличается от крупных, четких букв на монетах московского и псковского чеканов. Под ногами коня на одной стороне надпись: «НО. РЗ»; сверху — маленькая буква «в». На другой монете — надпись «НОРѲ» и тоже — «в» вверху. Расшифровать эти надписи нетрудно. «НѲ» значит «Новгород», буква «в» вверху — «великий». Новгород Великий — так именовался древний Новгород во всех официальных документах. «РЗ» на одной монете и «РѲ» на другой — это обозначение года. Но дата обозначалась не привычными нам арабскими цифрами, а буквами славянского алфавита. «РЗ» — 107 год, «РѲ» — 109. Не правда ли, странные даты?

Дело в том, что в Древней Руси существовало свое летосчисление, заимствованное из Византии вместе с христианством. По этому летосчислению годы отсчитывались «от сотворения мира». Если отсчитывать от года, в котором происходили описываемые события — 1601-го, как мы выше указывали, то «сотворение мира» произошло 7109 лет тому назад. 1601 год был 7109 годом по летосчислению, принятому в допетровской Руси. Другое летосчисление — «от Рождества Христова», принятое тогда в Западной Европе, на Руси было принято только в 1700 году при Петре I. Этим летосчислением мы, как и весь мир, пользуемся в настоящее время. В обыденной жизни полное обозначение года — «7109» — чаще всего не употреблялось, опускалась первая цифра (так же, как и мы часто говорим, например, не 1990 год, а просто 90-й). Поэтому на монетах мы видим усеченное написание дат — 107 и 109.

Для перевода дат «от сотворения мира» на современное летосчисление существует простое правило. Из старинной даты следует вычесть 5508. Если от 7107 отнять 5508, получится 1599; от 7109—1601. Следовательно, две монетки с датами 107 и 109 при переводе на современное летосчисление датируются 1599 и 1601 годами. Величина 5508 — число, составляющее разницу между условной датой «сотворения мира» и не менее условной датой «Рождества Христова».

Сочетание букв НО и «в» с датами, выраженными

славянскими буквами, помещал на своих выпусках Новгородский денежный двор.

К 1601 году в Русском государстве работали три денежных двора: в Москве, Пскове и Новгороде Великом. Это были государственные денежные дворы, так как чеканка монет составляла царскую монополию. В Западной Европе, в отличие от России, помимо королевской или императорской власти, монету могли чеканить еще крупные светские и духовные феодалы. Причины заключались не только в специфике государственного строя Русского государства. Они заключались и в том, что для России одной из серьезнейших проблем было снабжение денежных дворов сырьем для чеканки. Своей промышленной добычи серебра и золота в России не существовало вплоть до середины XVIII века. Золото и серебро закупали за рубежом, в Европе. Отсюда на Русь поступали громадные количества серебряных западноевропейских монет — талеров и в меньших количествах — серебро в слитках и проволоке, а также золото в монетах и слитках.

Для иноземных купцов торговля талерами представляла большие выгоды, так как они и продавали талеры как товар, и меняли их на русские товары: пушнину, лесные товары, поташ, пеньку, воск, сало, лен, которые затем с большой выгодой перепродавали на европейских рынках. Но и русская казна не оставалась внакладе. За каждый талер, купленный у иноземца, казна платила от 36 до 36 с половиной копеек. Чтобы серебро несли на денежные дворы, были установлены более высокие цены при сдаче его в монетное производство: за каждый талер на денежных дворах платили 38 или 38 с половиной копейки.

Любой владелец серебра — русский и иностранец — мог приходить на денежный двор со своим сырьем и заказывать из него монеты. После вычета пошлины он получал на руки то количество русских денег, которое выходило из переплавленного серебра. Основными заказчиками на денежных дворах были царская казна и купечество, особенно занятое внешней торговлей.

Россию XVI — начала XVII века связывали с Западной Европой города Новгород Великий, Псков, Смоленск, Полоцк, «Мурманский берег» на побережье Кольского полуострова, а после 1584 года к ним присоединился Архангельск. Русские «порубежные» города н

Эти вещи можно было
купить на рынке

имели прямого выхода на Балтику. Торговля велась через посредников — купечество городов Риги, Таллинна, Дерпта, а также Швеции, Дании, Польши. Значительная доля прибыли от русской внешней торговли оставалась в их руках. Когда в результате военных успехов Ливонской войны (1558—1583) Россия овладела в 1558 году портом Нарвой, расположенным на реке Нарове, впадающей в Финский залив, русское денежное дело пережило невиданный расцвет. Через Нарву в Россию поступали тонны серебра, которое оказывалось на денежных дворах. Русские купцы стали торговать с Европой без посредников. Появилось специальное руководство для купечества — «Торговая книга», где объяснялось, как выгоднее всего вести заморскую торговлю. Специальная глава «Торговой книги» посвящалась торговле ефимками — так на Руси называли талеры. Но Нарва была в русском владении всего немногим более 20 лет. Неудачный исход Ливонской войны лишил Россию в 1581 году не только Нарвы, но и других русских городов, очень важных для русской внешней торговли: Яма, Корелы, Копорья, Ивангорода. Россия была практически отрезана от Балтийского моря. Русская чеканка в 80—90-х годах XVI века совсем захирела. Только Тявзинский мир, который был заключен в 1595 году между Россией и Швецией, несколько поправил положение и частично возобновил «нарвское плавание». С 1596 года наблюдается подъем в русском денежном деле. Сыграло роль не только оживление внешней торговли, но и общее улучшение экономического положения государства, постепенно оправлявшегося после чудовищных по напряжению всех сил последних лет царствования Ивана Грозного и неудачного исхода Ливонской войны.

Государевы денежные дворы представляли собой, пожалуй, самые крупные предприятия в Русском государстве. На главном денежном дворе — Московском, который был к тому же ведущим учреждением для всего денежного производства—Денежным приказом, — трудились, по всей видимости, не менее 100 человек. В Новгороде в это же время, на рубеже XVI—XVII веков, работали приблизительно столько же рабочих, на Псковском денежном дворе, самом маленьком, — около 30.

На денежных дворах работали плавильщики и кузнецы, которые плавили серебро, выжигали из него посторонние примеси и из очищенного серебра делали заготовки для чеканки. Они назывались «гнезда» и пред

ставляли собой, вероятно, определенное количество серебра в слитках (гнездах?). От кузнецов это серебро поступало к волочильщикам, которые, пользуясь простейшим сооружением — воротом, — последовательно пропускали серебряные стержни через все более и более уменьшающиеся отверстия в доске и в результате из стержней получали проволоку. Проволока поступала к бойцам. Бойцы на специальных «глатких» чеканах плющили проволоку. Рабочие-резальщики резали ее на заготовки для будущих монет. Заготовки имели вес и размер копеек, денег или полушек. Достигалось это простым способом. За исходный вес брали малую гривенку (в современных мерах веса — 204,756 грамма). Серебряная проволока с таким весом разрубалась на 300 заготовок для копеек, или 600 заготовок для денег, или 1200 заготовок для полушек. Заготовки поступали к чеканщикам. Орудием чеканки были чеканы — сделанные из закаленного железа стержни. На торце одних помещалось изображение ездеца, на торце других — надпись. Один из стержней имел четырехугольное основание, которое чеканщик закреплял в специальном пазу на скамье. Чеканщик закреплял нижний чекан, брал в одну руку верхний чекан, в другую — молот; подручный — «подметчик» — подкладывал на нижний чекан заготовку, чеканщик наставлял верхний чекан и ударял по нему молотом. Монета таким образом отчеканивалась. Нужны были особая сила и сноровка, чтобы при помощи такой примитивной техники чеканить сотни тысяч копеек, денег и полушек.

Самым главным и наиболее тщательно оберегаемым орудием производства на денежных дворах были маточники — своеобразные болванки, сделанные из особо прочной закаленной стали. На одних маточниках — «вершниках» — резались надписи, на других — «исподниках» — изображения. Впрочем, полной уверенности в том, что «вершники» несли надписи, а «исподники» — изображения, нет. Сохранившиеся чеканы конца XVII века свидетельствуют о том, что изображения помещались на нижнем чекане, имевшем квадратное основание для укрепления его в пазу, а надписи — на верхнем чекане, представлявшем собой короткий цилиндр. С вершников и исподников изображения оттискивались на чеканы, которыми непосредственно чеканили монеты. Когда чеканы разрушались от работы, сносившийся конец зачищали и на образовавшуюся гладкую поверхность оттис-

кивали с маточника новые изображения или надпись. С одного маточника снималось до нескольких сот чеканов, пока сам маточник не изнашивался. Не только действующие, но и изношенные маточники тщательно сохранялись, так как на их изготовление — и металла, особым образом закаленного, и рисунков, и надписей — затрачивалось много труда и средств.

Основной производственной единицей на денежном дворе была «станица» — артель, включавшая и плавильщиков, и кузнецов, и волочильщиков, и бойцов, и чеканщиков — всех рабочих, занятых производством монеты. За работу станицы отвечал староста, избиравшийся ежегодно из числа чеканщиков. Заказ на чеканку партии монет давался обычно одной станице, и староста следил за всеми операциями. В книгах денежного двора записывалось, сколько получено от заказчика серебра, какой станице оно передается для переработки. Староста должен был сдать готовую продукцию, указать размеры «угара», «крох», отпавших от серебра в процессе чеканки, производственного брака. Готовую продукцию подсчитывали и сравнивали с весом серебра, полученного от заказчика, — точно ли соответствовало количество получившихся монет весу сданного серебра за вычетом «угара» или «крох». Проверкой занимались целовальники, сидевшие в приказной избе, располагавшейся чаще всего в центре двора. Каждая станица сдавала готовый заказ в кожаных мешках — «юфти» — с личной печатью старосты. Подсчет готовых денег происходил в специально отведенном для этого месте. Посреди двора под навесом стояли дубовые столы, под которыми были расстелены «кожи», чтобы ни одна монета не смогла бы затеряться на земле. В книгах записывался окончательный итог всех операций по изготовлению и подсчету денег, записывались все пошлины, взятые с заказчиков, размеры оплаты «мастером за дело». Часть денег получали заказчики, казенные заказы в мешках под охраной стрельцов увозились со двора.

Денежными дворами руководили «гости» — обычно богатые купцы, выбиравшиеся из городского купечества на год, в порядке несения городской повинности. Мастера набирались из вольных посадских людей. При вступлении в должность мастера денежного двора называли поручителей и принимали присягу, «будучи у царского дела, не воровать серебра, и денег не красть, и в серебро меди и олова и иного чего не примешивать, и в домех

своих воровских денег не делати никаких и воровски под чеканы не подделываться». Голова двора тоже присягал, «в свой год сидя», служить на денежном дворе честно и по совести.

Денежный двор был окружен высоким забором — «тыном». По углам двора стояли караульные избы со стрельцами. Во двор вели укрепленные ворота. Денежников обыскивали «донага» и тогда, когда они приходили на работу, чтобы они не проносили с собой свинца, олова и других металлов для примешивания их в серебро, и тогда, когда они уходили, чтобы не выносили с собой готовых денег или производственного брака, который тоже строго учитывался.

За работу денежные мастера получали сдельно. За каждую гривенку переработанного серебра было велено платить «чеканщиком, и волочилщиком, и бойцом, и кузнецом по 10 денег с полушкой». Так как нам неизвестны ни количество выработки на денежных дворах, ни дневные нормы работы, посчитать, как оплачивался труд мастеров в целом, мы не можем. Известно, что в наиболее привилегированном положении находились так называемые «резцы» — мастера-художники, готовившие маточники. На денежном дворе работал один, реже — два «резца». Не случайно они не упомянуты в числе тех денежных мастеров, которые получали по 10 денег с полушкой с гривенки переработанного серебра. «Резец» получал отдельно годовое жалованье, но размеры его неизвестны.

В городе денежные мастера находились на особом положении. Они освобождались от несения городских повинностей: ночных дозоров, общих работ, на том основании, что «они у государева денежного дела день и ночь беспрестанно». Видимо, денежные мастера не выходили с денежных дворов, пока длился один передел — полная обработка одной или нескольких партий поступившего серебра. Где жили в Москве XVI — начала XVII века денежные мастера, сведений нет. Для XVII века известно, что селились они в Денежной слободе на Серебряничской набережной реки Яузы, но многие из них жили и в других районах города.

КАНУН СМУТЫ

Итак, идет 1601 год. Еще спокойно в столице и других городах Российского государства. Но грозные собы-

тия уже на пороге. Чернец Чудова монастыря решался объявить себя чудесно спасенным сыном Ивана Васильевича Грозного — царевичем Димитрием. За спиной дерзкого авантюриста стоят тайные враги Бориса Годунова, знатные бояре Романовы, у которых до пострижения этот чернец служил, приметившие его сметливость, дерзость, храбрость и склонность к авантюрам. Он становится главным орудием борьбы с узурпатором — «неурожденным» царем Борисом Федоровичем Годуновым.

Ропщут бояре. Им трудно смириться с тем, что близкие к «царскому корени» боярские фамилии Романовых, Шуйских, Мстиславских, Воротынских оказались под властью Бориса Годунова, боярина рода старинного, но вовсе не знатного. «Прелукавый» царь Борис не казнит в открытую, как Иван Грозный, но очень искусно убирает со своего пути всякого, в ком видит угрозу своей власти.

Герои трагедии А. С. Пушкина «Борис Годунов», созданной согласно исторической концепции Н. М. Карамзина, горько сетуют:

Уверены ль мы в бедной жизни нашей?
Нас каждый день опала ожидает,
Тюрьма, Сибирь, клобук иль кандалы.
А там — в глуши голодна смерть иль петля.
Знатнейшие меж нами роды — где?

Растет недовольство среди крестьянства. Все чаще крестьяне сталкиваются с отказом помещиков отпускать их в Юрьев день осенний, когда по традиции любой крестьянин мог поменять хозяина, уплатив «пожилое». Помещики ссылаются на царские указы, запрещающие выход в течение пяти лет... Но все упорнее ходят слухи, что Юрьев день вообще отменят и крестьян закрепят навечно за одним помещиком. Недовольные бегут на Волгу, на Дон, и там скапливаются массы воинственных свободолюбивых казаков, не желающих признавать над собой государственную власть.

Нищает мелкое дворянство, и это тоже вызывает недовольство властью. Фонды поместных земель оставались прежними, а численность феодалов увеличивалась. Поместья дробились, оскудевали, многие помещики-дворяне бывали вынуждены сами обрабатывать землю, как крестьяне. В некоторых уездах они даже привлекались к отбыванию барщины на государевой десятинной пашне, что должно было глубоко оскорблять сословное

представление дворянина о его месте в социальной структуре общества.

Пройдут страшные годы Смуты, и современники, осмыслив прошедшее, придут к выводу, что во всем был виноват царь Борис: это он, «возведе работных на свободныя... и введе ненависть, и восстави рабов на господей своих, и власти сильных отъят, и погуби благородных много».

Противоречия социально-экономического развития Русского государства второй половины XVI века, сопротивление народных масс процессу закрепощения, борьба за власть внутри господствующего класса нашли выражение во всеобщем недовольстве «прелукавым» и «злоковарным» правителем Борисом Годуновым. Но историческая справедливость требует отметить, что Борис Годунов немало сделал для преодоления тяжелых последствий хозяйственного разорения 70—80-х годов XVI века, для устройства государственного аппарата, для упрочения внешнеполитического положения Русского государства.

Глава 2

В НАЧАЛЕ СМУТЫ

ТАИНСТВЕННОЕ ИМЯ

Весной 1975 года в Государственный Исторический музей пришли мама, папа и дочка — ученица первого класса московской школы. В дни майских праздников они ходили в байдарочный поход по Иваньковскому водохранилищу, которое затопило обширную площадь на территории Конаковского района Тверской области. Во время привала девочка обнаружила в корнях дерева, подмытого весенним половодьем, мелкие серебряные монеты неправильной формы. Их оказалось 399 штук. Заинтересованное семейство отправилось с монетами в музей.

Это была очень интересная находка! Совершенно оче видно, что в корнях дерева когда-то спрятали клад Хранился он не в кубышке — иначе кубышку или оскол

ки ее нашли бы вместе с монетами. Видимо, клад был завернут в материю или положен в берестяную сумку, которые, конечно, не сохранились.

На найденных монетах на одной стороне был изображен всадник с копьем, а на другой можно было прочесть слова: «Царь и великий князь Иван всея Руси», «Царь и великий князь Феодор всея Руси», «Царь и великий князь Борис Федорович всея Руси». Они оказались копейками, чеканенными при Иване Грозном (1533—1584), Федоре Ивановиче (1584—1598), Борисе Федоровиче Годунове (1598—1605). Но на двух серебряных монетках читалось совершенно новое имя: «Царь и великий князь Дмитрий Иванович всея Руси». На одной монете под ногами всадника были помещены буквы «ПС», на другой — «НРГІ». Судя по сходным буквам на монетах Федора и Бориса, их следовало расшифровывать как слово «Псков» — знак Псковского монетного двора, и как «Новгород» — знак Новгородского двора, к которому прибавлялась дата — «РГІ» — 113, то есть 7113 год. В переводе на наше летосчисление это означало 1605 год.

Какой же «царь всея Руси» Дмитрий Иванович мог чеканить в 1605 году монету на государственных денежных дворах?

Русская история знает исторических деятелей с такими именами. Дмитрием Ивановичем Донским звали великого князя Московского, победителя татар на поле Куликовом в 1380 году. Но он княжил с 1362 по 1389 год, следовательно, никак не мог иметь отношение к монетам с датой 1605 год. Другой Дмитрий Иванович — внук великого государя Ивана III (1462—1505) был торжественно коронован как наследник великого князя Московского в 1489 году, но в результате политических интриг его заключили в темницу в 1502 году, и политическая карьера внука Ивана III закончилась. Ивана III сменил на великокняжеском столе сын его Василий III (1505—1533). Следовательно, и этот Дмитрий Иванович не мог чеканить монеты в 1605 году. Но известен еще Дмитрий Иванович — сын Ивана Грозного, родившийся от последнего брака царя с Марией Нагой. В год смерти Ивана Грозного ему было около двух лет. Царствовать стал его старший брат Федор, матерью которого была первая супруга царя Анастасия Романова. Дмитрию дали в удел Угличское княжество со столицей в Угличе и поселили его там с матерью. 15 мая 1591 го-

да маленький царевич погиб. В припадке эпилепсии, которой он страдал, мальчик наткнулся горлом на раскрытый нож. Народная молва и историческая традици приписали смерть ребенка злой воле Бориса Годунова Устранение последнего законного представителя царственной династии Рюриковичей открывало ему путь учреждению собственной династии Годуновых. Впрочем достоверных исторических свидетельств вины Годунов не найдено и версия эта оспаривается рядом ученых Копейки с именем Дмитрия Ивановича, следовательно не могут быть приписаны и царевичу Дмитрию, умершему задолго до 1605 года.

Кстати, копейки с именем Дмитрия Ивановича известны не только по кладу с Иваньковского водохранилища. Около двух десятков кладов с такими монетам насчитывают нумизматы. В кладах были как уже известные по Иваньковскому кладу копейки, так и другие монеты — московские, со знаками Московского денежно двора МО, или «с/М», или совсем без букв, а также ногородские — с буквами «н/РДІ» (1606 год). Клады происходят из Московской, Тверской, Рязанской, Брянской, Орловской, Новгородской и Псковской областей, также из Познанского воеводства Польской Народно Республики. Это означает, что в 1605 и 1606 годах копейки с именем царя и великого князя всея Руси Дмирия Ивановича были широко распространены на терртории Русского государства и даже попали за его прделы.

Нумизматы знают не только копейки с имене Дмитрия Ивановича. В Государственном Эрмитаж хранится уникальная (известная в единственном экземляре) серебряная медаль, а в Государственном Исторческом музее — золотая медаль, тоже уникальная, г читается это имя. Известны также серебряные меда с именем Дмитрия Ивановича другого вида и более мекие и легкие — золотые.

На эрмитажной серебряной медали изображен пояной портрет молодого человека (без бороды и усов), русской одежде, украшенной цепью на шее. В правой рке человек держит скипетр, в левой — державу, на голве его — императорская корона. На другой стороне мдали помещен герб Русского государства — двуглав орел, увенчанный тремя царскими коронами, со щито укрепленным на груди орла, где изображен «ездец»

всадник с копьем. Вокруг портрета читается латинская надпись, которая в переводе означает: «Дмитрий Иванович Божиею милостию император России. Год жизни его 24». Надпись на другой стороне медали вокруг орла сделана русскими буквами, которые образуют нескладные слова, с трудом поддающиеся пониманию: «ДИМИТРЕЙ ИВАНОВИЧЬ. БЖ. МЛ. ЦЕСАРЬ. РОСКИЙ. ЛЕ. ЦРСТВА. СВОГ.А». Надпись можно расшифровать так: Димитрий Иванович. Божиею милостию цезарь русский. Лета (года) царства своего в первое.

Медаль поражает сочетанием в ней несовместимых элементов, никак не укладывающихся в русские традиции. Во-первых, в России до XVIII века никогда не чеканились медали с портретами правителей. Это была западноевропейская практика. Во-вторых, изображенный на медали молодой человек в русской царской одежде, со знаками царского достоинства — скипетром и державой — был увенчан императорской короной. Русские цари изображались или в шапке Мономаха, имевшей вид сферической высокой шапки, опушенной внизу мехом, или в царских коронах, имевших три или пять зубцов. На западный манер изображен и русский герб — в узорчатом картуше (рамке), с затейливой формой крыльев. Но более всего необычна сама надпись. В ней Дмитрий Иванович назван «императором» и «цесарем» русским. В титулатуре русских царей такие наименования никогда не применяли. Они именовались царями и великими князьями. Титул императора у нас, как известно, имел Петр I, но это произошло уже в XVIII веке.

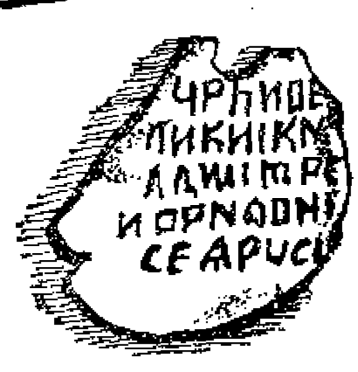
Другая известная серебряная медаль изображает, судя по надписи, того же таинственного Дмитрия Ивановича. На одной стороне медали мы видим погрудный портрет в профиль тоже безбородого и безусого человека с большой головой и короткой шеей. Он изображен без головного убора, с волосами, гладко зачесанными назад. Человек одет в кафтан, на плечах его — горностаевая мантия. В правой руке он держит царский скипетр, левая рука не видна. В отличие от портрета на первой медали, весьма безликого и условного, здесь лицо очень характерно: большой тяжелый лоб, нос башмаком, толстые оттопыренные губы создают запоминающийся облик. Голова переходит в туловище почти без шеи, рука непропорционально коротка. Но все недостатки изображения, видимо, следует перенести на счет оригинала,

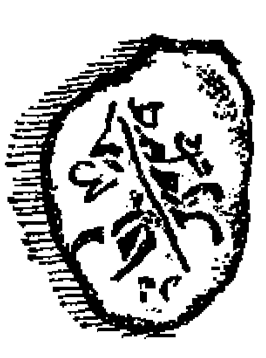
так как медаль выполнена на высоком профессиональ-ном уровне.

На другой стороне медали изображен государствен-ный герб — двуглавый орел, увенчанный тремя царски-ми коронами, с ездецом на груди. Однако по очертания орел очень напоминает польский герб, изображающи одноглавого орла. На обеих сторонах медали размещен надпись, выполненная русскими буквами, тоже маловра-зумительная. В расшифрованном виде она читается сле-дующим образом: «Димитрий Иванович божиею мило-стию царь и великий князь всея России и всех татарских королевств и иных многих государств Московской монар-хии подлеглых господарь король и обладатель и цесар России и самодержец». Дмитрий Иванович здесь имену-ется не только «королем», «цесарем», но и обычным русскими званиями — царем и великим князем, само-держцем. Вообще же в надписи медали много несообраз-ностей. Русское государство здесь названо Московско монархией; «татарские королевства» обычно называлис в русских документах «царствами»; титул «король», ви-димо для усиления его звучания, дополнен словами «гос-подарь..., и обладатель, и цесарь..., и самодержец». Ка-жется, все средневековые титулы правителей встретилис на медали.

Обе медали, вне всякого сомнения, имеют западно и, судя по полонизмам в надписи и по рисунку герба польское происхождение.

Совершенно по-другому выглядят золотые медали Впрочем, медалями в нашем понимании их назвать нель-зя. Это были типичные для русской нумизматики XVI—XVII веков золотые монетовидные знаки, которые специ-ально чеканились для наград и торжественных церемо-ний. Золотая монета для обращения на Руси не чекани-лась. Если же возникала нужда в золоте — для распла-ты с иностранцами, для выплаты царской казно дипломатических подарков («поминков»), пользовалис международной западноевропейской монетой — золоты-ми венгерскими дукатами. На Руси они получили назва-ние «угорский» или «золотой». Венгерские дукаты имел устойчивый вес — 3,4 грамма, и этот вес стал эталонным для русских золотых монет, которые время от времен чеканились на русских денежных дворах. Русские «золо-тые» чеканились с весами, кратными угорскому. Они мо-гли иметь вес в 10, 5, 2, половину и четверть угорского Ценность награды или подарка зависела от веса. Со вре

Копейки Лжедмитрия I чеканенные на Псковском денежном дворе

мени царствования Ивана Грозного утвердился тип русского золотого. На обеих сторонах его изображался герб — двуглавый орел со щитами на груди, где был ездец или единорог. Надпись была также на обеих сторонах и содержала полный титул и имя царя.

До нас дошли два типа золотых с именем Дмитрия Ивановича. Одна золотая «медаль» (хранится в Государственном Историческом музее) имеет вес 34,33 грамма и соответствует, следовательно, 10 угорским. Это — уникум. Другой золотой весит 3,94 грамма. Он соответствует одному угорскому. Золотой в 10 угорских — самый крупный известный золотой монетовидный знак.

Надпись на знаке в 10 угорских выглядит так: «Бжиею млтию црь и великий князь Димитрей Иванович всея Руси Владимирский Московский Новгородский Псковский Тверской Полоцкий црь Казанский гдрь Астраханский». На монете в один угорский — двуглавый орел, увенчанный двумя коронами, без каких-либо изображений на груди, окружен следующей надписью: «Бжиею милостию црь и великий кнзь Дмитрей Иванович всея Роусии». Как изображение, так и надписи были вполне привычны и удобочитаемы для русского человека. Сокращенное написание некоторых слов (Божиею милостию, царь, князь, государь) было нормой; для наиболее часто употреблявшихся без каких-либо вариантов слов всегда использовалось своеобразное клише.

Сравнение серебряных медалей с золотыми знаками окончательно убеждает в том, что первые были сделаны западными мастерами, не сведущими в русских обычаях. Оформление их, содержание надписей — все говорит о том, что задачей этих нумизматических памятников была информация Западной Европы о властителе Русского государства и его титулах. Русские золотые, имеющие канонический облик, характерный для русских монетовидных золотых знаков, напротив, ясно предназначались для «внутреннего употребления».

Хотя ни на серебряных медалях, ни на золотых знаках нет дат (указано лишь, что Дмитрию 24 года и что одна из медалей сделана в первый год его царствования), совершенно очевидно, что эти нумизматические памятники вместе с серебряными копейками, несущими имя царя и великого князя Дмитрия Ивановича, составляют один комплекс. Благодаря датам на копейках — 1605 и 1606 годам — датируются и медали.

Даты позволяют определить, какой же «Дмитрий Иванович» изображался на медалях и чеканил монеты со своим именем.

В истории России 1605 и 1606 годы хорошо запомнились тем, что русским престолом завладел самозванец, принявший имя погибшего в 1591 году царевича Дмитрия, сына Ивана Грозного.

7 июля 1605 года самозванец был коронован на царство в Москве, в Успенском соборе, где всегда венчали на царство русских царей.

«Тень Грозного меня усыновила и Дмитрием из гроба нарекла», — говорит пушкинский самозванец. Не «тень Грозного», а вполне реальные политические враги Годунова — бояре Романовы, Шуйские, Голицыны, Черкасские нарекли Дмитрием бойкого галичского дворянина Отрепьева, поступившего на службу к боярину Романову. Опала, постигшая Романовых в 1600 году, вынудила его постричься в монастырь под именем Григория Отрепьева. С этим именем он и вошел в историю.

Григорий Отрепьев не был только пассивным орудием в руках заговорщиков. Он сам начал активно и не без актерского таланта играть роль царевича, лишенного интригами Годунова законного престола. Достичь желанной цели, конечно, ему помогло сплетение целого ряда объективных обстоятельств. Прежде всего успехам самозванца способствовала неистребимая вера народа в «хорошего царя». В разные исторические периоды эта утопическая вера то вспыхивала, то затухала, но не иссякала никогда. В переломную эпоху, какой был рубеж XVI—XVII веков, крестьянское население переживало процесс окончательного закрепощения. Крестьяне лишались права менять место жительства, переходить от одного владельца к другому, права владеть своей землей, трудом и плодами труда, собственной судьбой. Они потеряли личную свободу. От рабов их отличало то, что они должны были кормиться собственным трудом за счет обработки земли, принадлежавшей не крестьянину, а феодальному владельцу. Крестьяне платили натуральный и денежный оброки, несли различные трудовые повинности, работали на барщине. Феодалами были и мелкие помещики, владеющие нередко всего десятком крестьянских душ, и крупные вотчинники, во владении которых могли находиться сотни и тысячи крестьян, и монасты-

ри. Царская казна тоже владела крестьянами. Главным средством борьбы против закрепощения было бегство крестьян на окраины страны, где формировалась весьма своеобразная общность — вольное казачество. Казачество представляло собой военизированные самоуправлявшиеся объединения, живущие за счет грабежа и разбоя. Впрочем, русское правительство прибегало к услугам казаков, используя их для охраны южных и юго-восточных границ государства. От казны казаки получали боеприпасы, оружие и хлеб. Вольница на границах весьма беспокоила правительство. Делались попытки усилить зависимость казачества от государственной власти. При Борисе Годунове в непосредственной близости от главной резиденции вольного казачества — Запорожской Сечи — закладывались сторожевые города, где селились государевы служилые люди — стрельцы. Стрельцы были обязаны нести военную сторожевую службу, за что получали от казны жалованье деньгами и натурой, а также право заниматься мелкой торговлей и ремеслом.

Беглые крестьяне были той питательной средой, где рождались и множились слухи и надежды на «доброго царя», который разом отменит новые порядки, уничтожит «крестьянскую крепость». Но не менее жадно впитывались слухи о «добром царе» и крестьянами, сидящими на земле.

Эту народную утопию умело использовали родовитые бояре, недовольные узурпатором Борисом Годуновым, занявшим трон, не принадлежащий ему по праву крови.

Другой реальной силой, способствовавшей фантастическому успеху самозванца, стали польские магнаты во главе с королем Сигизмундом III (1587—1632). Они не были удовлетворены результатами Ливонской войны (1558—1583), так и не вернувшей Польше Смоленскую землю со Смоленском, а также Черниговские и Новгород-Северские земли. Среди польских политиков была очень популярна идея династической унии, благодаря чему Польша, Литва и Россия объединились бы под одной властью.

Поддерживая самозванца, Сигизмунд III и его сподвижники рассчитывали посадить на русский престол своего ставленника, который будет вынужден выполнить все требования польской короны. Для достижения династической унии предполагалось женить московского пра-

вителя на польской подданной. Невесту для «Димитрия» нашли в Сандомире. Это была дочь сандомирского воеводы, разорившегося знатного польского магната Юрия Мнишека. Безмерно честолюбивая наследница воеводы Марина Мнишек получала головокружительную перспективу стать могущественной русской царицей. Она оказалась послушным орудием в политической борьбе, затеянной в Польше.

За кулисами всей интриги стоял Ватикан. Папа римский и иезуиты всячески и, надо сказать, очень искусно поддерживали и направляли действия самозванца. Собственный ставленник на русском троне был чрезвычайно важен для выполнения внешнеполитичеких и внутренних задач католической церкви. На рубеже XVI—XVII веков Ватикан усиленно трудился над созданием союза католических государств в борьбе против Османской империи. Союз Гамбургской империи, Речи Посполитой (так с 1569 года стало называться объединенное польско-литовское государство) и России мог стать силой, противостоявшей «неверным» на юго-востоке Европы. Не менее заманчивой перспективой для римской церкви было насаждение католичества в Русском государстве. Залогом успеха здесь служили и переход самого Григория Отрепьева в католичество, который совершился во время подготовки к походу в Россию, и брак его с католичкой Мариной Мнишек.

Согласно подписанным самозванцем «Кондициям» будущий русский царь обязывался передать Речи Посполитой шесть городов «со всем, что к оным принадлежит» в Северской земле, включая такие крупные города, как Чернигов, Новгород-Северский, Путивль, а также половину Смоленской земли. Он обещал помочь королю в борьбе, которую Сигизмунд вел со Швецией, за шведскую корону. «Дмитрий» также обязывался жениться на подданной короля. 25 мая 1604 года самозванец и Юрий Мнишек заключили брачный контракт. По этому контракту будущий русский царь передавал Мнишеку Северскую землю без шести городов, уже обещанных королю, вторую половину Смоленской земли и выплачивал из царской казны миллион польских злотых. Марина, как русская царица, получала на правах удельного княжества Новгородскую и Псковскую земли, причем ее супруг, русский царь, обязывался «ни во что не вступаться» во владениях царицы. Отрепьев обязывался также привести все православное население в католичество

в течение одного года. В случае несоблюдения срока Марина могла развестись с царем, оставив за собой все земельные владения.

ЦАРЬ ВСЕЯ РУСИ И СПОРЫ О ТИТУЛЕ

Достигнув заветной цели и короновавшись на русский престол, самозванец оказался в очень сложном положении. Чтобы удержаться на престоле, ему нужно было не только внешне считаться с московскими порядками, но и соблюдать интересы своего государства. Нужно было тщательно скрывать факт своего перехода в католическую веру. С другой стороны, пришла пора выполнять обещания, которые авантюрист ранее давал польским покровителям.

Следует сказать, что Григорий Отрепьев все же считался с соотечественниками больше, чем с поляками. Земли, обещанные королю и Мнишеку, он не отдал, а лишь обещал выплатить за них денежную компенсацию. Со Швецией в войну не вступил, в военные действия против турок не ввязался, хотя Империя и Польша рассчитывали руками московитов начать войну с Портой. Русские согласно этому плану должны были бы открыть военные действия против крымских татар, связанных с Османской Турцией союзными отношениями. Лжедмитрий начал сосредоточивать военные силы и вооружение в районе Ельца, чтобы начать поход на Азов в устье Дона, но эта военная акция была более в интересах России, чем католических государств, так как она обеспечивала свободное продвижение русских по Дону. Лишь польские наемники получили щедрое вознаграждение по достижении Москвы, что не помешало им в дальнейшем требовать дополнительной оплаты.

Из всех своих обязательств перед польскими покровителями самозванец наиболее полно и последовательно выполнял обещание заключить брак с польской подданной. Надо полагать, не романтические чувства к Марине Мнишек были причиной тому, а умелое и настойчивое руководство иезуитов, заинтересованных в браке русского царя с католичкой, чтобы иметь возможность через нее воздействовать на политику Москвы.

Для самозванца, ставшего русским царем, наиболее важным было самоутверждение в глазах и собственных подданных, и внешнего мира. Способом достижения этого был титул правителя. Ученый патер, историк отец

Пирлинг, автор сочинения о Дмитрии Самозванце, широко использовавший архивы Ватикана, писал, что вопрос о титулах стал стержнем, вокруг которого вращалась вся московская дипломатия. Состав и полнота титулатуры в средние века практически превращались в вопрос об определении места государства в международной системе, признания его значения и самостоятельности, целостности его границ. Страницы дипломатической переписки русских и европейских государственных деятелей наполнены бесконечными утомительными словопрениями о содержании титулов правителей. Но это были не формальные споры — в средние века споры о титуле были составной и весьма существенной частью международной политики.

Для Лжедмитрия вопрос о титуле вырастал в проблему определения места нового русского государя в иерархической системе европейских правителей. Коронационные медали, о которых речь шла выше, были для самозванца средством известить европейских монархов не только о собственной особе, но и о значении России в ряду европейских государств. Титул императора, употребленный на серебряных коронационных медалях, ставил московского государя выше польского, бывшего только королем.

Притязания самозванца вызвали однозначное отношение со стороны польского короля. То, что королевский ставленник, происхождение которого было достаточно хорошо известно, назвал себя не только царем и великим князем, но и императором, высшим званием в феодальной иерархии, не могло не вызвать раздражения Сигизмунда III. К тому же ему скоро стало известно, что положение самозванца в Москве не так уж и прочно, так как могущественные боярские фамилии мечтали избавиться от него после того, как его руками была убрана династия ненавистного Годунова. Вскоре после коронации, в августе 1605 года, в Москву прибыл посланник короля Гонсевский с поздравлениями по случаю восшествия на престол и напоминаниями об обязательствах. В грамоте короля Лжедмитрий не был назван даже царем — король умышленно употребил только один титул — «великий князь». В ответной грамоте московский царь сетовал королю: «...сокращение наших титулов, сделанное его величеством, возбуждает в душе нашей подозрение насчет его искренней приязни». Свои права на титул он аргументировал следующими доказа-

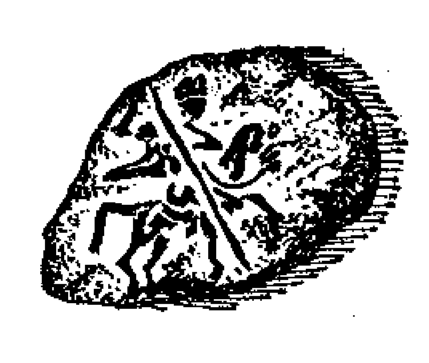
тельствами: «Королю польскому уже известно, что мы не только князь, не только царь, но также император в своих обширных владениях... Мы не можем довольствоваться титулом княжеским или господарским, ибо не только князи и господари, но и короли состоят под скипетром нашим и нам служат».

В требовании императорского титула самозванец опирался на историческую традицию. В дипломатической переписке между английскими и русскими правителями титул «царь» приравнивался титулу «император». Английский хронист Хауэс писал в XVII веке, что великий князь Иван Васильевич Грозный «был первым, кто принял звание царя, которое означает то же, что и название «император», и подтвердил свое право на этот титул завоеванием Казани и Астрахани, царей которых он привел в качестве пленников во время триумфа в Москву, свой главный город».

Притязаниями самозванца возмущались и польские паны. Воевода познанский негодовал, что новый московский царь требует себе такого титула, какого не имеет ни один государь христианский. За это, говорил воевода, бог лишит Димитрия престола, да и пора показать всему свету, какой это человек, а подданные его должны и сами догадаться. Недовольство поляков своим ставленником, оказавшимся на русском престоле, выразил, в частности, гетман Жолкевский. Он писал, что по прибытии в Москву «Димитрий много изменился и не был похож на того Дмитрия, который был в Польше. О вере и религии католической (вопреки столь многим обещаниям) он мало думал. О папе, которому, по словам посланных из Польши писем, он посвятил себя и своих подданных, теперь говорил без уважения и даже с презрением».

Надо полагать, не последнее место в ряду поступков московского правителя, вызывавших неудовольствие в Польше, был выпуск серебряных коронационных медалей со столь чудовищным нагромождением титулов. Разумеется, самозванец мог бы получить квалифицированную консультацию о титулах, приличных московским государям, у дьяков Посольского приказа — своего рода министерства иностранных дел того времени. Но чеканка коронационных медалей в России не практиковалась, и есть основания считать, что самозванец, переняв польский обычай выпуска медалей на случай коронации, вопросами оформления медалей занимался лично, так же,

Копейки Лжедмитрия I чеканенные на Московском денежном дворе

как он сам сочинял подписи под своими портретами.

Интерес к личности Отрепьева и, главное, активная политическая интрига, в которую были втянуты многие представители польского общества, вызвали к жизни серию портретов самозванца и Марины Мнишек, где усиленно подчеркивались их притязания на московский престол. На парадном банкете в Кракове, устроенном в 1604 году Мнишеком, за «царевичем», присутствовавшим в зале инкогнито, с любопытством наблюдали знатные гости. Затем они описывали его внешность в письмах, и мы сейчас можем явственно представить себе облик этого удивительного человека. Но сохранились не только словесные описания. Известен датированный 1604 годом акварельный портрет самозванца с подписью на золотом фоне: Demetrius Jwanowice Magnus Dux Moschoviae. 1604. Aetatis Suae 23 — «Димитрий Иванович, великий князь Московии. 1604. Год жизни его 23». Считается, что надпись сочинил сам «царевич». Портрет находился в рукописном сборнике «Thesaurus Picturarum» (1572—1620) и сопровождался следующим пояснением: «Года 1605, в октябре, прибыл в Гейдельберг знатный посланник из Польши... Этот последний привез с собой подлинник прилагаемого изображения Димитрия Иоанновича, молодого бывшего монаха, который объявил себя природным наследником и законным преемником великого князя Московского, и, под этим видом, в прошедшем 1604 году и текущем 1605 году силой присвоил себе это владение, как при жизни, так и по кончине Годунова Федоровича».

В ноябре 1605 года в Кракове, когда праздновалось бракосочетание Дмитрия и Марины (жениха на церемонии представлял его «поручитель» дьяк А. Власьев), была выпущена брошюра, специально посвященная этой церемонии. В брошюре помещался портрет самозванца, который считается самым его достоверным изображением, очень похожий на акварельный портрет 1604 года. На портрете Дмитрий изображен в польском гусарском кафтане (по словам очевидцев, он носил его постоянно), без бороды и усов, с непокрытой головой; художник изобразил также большую бородавку на носу около правого глаза.

Возможно, к брачным торжествам написали также два больших парных живописных портрета Дмитрия и Марины. Оба они одеты в европейское платье, возле каждого на столе помещены императорские короны, а

над портретами — русский государственый герб — двуглавый орел. На обоих портретах Дмитрий и Марина, видимо, сильно идеализированы. Возле изображения Дмитрия латинская надпись сообщала, что представлен здесь Димитрий, император Московский, супруг Марины Мнишек; надпись на портрете Марины подтверждала, что это — Марина Мнишек, супруга Димитрия, императора Московии.

Оба портрета хранились в Сандомирском замке Вишневецких и в 1876 году были переданы Российскому Историческому музею (ныне — Государственный Исторический музей).

В 1606 году в Аугсбурге известный гравер Лука Килиан сделал гравированный портрет самозванца. В основе изображения лежал, по всей видимости, портрет с ноябрьской брачной брошюры, но здесь лицо Дмитрия старше и антипатичнее, на лбу прибавилась бородавка. Вокруг помещалась латинская надпись, которая может быть переведена следующим образом: Димитрий Иванович Божиею милостию царь и великий князь всей Московии император.

Именно об этом портрете известный русский историк Н. И. Костомаров сказал: «Если справедливо, что физиономия есть вывеска души, то нельзя сказать, чтобы физиономия, которую передал Лука Килиан, выражала благородную, честную душу. Самозванец не красив, но не это — порок его физиономии. Много есть людей некрасивых по формам, но привлекательных по выражению лица, глаз, улыбки и проч. О названном Димитрии, по передаче Луки Килиана, никак нельзя этого сказать».

Медаль из Государственного Эрмитажа, где Лжедмитрий изображен в императорской короне и со всеми царскими регалиями, судя по надписи, была отчеканена в 1605 году: «Димитрий Иванович Божиею милостию император России. Год жизни его 24». Автором этой медали скорее всего был мастер Хануш Трыльнер (учился в Гданьске, с 1610 года жил в Вильне, умер в 1652 году). Условное, лишенное индивидуальных черт изображение на медали позволяет предположить, что она была заказана медальеру как парадная и, подобно парным коронационным портретам Дмитрия и Марины, видимо, предназначалась для подношений на брачной церемонии. Сходство содержания надписи на лицевой стороне коронационной медали и подписи под акварельным пор-

третом 1604 года, сочиненной якобы самим Лжедмитрием, дает основание для вышеприведенного мнения о возможности личного участия самозванца и в оформлении медали.

Но еще больше о его личном «вкладе» в содержание надписи на медалях говорит вторая медаль, где Лжедмитрий изображен с непокрытой головой и в горностаевой мантии, накинутой на плечи. Именно здесь наблюдается фантастическое нагромождение титулов, которое не мог бы позволить себе ни один опытный дипломат той эпохи. Впрочем, медаль эта и судьба ее весьма загадочны. Здесь совершенно отсутствует элемент парадности, условности и идеализации объекта изображения в отличие от первой медали. Изображение обнаруживает удивительное сходство с гравюрой 1606 года, принадлежащей авторству Луки Килиана, хотя портрет на медали изображен в другом ракурсе. Очевидцы писали, что «царевич» был ниже среднего роста, непропорционально широк в плечах, почти не имел талии, руки его были разной длины, шея коротка. Возле широкого тяжелого носа сидели две бородавки, а весь образ этого человека был исполнен грубой силы. Все это убедительно передано как на гравюре 1606 года, так и на медали, только на последней отсутствуют бородавки. Сходна даже одежда. Известно, что штемпели медали хранились в Кракове и были вывезены оттуда в XVIII веке Петром Первым. Хранящиеся в наших музеях медали — не оригиналы, а новоделы, чеканенные этими штемпелями. Остается загадкой — была ли действительно приготовлена данная медаль при жизни Лжедмитрия или это позднейшая подделка, копирующая образ, созданный Лукой Килианом? Или же штемпели медали были резаны в 1605—1606 годах, но дальнейшее развитие событий не позволило использовать их по назначению и медали с изображением «императора», «короля», «цесаря», «царя и великого князя Московского» так и не увидели свет?

Безусловную поддержку в своих притязаниях на пышный титул Лжедмитрий получил только у иезуитов. 10 апреля 1606 года из Рима в Москву были отправлены письма с инструкциями самому Лжедмитрию, Марине и ее отцу. В письме к московскому царю, где настойчиво проводилась мысль о необходимости обратить все силы России на борьбу с турками, в вопросе о титуле папа принял сторону самозванца: «Так как между королем

польским и его светлостью... существует недоразумение касательно титула его светлости, то должно стараться о том, чтобы ради маловажности этого дела не было забыто благо всего христианства. Хотя его святейшество решилось прекратить этот спор, но он сделает все, что может послужить к сохранению и увеличению достоинства его светлости». Папский нунций Рангони, внимательно следивший за действиями Дмитрия чуть ли не с первых шагов его политической карьеры, дал ему по разрешению папы такой титул, который вполне должен был удовлетворить политические притязания московского самодержца. В переводе этот титул звучал так: «Светлейший и непобедимейший монарх Димитрий Иоаннович цезарь и великий князь всея России, а также всей Татарии и других королевств многих господин монархии Московской подданных господин и король» (обращает на себя внимание некоторое сходство этого титула с тем, который читается на второй серебряной медали). Папа Павел V принял решение все же признать Дмитрия не императором, а «королем папской милостью».

Готовность пойти навстречу Лжедмитрию была продиктована, видимо, тем, что московский властитель выполнил очень важное требование Ватикана: бракосочетание царя с католичкой Мариной Мнишек было совершено в ноябре 1605 года. Сам папа Павел V писал Лжедмитрию, что брак его есть дело, в высокой степени достойное его великодушия и благочестия, и что этим поступком Дмитрий удовлетворил всеобщие ожидания. «Мы не сомневаемся, — писал папа, — что так как ты хочешь иметь сыновей от этой превосходной женщины, рожденной и свято воспитанной в благочестивом католическом доме, то хочешь также привести в лоно римской церкви и народ московский, потому что народы необходимо должны подражать своим государям и вождям».

Поддержка Рима придавала Лжедмитрию твердости. Через папского нунция Рангони он дал понять польским послам Олесницкому и Гонсевскому, что настаивает на своих титулах и никаких своих обещаний о территориальных уступках Польше выполнять не намерен. Разговор этот состоялся во время дорожной встречи Рангони, направлявшегося из Москвы в Рим, с послами, снабженными инструкциями Сигизмунда III об основных условиях договора с московским властителем;

после прибытия в Москву Марины и завершения всех коронационных торжеств в Краков должны были приехать представители Дмитрия с широкими полномочиями, чтобы договориться о расчленении России.

КОНЕЦ АВАНТЮРЫ

Главной заботой Лжедмитрия стало стремление скрыть от своих подданных собственное вероисповедание и примирить народ московский с вероисповеданием своей нареченной. Судя по всему, его самого вопросы религиозной этики волновали очень мало, но он не мог не понимать, что брак с католичкой будет воспринят православным населением как отступничество от истинной веры. Вначале он тщетно пытался убедить католических прелатов разрешить Марине перейти в православие, втайне оставаясь католичкой. Разумеется, римская церковь, возлагавшая столь большие надежды на появление в Москве царицы-католички, не согласилась с просьбой царя. Лжедмитрию не оставалось ничего другого, как по прибытии в Москву Марины совместить ее венчание на царство с обрядом бракосочетания.

2 мая 1606 года царская невеста прибыла в Москву. Вместе с ней явилась не только многочисленная свита, но и вооруженные ландскнехты, нанятые на деньги самозванца. Он очень опасался, что без вооруженной поддержки ему не удастся сладить с москвичами. Худшие опасения самозванца оправдались: казанский архиепископ Гермоген потребовал, чтобы «польская девка» была крещена в православную веру. Гермогена запрятали в монастырь, а царь начал долгие прения с православным духовенством о порядке совершения обряда венчания. Наконец было решено, вопреки всяким правилам, объединить церемонии свадьбы и коронации, что должно было произойти 8 мая.

Сохранились дневники, которые приписываются Марине Мнишек. Она подробно описывает пышные празднества, сопровождавшие ее вступление в роль московской царицы. Тонкости, связанные с щекотливым положением католической царицы в православном государстве, она предпочла не замечать. Основное внимание ее, как истинной женщины, занимали наряды, в которых она являлась перед своими подданными. Однако история сохранила сведения о том, что в Успенском соборе, где патриарх торжественно короновал Марину, предва-

рительно совершив обряд миропомазания, Марина не взяла причастия, как того требовала процедура. Едва коронация кончилась, иноземцы под разными предлогами были удалены из собора и патриарх обвенчал Марину и Дмитрия по православному обряду.

Объединив в одну церемонию обряды венчания и коронования, царь рассчитывал, что все сложности, связанные с вероисповеданием невесты, будут скрыты пышными празднованиями. Марина и Лжедмитрий короновались в русской одежде, но уже через день Марина переоделась в привычное ей европейское платье. На четвертый день праздничных церемоний царь и царица явились перед народом, одетые, как пишет Марина, «оба по-польски, с коронами на голове».

Во время свадебных торжеств возник вопрос о титуле Дмитрия. В приветственном послании Сигизмунда III московский царь не был даже назван московским князем. Это не осталось незамеченным — в дневниках Марины и польских послов Олесницкого и Гонсевского упоминается то неблагоприятное впечатление, которое произвело на присутствующих послание короля. Как пишет Марина, инцидент замяли, «для свадьбы своей забывая обиду, нанесенную опущением титулов».

Сильнейшее впечатление на иноземных гостей произвел русский обычай разбрасывать золотые монеты во время брачной церемонии. В дневнике Марины мы читаем: «При выходе из церкви бросали народу деньги; русские дрались за них палками... Подходя к полякам, Димитрий заметил толпу знатных панов и приказал бросить между ними несколько португальских червонцев, к коим, однако, никто из них не притронулся; даже когда два червонца упали одному пану на шляпу, он сбросил их. Русские же кидались за деньгами и производили тесноту; царь, видя сие, не велел более бросать монеты». Голландский купец Исаак Масса описывает этот обряд более подробно: «Дьяк Богдан Сутупов, Афанасий Власьев и Шуйский по многу раз полными горстьми бросали золото по пути, по коему шествовал царь, державший за руку свою супругу... Золото было самое лучшее, [от монет] величиною в талер и до самых маленьких в пфенниг». Польские послы Олесницкий и Гонсевский тоже заметили в своем дневнике, кто «князь Мстиславский бросал из блюда португальские монеты в 20, в 10, в 5 червонных золотых». Другой очевидец событий, француз Маржерет описывал церемонию следующим об-

разом: «По выходе... в Архангельский собор бросали н
дорогу золотые небольшие монеты ценою в пол-экю,
экю и в два экю, нарочно приготовленные для сего слу
чая (в России в ту пору вовсе не делали золотой моне
ты)». Паэрле заметил «несколько золотых монет в 1, 5
10 и даже 20 червонцев», которые бросал народу Мсти
славский, «взяв их из золотого сосуда, подле него стояв
шего». Также очевидец событий, Петрей, заметил, чт
бросали золотые монеты, которых было «несколько ты
сяч», «нарочно для того приготовленных, с изображени
ем на обеих сторонах орла двуглавого». Стоимость и
он определил примерно в 2 венгерских червонца.

Все очевидцы единодушно свидетельствуют, что дл
свадебной церемонии и обряда венчания были специаль
но изготовлены золотые монеты разного достоинства
предназначенные для разбрасывания их в толпе. Безус
ловно, те золотые монетовидные знаки весом в 34 грам
ма и в 3,4 грамма, сохранившиеся в наших музеях, —
остатки золотых со свадьбы и венчания на царство Ма
рины Мнишек.

Золотые, разбрасываемые во время торжественног
шествия, — сугубо русский обычай. Как и русская одеж
да на католиках Марине и Лжедмитрии, пригоршни зо
лота должны были заглушить ропот недовольных мо
сквичей. Впрочем, надеждам не дано было исполниться
Соотечественники не приняли щедрого жеста самозван
ца. «До конца хотя разорити нашу непорочную христи
анскую веру, прияв себе из Литовской земли невесту
лютерския веры девку, и введе ея в соборную и апо
стольскую церковь Пречистыя Богородицы и венча цар
ским венцом, и повеле той своей скверной невесте при
кладываться и в царских дверях святым мирром ея по
мазал» — этого православное духовенство не могло про
стить миропомазаннику божьему.

Что же касается простого люда, то у него неудовол
ствие вызывали многочисленные толпы вооруженны
иноземцев, появившихся в изобилии на московских ули
цах, бесцеремонно и надменно взиравших на чуждые и
обычаи. То русский целовальник отказывался брать
уплату за вино литовские деньги, и возмущенный шлях
тич пускал в ход оружие. За москвича заступались го
рожане, и начиналась драка. То подвыпившие наемник
бесчестили женщин, невзирая на их социальное прои
хождение; драки вспыхивали и без видимых причин. Мо
сква бурлила. Недруги самозванца, бояре Шуйские

Голицыны, давно мечтавшие избавиться от него после низвержения династии Годунова, воспользовались всеобщим брожением. Два дня бушевала столица, поднятая набатом против поляков. Восстание в Москве покончило с политической карьерой и самой жизнью самозванца. 17 мая его убила разъяренная толпа. Окровавленный труп на несколько дней был выставлен для всеобщего обозрения.

Так закончилось первое действие народной трагедии, которая войдет в историю под названием Смутного времени. Казалось, события 17 мая 1606 года вернули русскую историю в ее нормальное русло. Была ликвидирована угроза потери Русским государством собственной независимости; польский и католический ставленник на русском престоле не смог удержаться сколько-нибудь длительное время, а его действия не оказали глубокого воздействия ни на внешнюю, ни на внутреннюю политику государства. Но два обстоятельства тем не менее не прошли бесследно. Государственная казна после хозяйничанья самозванца очень поредела. Впрочем, нормальная экономическая жизнь государства, сборы пошлин, внешняя и внутренняя торговля и сборы налогов с податного населения могли бы в короткий срок восполнить утраты. Однако здесь вступало в силу второе обстоятельство: социальное брожение в стране не утихло, а, напротив, усилилось еще более, поскольку народ оказался обманутым в ожидании благодеяний от «доброго царя» Дмитрия, пришедшего к власти на гребне народных волнений. Крепостная неволя становилась реальностью на всей территории Московского государства.

Глава 3

«МЕЖ БОЯР И ЗЕМЛИ РОЗНЬ ВЕЛИКАЯ»

ПОСЛЕ САМОЗВАНЦА

Рассказывая об отказе гордых польских панов взять золото, которым они были осыпаны во время торжественной церемонии, Марина Мнишек явно кривила душой, желая подчеркнуть бескорыстие соотечественников. Алчность польской знати, а также самой Марины и ее отца осталась в памяти современников.

На приданое невесте Дмитрий обещал послать 50 тысяч рублей, послал же только часть, компенсировав, правда, недостающее драгоценностями. Марина получила шубу с царского плеча, вороного коня в золотом уборе, драгоценное оружие, ковры, меха, перстни и кольца с камнями, огромные жемчужины, золотого слона

с часами, ворох парчи и кружев, шкатулку в виде золотого вола, полную алмазов, жемчужный корабль, несущийся по серебряным волнам, и к этому 200 тысяч злотых и 6 тысяч золотых дублонов. Драгоценности, меха и одежду Дмитрий взял из царской сокровищницы, где десятилетиями скапливались несчетные богатства московских царей. Что же касается денег, то «золотыми дублонами» были, по всей видимости, золотые иноземные монеты, которые скупала царская казна и хранила в сокровищнице. Поскольку золото в русском денежном обращении не участвовало, золотые иноземные монеты выступали в роли сокровища в чистом виде. 200 тысяч злотых соответствовали примерно 130 тысячам рублей («злотый» — в XVI—XVII веках счетная единица польской денежной системы, по которой считали польские, литовские и западноевропейские деньги. Известно, что в середине XVII века один злотый соответствовал русским 20 копейкам. В описываемое время, когда ценность копейки была выше, злотый равнялся приблизительно 15 копейкам).

Щедрость царя простиралась не только на будущих родственников. Секретарь самозванца и его доверенное лицо Ян Бучинский в январе 1606 года обращался к царю со следующими словами: «Ваша царская милость роздал, как сел на царство, полосма милеона, а милеон один по-русски тысеча тысеч рублей». Семь с половиной миллионов рублей — сумма вполне реальная, если учесть, что самозванец велел заплатить все денежные долги, которые были сделаны еще со времен Ивана Грозного, удвоил жалованье служилым людям, а в июле 1605 года щедро рассчитал наемное войско и одновременно наградил отряды вольных казаков, с чьей помощью он смог добраться до Москвы. Во Львов были посланы 300 рублей для сооружения там церкви.

Обещания денежных наград самозванец сыпал направо и налево. Вместо Смоленских и Северских земель, обещанных польским благодетелям, он обязался выплатить денежную компенсацию. Во время свадебного пира Лжедмитрий неожиданно для бояр посулил каждому из польских гостей по сто рублей.

Видя его нерасчетливую щедрость, польские наемники требовали от него новых выплат, не довольствуясь деньгами, полученными в июле 1605 года. Сигизмунд III в августе того же года через Гонсевского потребовал от самозванца уплаты жалованья ратным польским

людям, проделавшим с ним путь от границ Польши д Москвы. Не следует также забывать о требованиях Сигизмунда III на разрешение свободного прохода польски войск (на случай войны Польши за шведскую корону через русскую территорию до Финляндии с тем, что русское правительство снабжало их деньгами на прокор и обмундирование.

На заседании Боярской думы боярин М. И. Татище объявил, что после самозванца в казне оставалось все 200 тысяч рублей, да текущие поступления дали 150 тысяч рублей. Лжедмитрий заимствовал у монастыре около 40 тысяч рублей (3 тысячи рублей у Иосифо-Волоколамского, 5 тысяч — у Кирилло-Белозерског 30 тысяч — у Троице-Сергиевского). Всего же в каз к началу правления самозванца было около 500 тыся рублей, и «все это, черт его знает, куда он раскидал з один год», жаловались бояре. Сумма в 500 тысяч рубле возможно, была занижена и к тому же не учитыва тех драгоценностей, которые, не церемонясь, царь бра из казны.

И тем не менее нельзя сказать, что при самозван русская экономика находилась в упадке. Оживила внешняя торговля, приносившая в страну серебро. Поступая на денежные дворы, серебро превращалось русские деньги. От недолгого правления «Дмитрия Ивановича» в наших музеях собралось большое количест копеек с его именем, что свидетельствует о широко размахе чеканки на денежных дворах, — верном показателе благополучия экономической жизни страны. Видимо, Лжедмитрий понимал значение внешней торгов для русской экономики. Он разрешил свободно торговать в Смоленске польско-литовским торговым людя и «пущати из Смоленска во все государства и городы Известно, что с Мариной Мнишек в Москву прибы целый караван купцов.

В записках англичанина Томаса Смита (1605 г.) приводится текст грамоты Лжедмитрия, направленной представителю Московской английской компании Дж. Мерику, где самозванец выражает готовность «благоприятствовать английским купцам и всем его (английско короля. — *А. М.*) подданным больше, чем кто-либо наших предшественников». Грамота дана 8 июня 1605 года, когда Лжедмитрий находился еще в Туле. Самозванец намеревался «вслед за нашим коронованием отправить нашего посланника к его знатнейшему величеству

Короткий срок пребывания Лжедмитрия на престоле не дал развернуться всем планам «благоприятствовать английским купцам», и история сохранила только свидетельство о сделке царя с англичанами — о покупке у них драгоценных камней.

Следует также учитывать, что после заключения в 1595 году Тявзинского мира, расширившего возможности русской торговли на Балтике, после основания в 1584 году Архангельска на Белом море русская торговля начала активно выходить на западноевропейский рынок.

Если обратиться к топографии кладов с монетами, несущими имя Дмитрия Ивановича и зарытыми во времена правления самозванца, можно заметить, что основная масса их относится к юго-западным районам европейской части СССР. 5 кладов найдены в Смоленской области, 1 — в Польше, 2 — на Рязанщине, 2 — на Орловщине, 2 — на Брянщине, 4 клада — в Тверской области и по одному — в Новгородской и Псковской. Такое расположение кладов весьма красноречиво. Щедро награжденные самозванцем отряды вольных казаков и южных помещиков, участвовавших в походе на Москву, разнесли новые денежные знаки по брянским, рязанским и орловским землям. Путь польских наемников лежал через Смоленщину, и, надо думать, смоленские клады были зарыты местными жителями, с которыми расплачивались польские отряды полученными в Москве деньгами. Клады из Тверской земли, Новгородской и Псковской областей, а также из Подмосковья — это скорее всего клады, свидетельствующие об оживлении внутренней торговли на торговых путях страны.

Социальная политика самозванца до сих пор вызывает много споров у историков. Наиболее распространена тенденция рассматривать самозванца как легкомысленного авантюриста, попавшего на русский трон в результате цепи случайных обстоятельств, целиком зависевшего от польских покровителей, готового раздать русские земли и богатства иноземцам, не желавшего считаться с русскими порядками и поплатившегося поэтому за свое легкомыслие. Но, видимо, Лжедмитрий был фигурой далеко не однозначной. Немногие сохранившиеся документы позволяют предположить, что он имел свою социальную программу. Впрочем, неизвестно, сам ли самозванец был инициатором ряда прогрессивных начинаний или же им руководили мудрые и осторожные

иезуиты, которые сумели увидеть в России рубежа XV
и XVII столетий социальные противоречия, политичес
кую неустойчивость.

Действия самозванца были направлены в первую
очередь на ослабление внутриполитической напряженно
сти. В своих манифестах он обещал собирать у населе
ния все жалобы на прежних воевод, чтобы «безволокит
но» судить неправых чиновников. По средам и суббота
царь принимал жалобы от москвичей на Красно
крыльце в Кремле. Он собирался провести генеральны
смотр дворян, чтобы наделить их по справедливост
жалованьем и поместьями. При самозванце началас
работа по составлению сводного Судебника — кодекс
государственных законов, нуждавшихся в корректиро
вании со времени принятия первого Судебника
1550 году. В новый Судебник попали законы Борис
Годунова, где говорилось о частичном восстановлени
права крестьян уходить от помещиков. 1 феврал
1606 года был принят закон о крестьянах, по которому
разрешалось не возвращать старым владельцам кре
стьян, бежавших в голодные 1601—1603 годы. Помещи
ки, приютившие их, оставляли крестьян у себя. Так ка
голодающие бежали в первую очередь на юг страны
менее задетый неурожаем и голодовками, закон это
был выгоден южным помещикам, которые являлись глав
ной опорой самозванца на первых порах его борьбы з
власть. Населению Путивля, бывшего много месяце
столицей Лжедмитрия, царь дал освобождение от все
налогов на 10 лет. 7 января 1606 года был принят зако
о холопах. По этому «приговору» холоп писал кабал
на себя только с одним владельцем, исключая его нас
ледников, что давало право свободы кабальному холоп
после смерти господина, и никакие родственники н
могли больше, ссылаясь на кабальные записи, его за
держивать.

Попытки ввести социальное равновесие в русско
общество не были практически осуществлены из-за не
долгого царствования самозванца — он был коронова
7 июля 1605 года, а восстание 17 мая 1606 года поло
жило конец его царствованию. Однако в памяти народ
ной эти начинания остались как желание царя освобо
дить народ от крепостной неволи, чему помешали зло
деи-бояре. Не случайно уже через несколько дней посл
гибели самозванца появился слух, что он жив, а уби
другой, лишь похожий на него человек.

а

Копейки Василия Шуйского
Казнь фальшивомонетчиков

Своекорыстные московские бояре расправились Борисом Годуновым, «умная правительственная работа которого (выражение историка С. Ф. Платонова) могл бы принести много пользы России. Затем они убил своего ставленника, Григория Отрепьева, руками кото рого была сделана вся кровавая и грязная работа п уничтожению династии Годуновых. В июне 1606 года н русский престол попал, наконец, «природный» Рюрико вич, князь Василий Иванович Шуйский, имевший п своей родословной право на власть. Четыре года прав ления «боярского» царя — с 1606-го по 1610-й — поста вили Россию на край гибели.

Коронация Шуйского состоялась 1 июня 1606 года — и двух недель не прошло после убийства самозванца Шуйский целовал крест и дал «запись» при венчании н царство, смысл которой сводился к тому, что он обеща править так, как правили его прародители, чтобы «пра вославное христианство было нашим доброопасным пра вительством в тишине, и в покое, и в благоденствии В Успенском соборе новый царь публично отрекся о «грубости», бывшей при Борисе, и торжественно обеща способствовать реставрации доопричного правительс венного режима. Боярская реакция могла торжеств вать. По всем городам и областям Русского государств была разослана грамота, что царевич есть «прямой во Гришка Отрепьев..., а тот вор называется царевиче ложно». Сообщалось, что он «скончал живот свой зло смертию».

ЧТО МОГУТ РАССКАЗАТЬ КЛАДЫ!

Учеными-нумизматами давно доказано, что монетны клады являются важнейшим источником для изучени самых сокровенных процессов жизни общества. Есл письменные источники не могут быть полностью объе тивными, так как они или несут отпечаток личност создававшей этот письменный источник, или отражак социальные интересы тех общественных слоев, в сре которых он создавался, или просто имеют ведомстве ное происхождение и в связи с этим несут ограниченну информацию, то монетные клады — источник объекти ный, беспристрастный и при всей его специфике очень информативный.

Конечно, на первый взгляд монетный клад — э большая или маленькая кучка монет. Но монеты мож

датировать — и тогда становится известно, когда был спрятан клад. А «когда» — это значит заглянуть в совокупность исторических событий, на фоне которых существовал владелец клада со своей личной судьбой, это возможность увидеть, как пересеклась личная судьба человека с историей. Если удается точно установить место находки клада, создается возможность проверить, не являлось ли данное место ареной исторических событий. Можно попытаться решить вопрос — почему именно в этот год или месяц и именно здесь человек решил спрятать свои сбережения. Что послужило причиной тому? Но ведь клад — это определенная сумма денег, большая или маленькая. Изучая клад, мы пытаемся определить — кто был владельцем клада, каким было его имущественное и социальное положение. Мотивы захоронения клада у людей, относящихся к различным социальным группам, могли быть разными. Крестьянин, например, хранил собранные деньги для выплаты «пожилого» своему феодалу — суммы, равной 1—2 рублям, благодаря чему в Юрьев день осенний он мог переменить владельца; после отмены Юрьева дня он собирал и прятал деньги для выплаты денежного оброка. У ремесленника были другие заботы. Он должен был копить деньги для закупки сырья и оборудования, чтобы иметь возможность бесперебойно заниматься своим ремеслом. Купец, отправляющийся в дальний путь по торговым делам, мог зарыть часть своего денежного капитала в приметном месте по пути следования, чтобы не рисковать в дороге всеми деньгами. Дороги в средние века были неспокойны. Выражение «разбойник с большой дороги» выстрадано жертвами разбойных нападений, совершавшихся чаще всего вдоль сухопутных и водных торговых путей, по которым следовали торговые люди, послы, нагруженные богатыми подарками, знатные и богатые путешественники. Свои причины прятать деньги были у мелких дворян, получавших денежное жалованье за ратную службу. И, наконец, богатые феодалы — бояре-вотчинники, а также монастыри обладали денежными суммами, которые они иногда доверяли тайникам. Казенные деньги, например таможенная казна или податные сборы, тоже могли быть спрятаны в силу каких-то конкретных причин.

Изучая, сопоставляя и анализируя данные монетных кладов, мы проникаемся психологией человека прошлого, видим его как бы через объектив скрытой камеры,

живо представляем себе время, место и обстоятельства захоронения клада.

Так что же рассказали нам клады — свидетели четырех лет правления царя Василия Шуйского?

Удалось собрать сведения о 117 находках. Разумеется, это только часть тех кладов, которые были обнаружены за последние два столетия (ранее сведения о находках монет не фиксировались вообще). Но и 117 кладов, в свою очередь, составляют только небольшую долю того, что попало в тайники в 1606—1610 годах. По законам статистики по части можно судить о целом, поэтому дошедшие до нас клады можно считать достаточно представительным количеством для изучения процессов, происходивших в денежном обращении при Шуйском.

Сравнивая количество известных кладов, относящихся ко времени Шуйского, с кладами других царствований, можно сделать вывод, что в 1606—1610 годах бурно шел процесс кладообразования. Однако шел он неравномерно. Две трети кладов были зарыты в первые два года правления (1607—1608), на два последних года (1609—1610) приходится ничтожная доля.

КЛАД В ИЗРАЗЦЕ

В январе 1969 года в Московском Кремле на месте древней Спасской улицы велись строительные работы. Под бутовым фундаментом старинной колонны, где были обнаружены остатки старинного здания, нашли клад. Здание было когда-то облицовано изразцами. В одном из изразцов и оказался клад.

Старинный изразец представлял собой прямоугольную коробку без одной стенки. Такого вместилища для кладов нумизматам встречать еще не приходилось, хотя случалось, что монеты прятали в совершенно неподходящие емкости — в стеклянные штофы, аптекарские бутылки, берестяные коробки, даже в дуло ружья или ручку долота. В кладе было 1239 копеек. Самыми поздними здесь были 35 монет с именем Василия Ивановича. Следовательно, клад был спрятан при Шуйском.

Среди копеек Шуйского были две новгородские, которые отмечались датами. Новгородские копейки имели дату РДI, то есть 114 год (7114). Он начинался 1 сентября 1605-го и заканчивался 31 августа 1606 года (в Древней Руси использовался не январский, как у нас

а сентябрьский годовой цикл). Поскольку царствование Василия Шуйского началось с июня 1606 года, датировка клада уточняется: он мог быть спрятан между июнем и сентябрем 1606 года. Но так как, кроме новгородских копеек, в кладе были еще и московские, не имеющие дат, но определенные стараниями ученых-нумизматов по времени их выпуска, датировка клада получает еще более точные контуры, ограниченные сентябрем. В кладе нашлась одна московская копейка, которую начали чеканить в самом начале следующего, 7115 года. Этот год начинался 1 сентября 1606-го и заканчивался 31 августа 1607 года. Однако ни одной новгородской копейки с датой РЕI (7115 год) в кладе не было. Так как клад дошел до исследователей целиком, утрата такой копейки исключается. Следовательно, окончательная датировка клада приходится на сентябрь — октябрь 1606 года. Если бы он попал в тайник позже, в кладе непременно встретились бы новгородские копейки 115 года, но за такой короткий срок они вполне не могли успеть добраться до Москвы.

Таким образом, создалась редкостная возможность датировки клада с точностью до месяца.

А это очень важно! Ибо именно в осенние месяцы 1606 года в Москве и во всей России происходили события, определившие ход исторического развития на многие годы вперед. И «клад из изразца» смог рассказать много интересного.

Правда, сначала нужно было «прочитать» клад. Датировать его — лишь полдела. Важно определить: кто мог зарыть клад? Почему он был зарыт в таком шумном и людном месте, как Московский Кремль? И, наконец, почему был использован такой необычный сосуд для его сохранения — изразец?

Кто же мог зарыть клад? Сумма, его составлявшая, 12 рублей 3 гривны 3 алтына — достаточно велика для того времени. Как уже отмечалось, клады суммой 10—30 рублей составляли всего около 30 процентов от общего числа кладов 1533—1613 годов. Искать владельца «клада в изразце» следует, по всей видимости, среди городских жителей или тех категорий населения, для которых деньги в повседневном быту играли большую роль.

Из них следует исключить тех, кто стоял на вершине иерархической пирамиды русского общества — бояр, из числа которых формировалось ближайшее окружение

царя, в том числе Боярская дума. Они получали денежное жалованье от 100 до 1200 рублей в год, или, если представить эту сумму в реальном выражении — от 10 тысяч до 120 тысяч копеек. Наш клад слишком мал на фоне таких сумм. К тому же, как уже говорилось, для этой социальной группы богатство измерялось не деньгами, а числом слуг и земельных владений, населенных крестьянами, измерялось домами и дворцами, наполненными различного рода «рухлядью» — драгоценными мехами и одеждой, изделиями из золота, серебра, украшениями.

Если спускаться сверху вниз по ступеням феодальной пирамиды, то наиболее многочисленную часть феодалов в то время составляли «служилые люди по отечеству». Это были дворяне, которые несли военную службу, получая за нее земельное владение и денежное жалованье. Самой обширной группой среди них были «дети боярские», как московские, так и «городовые» (иногородние) дворяне. У них были земельные оклады, и раз в шесть или семь лет они получали денежное жалованье, размеры которого колебались от 5 до 15 рублей. Когда царь объявлял военный поход, они являлись сами и приводили с собой вооруженных крестьян, количество которых зависело от размеров земельного надела, являлись «конно, людно и оружно». Многие иногородние дворяне — «городовые дети боярские» служили только «из денежного жалованья» — от 6 до 9 рублей в год, и не получали земельных поместий.

Ниже находились «служилые люди по прибору» — стрельцы, казаки, пушкари и затинщики (то есть обслуга больших пушек и малых затинных пищалей) — своего рода регулярные воинские силы. Московские стрельцы были в более привилегированном положении. Они часто привлекались к дворцовой и государственной службе и получали от 4 до 7 рублей в год, хлебное жалованье и «сукна на мундиры». «Городовые», то есть иногородние стрельцы имели 50—75 копеек в год и пахотные и огородные наделы, не превышавшие размеров обычного крестьянского владения. Стрелецкие начальники — десятники, пятидесятники, сотники и головы получали и жалованье, и земельные наделы бо́льшие, чем рядовые.

Рядовые казаки получали денежное жалованье по 3—6 рублей год, а атаманы — по 11 рублей.

Пушкари имели по рублю в год, а также хлебное

Шлем копье топор и стремя из Московского клада

соляное жалованье, земельные участки под дворы огороды.

Все экономические неурядицы в стране неизменн сказывались как на размерах, так и на регулярност выплаты «за государеву службу». Впрочем, во врем походов всем воинам, собранным под знамена, выдава лось единовременное денежное и хлебное жалованье

Оставалась еще одна категория московского населе ния, в которой можно было бы искать владельца кла да, — ремесленники. Но, думается, вряд ли они был среди них, во-первых, потому, что в Кремле отсутство вало сколько-нибудь крупное сосредоточение дворов ре месленников или торговцев, и, во-вторых, вместилищ для клада все-таки необычно. В изразец мог спрятат деньги тот, кто очень спешил, или тот, кто был вынужде спрятать их на время, так как не имел постоянног места жительства в Москве.

КРЕСТЬЯНСКАЯ ВОЙНА

В сентябре — октябре 1606 года Москва была полн ратных людей, призванных сюда из поместий «конным людными и оружными». Помещики и вотчинники яв лись на военный призыв со своими лошадьми, полны конским убором, оружием и доспехами, запасом прод вольствия и людьми. 23 октября князья Ф. И. Мстисла ский и Д. И. Шуйский получили из казны 100 рубле Эти деньги предназначались для снаряжения войск В Кремле собрались дворяне московские, дворяне г родовые и прочие московские ратные люди. Их сроч вооружали и отправляли в поход.

Причиной столь спешных военных приготовлений б ла грозная опасность, которая возникла в самом нача нового царствования. Василий Шуйский и поддержива шая его боярская верхушка рассчитывали, что с ун чтожением династии Годуновых и убийством самозван жизнь в государстве пойдет «по старине». Однако н даром историки назвали царствование Шуйского «зл получным». Убийство Лжедмитрия не уничтожило наро ных утопий о «добром царе». Политика самозван в какой-то мере направленная на смягчение социальн напряженности, всколыхнула надежды, и вера в «добр го царя» вызвала к жизни нового самозванца.

Им оказался на этот раз мелкопоместный верейск дворянин Михаил Молчанов, приближенный к Лжедм

трию в бытность его царем на Москве. Он объявил, что именно он «истинный» Дмитрий, который спасся во время майского восстания и убежал из Москвы. Вместо него был убит якобы другой человек. Молчанов действительно бежал из Москвы во время восстания 17 мая, предварительно захватив с собой личную печать самозванца. Голландский купец Исаак Масса в своих записках даже сообщил, что после бегства Михаила Молчанова пропали скипетр и корона и все «не сомневались, что он взял их с собою».

Молчанов появился в августе 1606 года в имении Мнишека, в Самборе (сам Мнишек и Марина с «двором» в то время содержались под арестом в Ярославле).

Возможно, новая самозванническая интрига заглохла бы, тем более что у нее не было поддержки извне, так как польский король тогда был поглощен собственными трудностями, а осмотрительные иезуиты не спешили на помощь новому претенденту на московский престол. Однако волна народного недовольства подхватила и понесла Михаила Молчанова в водоворот событий. Появился народный вождь — Иван Исаевич Болотников. На аудиенции в Самборе «Дмитрий» — Михаил Молчанов якобы сказал Болотникову: «Я не могу сейчас много дать тебе. Вот тебе 30 дукатов, сабля и бурка. Довольствуйся на этот раз малым. Поезжай с этим письмом в Путивль, к князю Шаховскому. Он выдаст тебе из моей казны достаточно денег и поставит тебя воеводой и начальником над несколькими тысячами воинов. Ты вместо меня поедешь с ними дальше и, если Бог будет милостив к тебе, попытаешь счастья против моих клятвопреступных подданных» (свидетельство Конрада Буссова, «начальника немцов», служившего в России с 1601 по 1611 год).

Болотников возглавил народное движение, направленное против феодалов и нового боярского царя Василия Шуйского. Ядром восставших были вольные казаки, беглые крестьяне, а также южные помещики Истома Пашков и Прокопий Ляпунов со своими людьми. Восстание охватило города Северской Руси: Путивль, Чернигов, Рыльск, Кромы, Курск. В сентябре правительственные войска потерпели поражение под Кромами, затем восставшим сдалась Тула. На сторону Болотникова перешли заокские города. Соединенные силы восставших подошли к Москве и встали в районе Котлы — Коло-

менское. Их насчитывалось приблизительно 20 тысяч человек.

Восставшие широко оповещали население в «прелестных» письмах: «Государь наш царь и великий князь Дмитрий Иванович всея Руси нынче в Коломне». Это было неправдой. Михаил Молчанов не только не осмелился выбраться из Самбора, но и перестал вскоре играть роль царя Дмитрия Ивановича. Самозванническая интрига закончилась сама собой, а Молчанов впоследствии стал одним из сторонников другого самозванца, вошедшего в историю под именем «Тушинского вора». Но это будет позднее, а пока восставшие готовились к решающей битве за Москву.

25 октября в селе Троицком, в 50 верстах от Москвы, правительственные войска начали сражение с войском Болотникова и проиграли его. Москва была осаждена, и осада длилась около двух месяцев, в течение которых Болотников посылал в Москву и другие города «листы» с призывами к расправе с феодалами и уничтожению «крепости» — крепостной неволи.

Видимо, «клад в изразце» был спрятан одним из служилых людей в конце октября, когда в Кремле собирались и вооружались ратные люди для отпора Болотникову.

Судя по выбору места, по оригинальному вместилищу, наконец по размеру составляющей клад суммы, владельцем клада был городовой служилый человек — иногородний дворянин, прибывший по призыву царя на службу в Москву. Рядовой «воинник» не мог быть обладателем такой крупной суммы, явно полученной в одночасье (об этом говорит очень хорошее состояние монет — видимо, значительная часть суммы состояла из копеек, хранившихся в казне и не стершихся в процессе обращения).

Социальный статут владельца кремлевского клада может быть подтвержден еще одной находкой. Она сделана в Латвии, в 92 километрах от Риги, на развалинах замка в Цесисе. Археологи копали развалины, образовавшиеся после разрушения замка в 1577 году, во время Ливонской войны. Войска Грозного после пятидневной осады заняли замок и взорвали его. Под развалинами рухнувшей стены археологи обнаружили скелет русского воина. Вместе со скелетом сохранилось несколько предметов, в том числе кожаный кошелек-мешок, висев

щий на поясе. В кошельке были деньги — 47 копеек с полушкой. Остатки одежды — позолоченные нашивки, перламутровый крестик на шее позволяли с уверенностью сказать, что убитый не был рядовым воином. Им был «служилый по отечеству», дворянин. Сумма в кошельке, составлявшая около полтины, немалая для того времени, тоже подтверждала такое предположение.

Кремлевский клад, насчитывавший 12 рублей 3 гривны 3 алтына, во много раз превосходивший сумму из кошелька, тем более должен был принадлежать не рядовому ратнику, а дворянину.

Итак, темной октябрьской ночью наш герой выбирает глухой уголок на Спасской улице Кремля, чтобы спрятать там полученное жалованье. Он — человек приезжий, Москва для него — чужой город, и знаком ему лишь Кремль, где собраны «воинники». В спешке военных приготовлений ему некогда, а может быть, и нельзя искать на городском торгу кубышку, которые в изобилии делают и продают гончары специально для длительного хранения денег. Земля уже смерзлась. Надежно и глубоко зарыть деньги не удается, да и времени на это нужно немало, чего доброго, кто-нибудь подглядит. Но вот он сумел нащупать слабо закрепленный изразец, приметил место и быстро спрятал там свое богатство.

Воспользоваться деньгами ни ему, ни кому-либо из его современников так и не пришлось. В битве под Троицким 25 октября 1606 года незадачливый городовой дворянин был убит. Тайна клада осталась нераскрытой. Деньги пролежали без движения триста шестьдесят три года, пока не попали в руки нумизматов.

ФЕОДАЛЬНОЕ ВОИНСТВО

Осада Москвы войсками Болотникова длилась до начала декабря 1606 года. Она усиливала социальные противоречия в городе, а «листы» Болотникова подливали масла в огонь. Современники писали о том времени: «На Москве был хлеб и дорог..., и государь не люб бояром и всей земли, и меж бояр и земли рознь великая, и ... казны нет и людей служилых».

Хотя осада Москвы была снята 2 декабря, а войско Болотникова отошло к Калуге, победа правительственных войск оставалась еще очень проблематичной. Лишь в октябре 1607 года, спустя почти год, войскам Шуйско-

го удалось взять Тулу, где укрепились восставшие, полонить Болотникова и отвезти его в Москву.

В это же время в Подмосковье и Поволжье возникло и стало шириться и набирать силу движение нового самозванца — «царевича Петра». Посадский человек города Мурома, Илейка Муромец, обстоятельствами своего рождения — он был внебрачным сыном — поставленный вне правовых норм, определявших положение посадского человека, стал «гулящим» человеком на Волге, а затем превратился в типичного представителя казацкой голытьбы. Во время зимовки на Тереке в 1605—1606 годах родилась новая самозванческая интрига — Илейка Муромец принял имя мифического сына царя Федора Ивановича, царевича Петра (на самом деле у царя Федора была единственная дочь, Феодосия, умершая во младенчестве).

Социальное брожение, охватившее территории к югу от Москвы после гибели Лжедмитрия I, вовлекло чисто казачье движение «царевича Петра» в круговорот крестьянской войны. «Царевич Петр» занял Тулу, которая стала вторым центром бушующего восстания после Калуги, продолжавшего разрастаться вширь и вглубь. Дорога на Москву была открыта. Лишь тактическая ошибка болотниковцев, которые вместо похода на Москву предпочли объединиться с «царевичем» в Туле, дала возможность правительству Шуйского несколько собраться с силами.

21 мая 1607 года Василий Шуйский возглавил поход правительственных войск на Тулу. 12 июня началась осада города, которая длилась около четырех месяцев. 10 октября 1607 года Тула пала. Вероломно было нарушено обещание сохранить жизнь «царевичу Петру» и Болотникову, данное Василием Шуйским. «Царевича Петра» повесили под Даниловым монастырем на Серпуховской дороге, а Болотников был отправлен в Каргополь, там ослеплен, а затем утоплен.

Расправа с вождями восстания отнюдь не означала успокоения и установления классового мира в стране. Отряды «воюющих мужиков» разрозненно выступали против феодалов и правительственных войск. Восстанием были охвачены города Подмосковья: Волоколамск, Звенигород, Руза, Можайск, Верея, Боровск, Коломна, Серпухов, Зарайск; области Калужская, Тульская, Рязанская, Орловская, Курская, Брянская; города Северской Украины: Чернигов, Новгород-Северский, Старо-

дуб, Почеп, Комарицкая волость с городами Кромы и Путивль, а также все среднее Поволжье.

Правительство Шуйского боролось с восставшими не только с помощью военных сил. Социальная политика правительства в первые два года правления Шуйского была очень целенаправленной. С одной стороны, он стремился добиться симпатий служилых людей. Если они оказывались в стане восставших, обученные «воинники» придавали стихийному бунту правильную военную организацию. Желая заручиться их поддержкой, Шуйский старался раздавать щедрые денежные и земельные оклады тем служилым людям, кто служил правительству, и сурово наказывал тех, кто уклонялся от службы. Армия вербовалась из помещиков-дворян и «даточных людей» — мобилизованных из числа посадского населения и государственных «казенных» крестьян, а также из крестьян, церковных и монастырских. В качестве одной из форм вознаграждения за участие в борьбе с восставшими правительство разрешало брать из тюрем «на поруки» участников восстания Болотникова, которые становились холопами своих поручителей. С другой стороны, правительство Шуйского старалось привлечь на свою сторону крестьянство. Тем холопам-болотниковцам, которые являлись с повинной, давалась отпускная. Но в целом политика Шуйского была крепостнической, и крестьянское население относилось к ней все с большим и большим недоверием.

9 марта 1606 года было принято Уложение о крестьянах, по которому устанавливался пятнадцатилетний срок сыска беглых крестьян. «Сысканные» крестьяне закреплялись за своими владельцами навсегда. Основанием для «сыска» были писцовые книги, составленные в конце XVI века, в которых были переписаны земли и жители с указанием границ владений дворян — помещиков и крупных вотчинников. Разумеется, крепостническая политика не способствовала установлению классового мира в стране.

Обо всех этих событиях сохранились многочисленные свидетельства. Записки иностранцев, купцов и военных наемников, прибывших в далекую Московию за военной добычей и жалованьем, летописи, различные грамоты: указы, челобитные, описи, сыскные (то есть судебные) дела и многие другие письменные источники рассказали историкам об этой суровой поре нашей истории. Много важных деталей в рассказ добавили монетные клады.

Самое большое количество известных кладов приходится на 1607 год. В 1606 году были зарыты 25 процентов от общего числа зафиксированных в настоящее время кладов времени Шуйского, в 1607 году — 50 процентов, в 1608-м — 21, в 1609-м — 3 и в 1610-м — 1 процент.

Большинство кладов дали 1606—1607 годы, когда в стране бушевала крестьянская война Болотникова. Но ведь и 1608—1610 годы были тоже очень неспокойными. Военные действия распространились на земли к северу и востоку от Москвы: на Новгородскую и Псковскую области, на Среднее и Верхнее Поволжье. Здесь хозяйничали не только казачьи и крестьянские бунтующие отряды, но и иноземные захватчики — поляки и шведы.

Следовательно, на количество спрятанных кладов и распределение их по годам влияла не обязательно военная обстановка. Важно и то, что места находок кладов встречаются не только на тех территориях, где бушевала народная война, но и там, где в эти годы было относительно спокойно. Клады зарывали и во Владимирской, Тверской, Ленинградской, Пермской, Ярославской областях, в северных районах Московской области. Следовательно, монеты прятались не всегда теми жителями, которые оказывались в эпицентре военных событий.

Обилие кладов, разбросанных более или менее равномерно по территории государства, свидетельствует по крайней мере о двух обстоятельствах. Во-первых, о том, что на руках населения имелись деньги. Если бы их не было — не было бы и кладов. Когда после Ливонской войны 1558—1583 годов в конце царствования Грозного в стране наступило хозяйственное разорение и экономический упадок, массы крестьянского и посадского населения вымирали или бежали от голода в хлебные районы. Внешняя торговля была парализована лишением выхода на Балтику, в стране замерла торговля и сократился приток серебра на денежные дворы. Тогда и исчезли монетные клады. Было просто нечего прятать. В 1606—1607 годах в стране деньги были — были и клады. Несмотря на взрыв крестьянской войны Болотникова, хозяйственная жизнь в стране не нарушилась. Главные торговые пути, связывавшие денежные дворы с центрами внешней торговли, были свободны, и серебро беспрепятственно поступало через казну и частных лиц в тигли Московского, Псковского и Новгородского дворов. Собирались торговые пошлины, поступали в казну

подати, и все это обусловливало нормальное функционирование денежного хозяйства. Обилие кладов в стране, как уже отмечалось выше, не обязательно следует связывать с военной опасностью.

В 1606—1607 годах кладов стало больше, потому что экономическое положение страны было еще относительно благополучным. В последующие годы кладов стало меньше, потому что начался длительный период хозяйственного разорения. Но все эти годы массовое захоронение кладов было вызвано прежде всего обострением классовой борьбы, той социальной напряженностью, которая ощущалась во всех слоях русского общества на всей территории страны.

Кладам рубежа первого-второго десятилетий XVII века присуща еще одна характерная черта. По сравнению с предшествующими годами они стали гораздо крупнее. Резко возросли суммы, составлявшие клады. В массе своей они выше тех обычных для второй половины XVI — начала XVII века сумм (от 3 до 10 рублей), которые принадлежали в основном крестьянам и посадским людям. Клады времени Шуйского составляют 10—20 рублей и более. Можно привести конкретные примеры таких находок.

В Москве были найдены два клада, один размером в 2545 экземпляров, другой — 3247 экземпляров (соответственно — 25 рублей 4 гривны 3 алтына 4 денги и 32 рубля 4 гривны 2 алтына 2 денги). Оба клада обнаружены на Пятницкой улице (современный район станции метро «Новокузнецкая»). В XVI веке сюда были выселены стрельцы, которые распространили свои дома и дворы в XVII веке на большой территории. В Новгороде, возле стены Новгородского кремля, был найден клад, насчитывающий 5157 экземпляров (51 рубль с полтиной 2 алтына 2 денги). Возле кремлевских стен в Новгороде жили представители феодальной верхушки.

Поскольку в 1606—1610 годах серебряная копейка — основной номинал русской денежной системы — оставалась еще почти неизменной и по весу, и по количеству чистого серебра, и ее ценность заметно не снизилась, как это произошло после 1611 года, остается сделать вывод об изменении социального состава кладовладельцев по сравнению со второй половиной XVI века. Видимо, при Шуйском ими стали в основной своей массе или служилые люди «по отечеству», или верхушка служилых лю-

дей «по прибору» (например, стрелецкие головы, сотники), которых правительство усиленно привлекало повышенными денежными окладами.

Восставшие крестьяне и горожане свой гнев в первую очередь как раз и обрушивали на их дома и дворы. Денежные суммы, как наиболее мобильный и удобный вид имущества, сохранить было легче, чем дом и служебные постройки. Думается, этим можно объяснить, в частности, природу большинства кладов времени Шуйского. Деньги выдавались на руки служилым людям чаще и в бо́льших количествах, чем в предшествующие годы. Владельцы денег стремились спрятать их в своих поместьях или городских усадьбах. Но воспользоваться деньгами ни они сами, ни их семьи не смогли. Разгоравшаяся с каждым месяцем гражданская война, к которой в 1608 году присоединилась иностранная интервенция, охватила почти всю территорию Московского государства, и в огне Смуты гибли тысячи и сотни тысяч человеческих жизней. Служилые люди — воины — гибли больше других.

Так монетные клады, наряду с письменными источниками, смогли показать один из аспектов внутренней политики правительства Василия Шуйского, которое стремилось удержать феодальное воинство в подчинении денежными выплатами. Клады стали свидетелями того, насколько непрочно и неуверенно чувствовали себя жители Русского государства в годы, когда все шире и шире разрасталась гражданская война.

Глава 4

ТУШИНСКИЙ ВОР

ДВЕ ВЛАСТИ

Откуда брал царь Василий Шуйский средства для многочисленных окладов служилым людям? Голландец Исаак Масса писал, что в марте 1607 года Василий Шуйский «повелел распродать из казны старое имущество, как то платья и другие вещи, чтобы получить деньги, а также занял деньги у монастырей и московских купцов, чтобы уплатить жалованье несшим службу».

В 1606—1607 годах, как уже говорилось, были еще свободны торговые пути, которые шли через Новгород и Псков, через города на Волге и Северной Двине — Ярославль, Кострому, Архангельск и Вологду. В Европу шли русские пушнина, лес, смола, поташ, пенька, лен, кожи, хлеб, воск, сало. Из Европы в Россию поступали серебро и золото, медь, железо, сукно, шелк, бумага,

сахар, пряности, вино и оружие. Царская казна покупала «узорочье» — художественные ремесленные изделия, в том числе ювелирные, а также драгоценные камни и прочие предметы роскоши.

Пошлины, которыми облагалась внешняя торговля, взимались западноевропейскими монетами — «ефимками». «Ефимочную казну» привозили в Москву, где она распределялась между денежными дворами: из серебряных «ефимков» (талеров) делались русские серебряные копейки, денги и полушки.

В больших и малых русских городах, многочисленных торговых селах велась оживленная торговля. Приезжали крестьяне с сельскохозяйственной продукцией, ремесленники выносили свои изделия на рынок. Таможенные старосты собирали таможенные пошлины, которыми облагалась внутренняя торговля.

В казну также поступали денежные налоги с сельского и городского податного населения.

Государевы денежные дворы в Москве, Новгороде и Пскове получали заказы на чеканку монет из казенного серебра и от частных заказчиков. Денежный приказ усердно следил за работой денежных дворов. Государственная монета чеканилась по установленным типовым рисункам и надписям — это должно было способствовать выделению «прямых», то есть государственных монет из «воровских», фальшивых, до изготовления которых охотников находилось все больше и больше.

К осени 1607 года положение в стране стало меняться к худшему. В июле 1607 года в Стародубе объявился новый самозванец. Он вошел в историю под именем Лжедмитрия II, или Тушинского вора. В прошлом школьный учитель (в Шклове «дети грамоте учил, школу держал»), он, как полагают историки, был крещеным евреем. Новая самозванческая интрига полностью организовалась группой польских панов: неугомонным Юрием Мнишеком, Меховецким, Ружинским, Вишневецким, Лисовским, Сапегой. Они разыскали нового «Димитрия», по их наущению шкловский учитель объявил себя царем Дмитрием, чудесно спасшимся во время московского восстания 1605 года.

Теперь, летом 1607 года король Сигизмунд III имел возможность и желание поддержать нового самозванца. В июне 1607 года Польша заключила договор с Турцией, по которому крымский хан с санкции турецкого султана должен был оказывать Речи Посполитой во-

оруженную помощь. С 1607 года начались непрерывные вторжения татар на южные окраины Русского государства. После подавления «рокоша» — шляхетского мятежа против королевской власти, отряды разбитых «рокошан» стали стекаться в Самбор в надежде на военную добычу и славу. Это тоже устраивало Сигизмунда III, так как давало возможность направить энергию и людские ресурсы в нужном для него направлении.

Новая авантюра нашла также поддержку у римского папы: католическая церковь не оставила еще надежды ввести в России католическую религию. Надежды эти теперь связывались с Лжедмитрием II.

Римская церковь не сразу решилась принять участие в новой самозванческой интриге. Кардинал Боргезе писал: «О делах московских теперь нечего много говорить, потому что надежда обратить это государство к престолу апостольскому исчезла со смертию Димитрия, хотя и говорят теперь, что он жив». Но по мере успехов Тушинского вора акции его у католической церкви возрастали. В августе 1608 года тот же Боргезе заявлял: «Димитрий жив и здесь во мнении многих; даже самые неверующие теперь не противоречат решительно, как делали прежде...»

Внешняя поддержка самозванцу сомкнулась с народными волнениями и неутихшим еще пламенем крестьянской войны Болотникова. Участие восставших крестьян придало силу и внутреннюю энергию движению нового самозванца. Лжедмитрий отправился к Туле, где сидел в осаде Болотников с войском. Имя «царя Димитрия» привлекало народные массы, и они присоединялись к польским отрядам. Падение Тулы 10 октября 1607 года заставило Лжедмитрия II в панике повернуть обратно, а затем направиться в те районы, где народное движение приобрело наибольший размах. Зиму он провел в Орле. По всем городам рассылались грамоты от имени «царя Димитрия» с обещаниями вольности всем крестьянам и холопам.

Силы самозванца росли, и весной 1608 года ему удалось разбить правительственные войска. Однако Москву он так и не взял. В июне 1608 года он расположился лагерем в селении Тушино под Москвой. Началась планомерная осада столицы.

История пребывания Лжедмитрия II в Тушине — одна из самых трагических и в то же время анекдотических страниц Смутного времени. Поляки и вновь акти-

визировавшиеся иезуиты постарались создать у русского населения полную иллюзию того, что именно в Тушине находится «истинный» русский царь с двором. Здесь была создана Боярская дума, в которую входили московские бояре: князья Д. Т. Трубецкой (запомним это имя!), Д. М. Черкасский, А. Ю. Сицкий, П. М. Шаховской и другие. Был патриарх — бывший знатный боярин Федор Никитич Романов, которого Борис Годунов, опасаясь соперничества, постриг в свое время в монахи; теперь он, ростовский митрополит Филарет, был наречен патриархом Московским и всея Руси. Были созданы приказы — словом, воссоздан полностью правительственный аппарат. И даже собственную монету чеканил Лжедмитрий II! Когда в сентябре 1608 года Псков присягнул «царю Димитрию Ивановичу», на Псковском денежном дворе началась чеканка монет с его именем. Для чеканки использовали старые штемпеля времени Лжедмитрия I. Монеты Лжедмитрия II отличаются от монеты Лжедмитрия I по весьма немаловажной детали — они значительно тяжелее монет 1605—1606 годов. Нормативный вес копеек трехрублевой стопы (чеканка 300 копеек из гривенки серебра весом в 204,756 грамма, при которой вес одной копейки составлял 0,68 грамма, или, по метрологии того времени, 4 почки) стал равным 0,72 грамма, или 4,25 почки.

В выпуске копеек повышенного веса тушинским правительством был не только экономический, но и политический расчет. Таким путем оно добивалось популярности у русского населения, смыкаясь с другими демагогическими действиями Лжедмитрия II — дарованием примкнувшим к нему крестьянам и казакам поместий, раньше принадлежавших служилым людям, оказавшимся в лагере Шуйского, а также отпуском на волю холопов и возведением в члены Боярской думы многих «худородных» людей.

Для полного соответствия тушинского лагеря царской резиденции сюда была доставлена, наконец, царица. Марина Мнишек признала в шкловском учителе своего спасенного супруга. За такую услугу «царь» пообещал своему «тестю» Юрию Мнишеку 300 тысяч рублей и 14 северских городов (Лжедмитрий обещал Мнишеку только 6 городов). Получить дары Мнишек должен был в случае полной и окончательной победы над Шуйским. Для воскресшего «Димитрия» в Польше был составлен наказ. Главною целью этого документа было вовлечение

Русского государства в унию. В случае вступления в Москву и утверждения на русском престоле «царь Димитрий» должен был предоставить католикам доступ к государственным должностям; охрану собственной персоны формировать только из иностранцев и перенести столицу государства ближе к западным границам.

Получение императорского титула, чего так тщетно добивался покойный Григорий Отрепьев, в наказе обставлялось рядом условий. Вначале доказывалось, что требовать такой титул Дмитрий не может, так как он не достался ему в наследство от предков и его не признает ни один король христианский; для принятия титула необходимо новое венчание, которое патриарх совершить не может, нет и «курфирстов», требующихся при обряде. Но, заключали поляки, царь сможет достигнуть желанного императорского титула через унию.

Руководили всеми делами в Тушине поляки и иезуиты. Современники писали, что они «царем же играху яко детищем».

Так сложились две власти в Русском государстве: царь Василий Иванович Шуйский в Москве и «царь Димитрий Иванович» в Тушине. И тот и другой, стремясь заручиться поддержкой дворян и боярства, раздавали землю и денежные оклады, государственные должности. Многие дворяне и бояре старались получить подачки и в Москве, и в Тушине. Современники метко назвали их «перелетами».

ПЕРВЫЕ УГРОЗЫ «ДОБРОТЕ» КОПЕЙКИ

Успехи самозванца и переход на его сторону значительной части русского правящего класса объяснялись прежде всего крайней непопулярностью царя Василия Шуйского. Во второй половине 1608-го — начале 1609 года целовали крест «царю Димитрию» почти все города к северу, востоку и западу от Москвы. 2 октября 1608 года отпал от Москвы Псков. Это была очень чувствительная потеря для московского правительства, тем более ощутимая, что вместе со Псковом присягнули Лжедмитрию II и псковские пригороды. Богатый город, через который шла торговля с Западом, город с налаженным денежным производством стал служить Тушинскому вору. В октябре — ноябре 1608 года к Лжедмитрию II перешли Переславль-Залесский, Ростов, Ярославль, Кострома, Балахна, Устюг, Вологда, Тотьма,

Владимир, Галич, Суздаль, Шуя, Гороховец, Муром, Арзамас. Москва была отрезана от крупных торговых центров Севера и Востока, от торговых путей, связывавших Москву с Западной Европой. Иностранные и русские купцы, получившие товары в Архангельске во время летней навигации 1608 года, оказались запертыми в Вологде, ставшей богатейшим складом зимой 1608/09 годов.

По всей территории тушинских владений рыскали отряды польских наемников и казачьи разъезды. Они выполняли военные планы тушинского командования, целью которого было окружение Москвы и прекращение допуска в столицу продовольствия и прочих товаров. Однако полностью окружить Москву им не удалось. На пути их встала сильнейшая крепость — Троице-Сергиев монастырь. Защитники его выдержали осаду, продлившуюся с сентября 1608-го по январь 1610 года. 16 месяцев монастырь сковывал значительные силы противника и не давал перерезать путь из Москвы на север. Пытаясь отрезать Москву от южных городов, тушинцы направились к Коломне и Рязани, но под Коломной встретили стойкое сопротивление.

Чтобы привлечь симпатии горожан, самозванец рассылал покорившимся ему городам грамоты, где хвалил их за присягу своей особе, обещал дворянам и всем служилым людям царское жалованье, деньги, сукна, поместья, освобождение от податей. Но польские сподвижники Лжедмитрия II добились того, чтобы в каждый такой город направились по поляку и русскому с новыми грамотами, согласно которым города облагались сильными поборами.

Жители Ярославля послали в Тушино 30 тысяч рублей, обязались содержать 1000 человек конницы. Несмотря на пожертвования, горожан грабили. Тушинцы врывались в дома знатных людей, в лавки богатых купцов, брали товары без денег, оскорбляли и грабили прохожих. Грабили и крестьян.

Тушинский «царь» получал слезные жалобы от своих подданных: «Царю государю и великому князю Димитрию Ивановичу всея Руси бьют челом и кланяются сироты твои, государевы, бедные, ограбленные и погорелые крестьянишки. Погибли мы, разорены от твоих ратных воинских людей, лошади, коровы и всякая животина побрана, а мы сами жжены и мучены, дворишки наши все выжжены, а что было хлебца ржаного, и тот

сгорел, а достальный хлеб твои загонные люди вымолотили и развеяли: мы, сироты твои, теперь скитаемся между дворов, пить и есть нечего, помираем с женишками голодною смертью, да на нас же просят твои сотные деньги и панский корм, стоим в деньгах на правеже, а денег нам взять негде».

Если в течение осени и зимы 1608—1609 годов силы тушинского правительства значительно возросли, то положение Шуйского в осажденной столице стало отчаянным. Страшны были голод и нужда в продовольствии, но еще страшнее было то, что нечем было платить служилым людям. На денежных дворах не хватало серебра, так как весь летний запас «ефимочной казны» из Архангельска вместе с прочими товарами оказался блокированным в Вологде. В грамотах, направлявшихся городам, оставшимся верными Москве, говорилось: «Иноземцам, наемным людям найму дать нечего, в государевой казне денег мало, известно вам самим, что государь в Москве от врагов сидит в осаде больше году; что было казны, и та роздана ратным людям, которые сидели с государем в Москве».

Правительство Шуйского решилось искать выход в самом испытанном и безотказном средстве — порче монеты. Разумеется, этот способ был и наиболее опасным по последствиям, и руководители финансов понимали это. Поэтому, решившись на первое, очень незначительное ухудшение качества копейки, они рассматривали его как временную меру.

Изучение копеек 1608 года, чеканенных на Московском денежном дворе, показывает, что они стали чуть-чуть легче. Вместо весовой нормы, равной 0,68 грамма, копейка стала иметь вес 0,64 грамма. Вес копейки уменьшился ровно на одну четвертую часть почки (0,04 грамма). Почка, наиболее мелкая метрологическая весовая единица в Древней Руси, по весу была равна самой мелкой денежной единице — полушке (0,17 грамма). Конечно, снижение веса одной копейки на 0,04 грамма кажется мизерным. Но при очень больших масштабах чеканки ничтожная величина могла вырасти в довольно значительное количество сэкономленного монетного сырья — серебра.

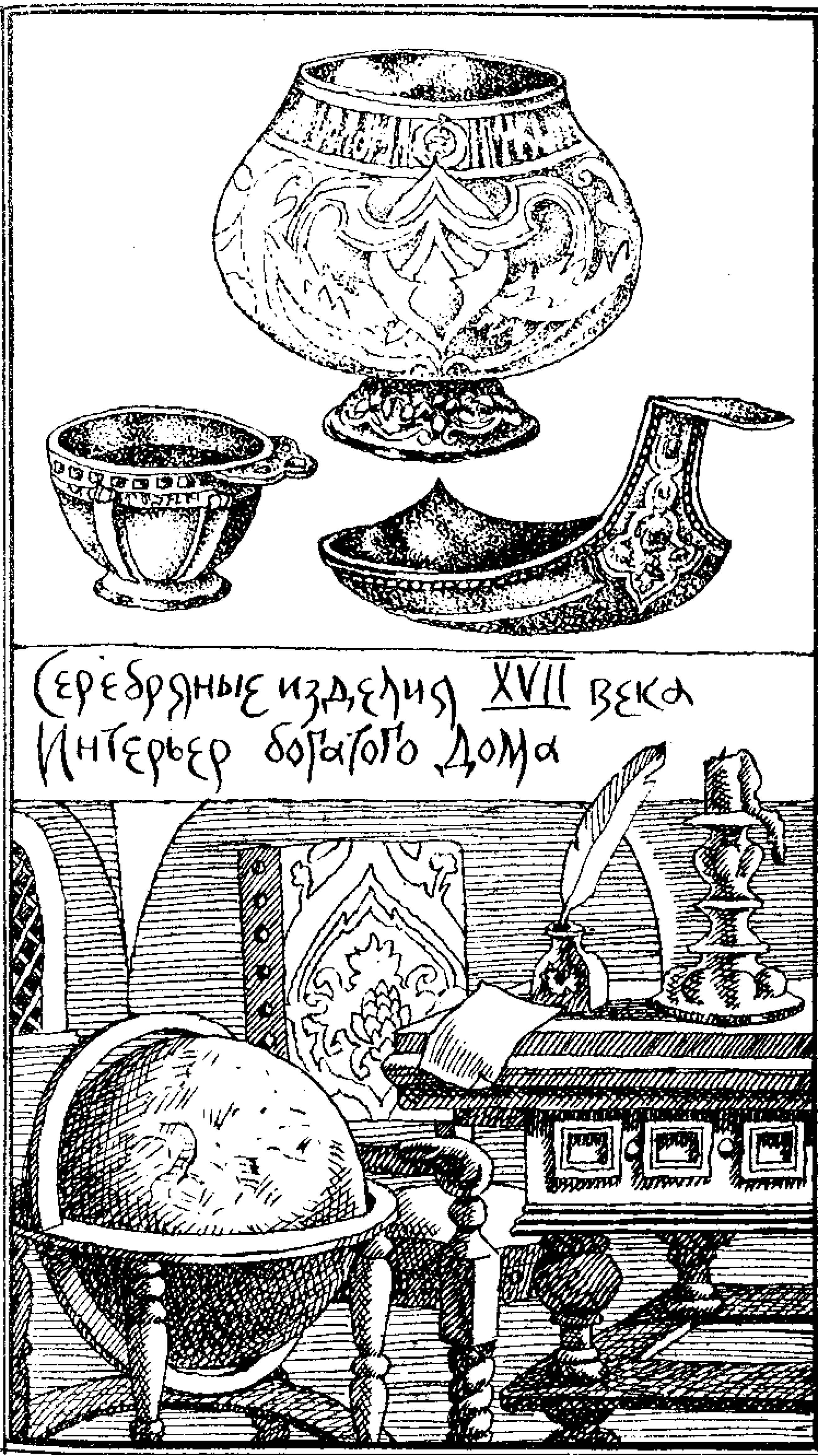
На глаз такое незначительное понижение веса определить невозможно. Это было на руку инициаторам ухудшения монет — ведь в глазах населения монеты сохраняли стабильную ценность, хотя на самом деле ко-

пейки 1608 года содержали меньшее количество сереб ра. Но если с точки зрения правительства население н могло догадаться об ухудшении монет, то для чиновни ков финансовых ведомств, напротив, нужно было дат четкие критерии, по которым различались полноценны и ухудшенные монеты: ведь они строили государствен ный бюджет и исчисляли доходы с учетом истинно ценности всех монет, поступавших в обращение. Поэто му на Московском денежном дворе по решению Денеж ного приказа монеты с более легким весом стали полу чать едва различимые особенности в оформлении. Отли чия эти мог заметить только очень опытный глаз. По прежнему на копейке изображался всадник с копьем а на другой стороне помещалась надпись: «Царь и ве ликий князь Василий Иванович всея Руси». Но чуть чуть стали крупнее буквы надписи, а мачты букв — чуть толще, чтобы выделить новые копейки с облег ченным весом. Сборщики податей и таможенных сборов ориентируясь на особенности надписей, могли различат старые и новые копейки. Такое выделение монет ухуд шенного качества или пониженного веса едва заметны ми изменениями элементов оформления в средневековом денежном деле практиковалось чаще всего тогда, когда ухудшение монет считалось временной мерой и его ста рались скрыть от населения. Видимо, предполагалос также, что при более благоприятном стечении обстоя тельств будет возобновлен выпуск полноценной монеты и ухудшенные монеты будут без труда выделены и изъ яты из обращения.

ДЕНЕЖНЫЙ ПРИКАЗ

За первым посягательством на «доброту» русской ко пейки в 1608 году, по всей видимости, стояла ожесточен ная и бескомпромиссная борьба центрального органа ведавшего денежным делом в стране, — Денежного приказа с фискальными службами, озабоченными попол нением государевой казны любыми способами.

О деятельности Денежного приказа, который был об разован в 1595—1596 годах, можно судить только по данным монет, так как каких-либо следов его делопро изводства пока не найдено. Кто стоял во главе Денеж ного приказа с 1595-го по 1610 год — тоже неизвестно Но несомненно, что руководители русского денежного дела проводили очень продуманную и целенаправлен

Серебряные изделия XVII века
Интерьер богатого дома

ную политику, целью которой было полное очищение его от пережитков феодальной раздробленности, увеличение объема чеканки за счет расширения сырьевой базы при сохранении неприкосновенным качества монеты — ее веса и пробы. Такая политика проводилась неукоснительно, начиная с последних лет царствования Федора Ивановича, и наиболее последовательно — при Борисе Федоровиче Годунове. В его царствование были подготовлены условия для выпуска стандартных по оформлению монет, которые к тому же должны были отличаться высоким художественным и техническим уровнем. Для достижения этой цели на Московском, центральном денежном дворе, одновременно выполнявшем функции Денежного приказа, опытные мастера, первоклассные резчики по металлу («матошного дела резцы») резали маточники, а отсюда их рассылали на два других двора — Новгородский и Псковский. Предполагалось сосредоточить в дальнейшем всю чеканку в Москве, чтобы единый центр осуществлял контроль над чеканкой и распределением готовой продукции, над снабжением сырьем, над качеством монеты. Преждевременная смерть царя Бориса Годунова, который, видимо, лично вникал и в вопросы денежного дела, этой важнейшей отрасли государственной деятельности, и последующие затем годы Смуты прервали планомерное развитие денежной политики. Завершение преобразований в денежном производстве пришлось уже на 20—30-е годы XVII века, когда историческое развитие Русского государства потребовало иных новаций в организации монетной чеканки.

В годы царствования Лжедмитрия I и Василия Шуйского, когда Смутное время стало сказываться на экономике государства, Денежный приказ неукоснительно следил за «добротой» русской копейки. Весовая норма и проба монет строго соблюдались, на Новгородский и Псковский денежные дворы посылались маточники стандартного образца. И когда в 1608 году Денежному приказу все-таки пришлось уступить, снижение веса копейки произошло только на Московском денежном дворе. Ни Новгородский, ни Псковский дворы на «доброту» копейки не посягнули, и, надо думать, за этим стояла воля Денежного приказа.

Не исключено, что Денежному приказу в борьбе за сохранение высокого качества русской копейки приходилось выступать против самого царя Василия Ивано-

вича Шуйского. Прямых свидетельств письменных источников не сохранилось, да такие события вряд ли могли оставить след в феодальном делопроизводстве. Но ряд косвенных намеков современников и, конечно, сами монеты дают веские основания для таких предположений.

Современники часто укоряли царя Василия Шуйского в сребролюбии и корыстолюбии. Дьяк Иван Тимофеев, оставивший записки о Смутном времени, укорял царя за то, что тот прожил с блудницами все серебро из казны и не постеснялся «ради своего развратного жития» перелить в деньги священные серебряные сосуды из церквей и монастырей. Видимо, непопулярность Василия Шуйского послужила причиной того, что действительную нужду в серебре, которую остро испытывала казна, современники приписали «скотскому житью» злополучного царя. Военная обстановка требовала все большего количества денежных средств для оплаты служилых людей и наемников, а пути доступа серебра на денежные дворы с 1608 года были перекрыты. Тогда действительно пошли в ход серебряные сосуды и ювелирные изделия, которые приносили на денежные дворы частные заказчики. Казна же поступала с гораздо большим размахом. Шуйский занимал деньги у церкви и в монастырях. Троице-Сергиев монастырь в несколько приемов дал ему 20 235 рублей.

Ухудшение монеты в 1608 году было, по-видимому, в ряду поисков средств не последним действием.

ПЕРЕХОД К ДЕНЕЖНЫМ ОТКУПАМ

Акция по выпуску облегченных монет вряд ли могла быть очень эффективной. Судя по тому, что сохранилось небольшое количество легких копеек 1608 года, выпуск их не мог быть обильным. К тому же ухудшение копеек коснулось только веса, не затрагивая пробы. Поэтому если при выпуске копеек нормативного веса из одного «ефимка» — талера весом около 29 граммов после очистки в процессе плавки от посторонних примесей получалось 38 копеек, то в 1608 году из того же талера при прежней технологии чеканки получалось около 40 копеек. Разница была не так уж велика. Эффект был бы больше, если бы больше были масштабы чеканки, но при сокращении сырьевой базы в 1608 году такого случиться не могло. К тому же, как уже

говорилось, монеты ухудшенного веса чеканились только в Москве, так как Денежный приказ, вероятно, не хотел выпускать из-под своего контроля эту деликатную операцию.

Твердая позиция Денежного приказа и строжайший контроль над денежным производством, осуществляемый им, могли толкнуть отчаявшегося царя на ряд рискованных действий.

Спустя 380 лет монеты разоблачили царя Василия Ивановича Шуйского.

Несколько лет назад во время археологических раскопок в Пскове был найден клад монет времен Шуйского. Состав клада датирует время его захоронения осенью — началом зимы 1608 года. Это было время, когда Псков 2 сентября 1608 года «отложился» от Москвы и целовал крест на верность «царю Димитрию Ивановичу», Тушинскому вору. Тогда же Псковский денежный двор начал чеканку копеек с именем Дмитрия Ивановича и тушинская казна стала пополняться доходами от собственной чеканки.

В кладе были обнаружены две крайне любопытные и не менее загадочные монеты. На первый взгляд они ничем не отличались от весьма распространенного типа псковских копеек Бориса Федоровича Годунова, с буквами ПСРЗ, что расшифровывается как «Псков. 107», то есть 1599 год. Но при внимательном изучении этих копеек бросалось в глаза не столько сходство их с популярным типом, сколько отличие: другим был рисунок всадника, другой была и надпись. При всем сходстве с копейкой ПСРЗ копейки из клада отличались еще и жесткостью линий; впечатление было такое, будто некто старательно и механически скопировал оригинал. Но еще более отличал копейки клада от подлинных копеек ПСРЗ вес: две монеты весили 0,58 и 0,59 грамма. Это был очень большой отрыв от нормативного веса копеек ПСРЗ, колеблющегося вокруг 0,68 грамма. В коллекции Исторического музея нашлись еще 32 копейки, являвшиеся точной копией копеек клада, но, к сожалению, без паспорта, позволявшего судить об их происхождении. Вес музейных экземпляров также колебался вокруг 0,60 грамма.

Следовательно, благодаря кладу из Пскова удалось установить, что накануне 2 сентября 1608 года, времени, когда Псков перешел на сторону Тушина, здесь начали чеканить копейки, подражавшие популярному ти-

ну копеек 1599 года с именем Бориса Федоровича, с весом, значительно ниже нормативного веса копеек трехрублевой стопы. Так как в многочисленных кладах, зарытых при Борисе Годунове, такие копейки не встречались никогда, время их чеканки следовало отнести к 1605—1608 годам. Где-то в этот промежуток в Пскове появились такие явно подражательные монеты.

Их отмечала еще одна особенность. И рисунок на лицевой стороне, и надпись имели очень высокий профессиональный уровень. Однако среди псковских монет, чеканившихся на Псковском денежном дворе, не удалось найти таких, рисунок и надписи на которых были бы выполнены сходным «почерком». Подражательные копейки явно выпадали из остальной продукции Псковского денежного двора.

Все эти наблюдения позволяли с уверенностью квалифицировать обнаруженную группу копеек как фальшивые, «воровские» монеты. Но от обычных «воровских» монет их отличали два признака. Во-первых, довольно большое количество дошедших до нас экземпляров, к тому же совершенно идентичных, чеканенных при помощи одной пары чеканов. И в кладах, и в коллекциях музеев даже две одинаковые фальшивые монеты — огромная редкость. Выпуск фальшивых копеек был «штучным» производством. В веках могли сохраниться только единичные экземпляры «воровских» монет, изготовленных различными фальшивомонетчиками. Здесь же мы встретились со значительной по количеству группой монет, вышедших из-под одного штемпеля. Во-вторых, качество изготовления наших копеек резко отличало их от обычных «воровских» изделий. Рисунки и надписи на «воровских» копейках, как правило, очень неумело исполнены, надписи чаще всего представляют или бессмысленный набор букв, или плохо читаемые подражания легенде русских копеек. Здесь же мы видим превосходно «сделанные» копейки.

Какова же природа этих необычных «воровских» псковских копеек, время чеканки которых приходится на 1606—1608 годы? Так как первый клад, где они были встречены, датируется 1608 годом, а в кладах, зарытых между 1599—1608 годами, они не найдены, мы имеем основание считать, что чеканились подражательные копейки ПСРЗ около 1608 года.

Причину их появления, по всей видимости, следует

искать в псковских событиях, происходивших незадолго до присоединения Пскова к Тушинскому вору.

Псковские летописи рассказывают о бурных внутриполитических событиях в городе, предшествовавших отпадению Пскова от Москвы. В начале 1607 года царь Василий Шуйский попросил у псковичей денег, «хто сколько порадеет царю Василью». С такой просьбой о добровольном займе Василий Шуйский обращался во многие города в тот трудный период. В первую очередь он обратился к богатым псковским купцам и боярам, «мнящихся перед богом и человека, богатьством кипящих». Однако «лучшие» псковские люди превратили добровольный заем в принудительный, обложили «по роскладу» все население города, даже вдовиц. Собрать удалось только 900 рублей. Деньги повезли в Москву пять человек из числа «меньших» людей. Вместе с деньгами они повезли царю Василию жалобу на богатых псковичей. Но те опередили: к Василию поступил донос на псковских «мелких» людей, которые «казны не дали». О посланниках города было сказано: «А сии пять человек тебе государю добра не хотят».

В Москве доносу поверили, и псковичей собрались повесить. Узнав об этом, Псков восстал, обрушился на доносчиков, и семь человек богатых гостей попали в тюрьму. «Мелкие» псковские люди были спасены, но классовая борьба в городе не утихала. Популярность царя Василия падала с каждым днем, и симпатии псковичей, как «больших», так и «меньших», в конце концов обратились на Лжедмитрия II. Между тем тушинское правительство умело пользовалось создавшейся обстановкой, чтобы еще больше привлечь на свою сторону горожан. Лжедмитрий прислал в Псков «грамоту мудрым словом зело, не о крестном целовании». Умелая демагогия привела к тому, что 2 сентября Псков «отложился» от Москвы и присягнул Лжедмитрию II.

Описанные в летописи события никакого отношения к чеканке воровских монет, казалось бы, не имеют. Но ведь летопись описывала только видимую сторону городской жизни. Анализ же сообщений летописного рассказа дает основание заподозрить, что в основе брожения, охватившего город накануне «отложения» от Москвы, лежали более сложные причины. Почему богатые псковские гости вместо добровольного сбора средств совершили принудительный «росклад»? Почему царь Ва-

силий довольствовался скромной суммой в 900 рублей, собранной с города? Почему гнев псковичей обратился именно на семь человек гостей, которых посадили «в погреб», то есть в тюрьму?

Анализ и сопоставление летописного рассказа с фактом чеканки в Пскове странных «воровских» копеек, сделанных на профессиональном уровне и в достаточно больших количествах, позволяет реконструировать события 1607—1608 годов, происходившие во Пскове, следующим образом.

Не потому ли псковские «гости славные мужи и великие» переложили сбор денежных средств на «меньших» псковских людей, что они нашли иной способ «порадеть царю Василью» не без выгоды для себя? Таким способом могла стать организация откупной чеканки монет, тайная чеканка помимо денежного двора. Предположим, семь человек псковских гостей (именно такое количество было затем арестовано псковичами) дали царю Василию крупную сумму денег, получив от него тайное разрешение на монетный откуп. Свои затраты они намеревались с лихвой возместить выпуском большого количества «воровских» монет с пониженной весовой нормой. Чтобы замаскировать неполноценные монеты, откупщики в качестве образца избрали один из самых распространенных типов псковских копеек с именем правителя Бориса Федоровича Годунова, которого официальная пропаганда называла узурпатором и убийцей законного наследника престола. Среди мастеров-серебреников, которыми славился Псков, можно было найти опытного и искусного мастера; он сумел вырезать маточник, скопировав с подлинной копейки 1599 года рисунок и надпись, и снятыми с него штемпелями отчеканить довольно большую партию «воровских» копеек.

К XVII веку откупа в денежном деле давно уже отмерли. В первой четверти XVI века чеканка монет полностью осуществлялась государственным денежным двором, и лишь два мастера-иностранца — Орнистотель и Александро — получили денежные откупа от великого князя Василия III. С тех пор эта практика больше не возобновлялась. И вот в тяжелый для царской власти 1608 год она возродилась. Восстановление денежных откупов шло вразрез с монопольным правом царской власти на чеканку монет. Оно выводило денежное производство из-под контроля Денежного при-

каза, создавало возможность злоупотреблений и ставило под угрозу качество монеты. Так оно и получилось в 1608 году. Если на государственном денежном дворе под давлением чрезвычайных обстоятельств вес копейки снизился только на 1/4 почки, то псковские откупщики снизили его уже на 1/2 почки. Весовая норма псковских «воровских» монет тянет к 0,60 грамма. Далее, если государственные слегка облегченные монеты по оформлению отличались от полноценных, то откупные монеты, напротив, были замаскированы сходством с популярной и доброкачественной монетой.

Трудно представить, чтобы Денежный приказ, так настойчиво соблюдавший неприкосновенность «доброты» русской копейки, мог санкционировать возрождение денежных откупов. Надо думать, что Василий Иванович Шуйский решился на такой шаг самостоятельно, видимо, действуя через доверенных лиц.

Историки неоднократно отмечали, что царь Василий имел тесные связи с купечеством и пользовался его поддержкой и советами. При избрании Шуйского значительную роль сыграли, помимо бояр, богатые торговые гости и торгово-ремесленное население столицы. Их беспокоило то явное покровительство, которое Лжедмитрий I оказывал иноземному купечеству. Конрад Буссов рассказывал, что Шуйский, организуя заговор против самозванца, «созвал к себе на двор сотников и пятидесятников города (представителей городского самоуправления), а также некоторых бояр и купцов, и сказал им тут, что они ясно видят, как всей Москве угрожает великая опасность».

В крестоцеловальной записи от 19 мая 1606 года Василий Шуйский пообещал: «У гостей у торговых людей, хотя который по суду и сыску дойдет и до смертныя вины, и после их у жен и детей дворов и лавок и животов не отнимати, будет с ними в той вине не винны». Эти послабления торговым людям в царствование Шуйского дополнялись жалованными грамотами купцам из разных городов, рядом привилегий отдельным лицам.

Не исключено, что идея денежных откупов и была подсказана царю Василию богатыми «гостями», а инициаторами выступили псковские купцы. И для царя, и для купечества откупа были взаимно выгодны. Впрочем, результаты этой попытки оказались плачевными не только для самих псковских откупщиков, но и для

царской власти. Потеря Пскова стала очень чувствительной для Москвы.

Имеются косвенные свидетельства письменных источников о том, что и в Новгороде была сделана попытка наладить чеканку откупных денег, но она не удалась.

«Отложение» Пскова от Москвы состоялось 2 сентября 1608 года, а 8 сентября взрыв классовой борьбы случился в Новгороде. Этому предшествовали следующие события.

В середине 1608 года царь отправил в Новгород своего родственника, молодого князя Михаила Васильевича Скопина-Шуйского. Вокруг Москвы стягивался узел осады, и Новгород должен был стать центром организации отпора тушинцам. Скопин-Шуйский собирал средства с городов северного Замосковья, Заволжья и Поморья, вел переговоры со шведами о помощи наемными войсками и «строил рать» для военных действий. Воеводой в Новгороде был также Михаил Иванович Татищев, темная фигура, любимец царя, «по причине тайной, законопреступной заслуги» и из-за приближения к царю его родственников. Так нелестно и весьма туманно писал о Татишеве уже упоминавшийся автор записок о Смутном времени дьяк Иван Тимофеев. При Скопине-Шуйском и Михаиле Татищеве дьяком был Ефим Григорьевич Телепнев, в будущем — глава Денежного приказа и Московского денежного двора (с 1610 года), крупный чиновник; его Иван Тимофеев аттестовал тоже очень нелестно: «самописчий некто», который был собеседником Михаила Татищева и «особенно близок был ему по лукавству... Честью он мало отличался от того коварного, потому что тайно наушничал царю».

Эти три лица, управлявшие Новгородом, без видимой причины 8 сентября 1608 года вдруг попытались тайно скрыться из Новгорода (они пытались бежать через мельничную плотину, ночью), захватив с собою денежную городскую казну. Заметив их бегство, новгородцы догнали и вернули беглецов. По доносу Е. Г. Телепнева М. Татищев, как организатор и инициатор побега, был казнен. Скопин-Шуйский, пользовавшийся в городе симпатиями, был прощен и, сконфуженный, вернулся к своим организаторским обязанностям.

Историки объясняют инцидент 8 сентября боязнью верхушки городской администрации повторения в Нов-

городе псковских событий, чем и объясняется их тайное бегство из города. Да и летопись прямо сообщает «Весть же прийде ко князю Михаилу Васильевичу в Новгород, что Псковичи измениша. Князь Михайло же советовав с Михаилом Татищевым да и з дьяком же с Ефимом Телепневым и побоясь от новгородцев измены, побегоша из Нова города». Но близость по времени псковских и новгородских волнений дает основание и для других аналогий. Может быть, новгородцы так же как и псковичи, были возмущены манипуляциями с весом монет — слух об организации во Пскове откупной чеканки вполне мог дойти и до Новгорода? Возможно что и в Новгороде была сделана попытка наладить чеканку монет по денежному откупу. Намеки Ивана Тимофеева о «тайной, законопреступной заслуге» Татищева перед царем делают эту версию вполне допустимой Возмущение новгородцев таким оборотом событий направленное против должностных лиц, может объяснить причину тайного и поспешного исчезновения последних вместе с городской казной.

Отсутствие нумизматических подтверждений подобному толкованию событий 8 сентября в Новгороде можно объяснить тем, что там только собирались, но так и не смогли организовать откупную чеканку.

Наибольшего успеха в деле создания денежных откупов Василий Шуйский добился в Москве, где у него были самые прочные связи с богатой торгово-ремесленной верхушкой города.

Откупные московские монеты впервые нашлись в огромном кладе (он насчитывал 6481 монету), найденном в Москве на современной улице Обуха (в XVI веке здесь, в районе Воронцова поля, располагались дворцовая и две стрелецкие слободы). Это были две копейки с именем Василия Ивановича, без знака денежного двора, очень сходные с московскими копейками Шуйского, чеканенными в 1606—1607 годах. Но вес их — 0,55 и 0,58 грамма — выпадал из нормативного веса копеек, а рисунок и надписи тоже обнаруживали отличие от подлинных копеек. Копейки эти (кстати разные) лишь тщательно копировали московские копейки 1606—1607 годов и были чеканены совершенно другими штемпелями.

Клад с улицы Обуха датировался 1608—1609 годами. Это был первый по времени клад, где встретились подражательные московские копейки Василия Шуйско

го. Затем в других, более поздних кладах, а также в музейных коллекциях нашлись еще пятнадцать копеек, которые оказались связанными с этими странными монетами не только стилистическим сходством, низким весом, колеблющимся в пределах 0,60 грамма, но и общими штемпелями. Выяснилось, что для чеканки их были изготовлены пять лицевых и шесть оборотных маточников.

Московский выпуск копеек Шуйского, чеканившихся вне Московского денежного двора, по времени не ранее 1608—1609 годов, вне всякого сомнения, относится к тому же явлению, что и псковские копейки, подражавшие копейкам Бориса Годунова 1599 года (с буквами ПСРЗ). Здесь мы видим ту же заниженную весовую норму, равную трем с половиной почкам (0,60 грамма), то же тщательное копирование полноценных популярных монет, ту же изоляцию от чекана государственных денежных дворов, ту же прекрасную ремесленную работу и, наконец, значительный для «воровского» чекана размах. Поэтому можно сделать вывод, что попытка организовать откупной чекан в Москве удалась, в отличие от Новгорода, и чеканка эта, в отличие от Пскова, продолжалась дольше по времени. Хотя до нас дошли всего пятнадцать экземпляров, наличие большого количества взаимосвязанных между собой штемпелей, приготовленных для организации откупной чеканки, свидетельствует о том, что операция эта длилась сравнительно долго.

Уж не появление ли в столице неполноценных копеек спровоцировало попытку дворцового переворота в феврале 1609 года? Разумеется, причин для недовольства Шуйским было более чем достаточно, но монеты тоже могли подлить масла в огонь. Заговор против царя возглавили московские дворяне, в числе которых были и тушинцы — князь Федор Мещерский и бывший претендент на звание «Димитрия Ивановича» Михаил Молчанов, который стал одним из приближенных Лжедмитрия II в Тушине. Однако заговорщики не получили поддержки московского посада, а члены Боярской думы попрятались по домам. Царь Василий Шуйский затворился во дворце и заявил, что по своей воле он ни за что не покинет царство.

Дворцовый переворот не состоялся. Новые события в стране все более ухудшали положение. Весной столица оказалась полностью лишена привоза хлеба. Насту-

пил голод. Большая часть доходов от сбора податей и таможенных пошлин поступала в казну Тушинского вора, правительство которого контролировало огромную территорию. В южных районах страны регулярное действие правительственного аппарата было парализовано военными действиями и народными волнениями. Платить служилым людям стало нечем.

Организация откупной чеканки была шагом отчаяния.

На фоне денежной политики московского правительства действия Тушинского вора отличались самым выгодным образом. Во Пскове, как уже говорилось, чеканка монет после 2 сентября 1608 года производилась по повышенной весовой норме. Эта акция имела не столько экономическое воздействие, сколько агитационное звучание. Таким путем тушинское правительство добивалось популярности у населения.

Чеканка монет с именем Дмитрия Ивановича по повышенной весовой норме на Псковском денежном дворе могла продолжаться до тех пор, пока в казне Тушинского вора было серебро. Когда города Поморья и Поволжья один за другим присягали на верность Тушину и денежные поступления из этих городов и областей поступали в тушинские приказы, средства в казне были. Но уже с конца 1608 года эти же города стали восставать и не подчиняться тушинской администрации. Огромной потерей для Тушина стало отпадение Вологды, где власть взяли в свои руки целовальники и посадские люди. Одновременно против Тушина выступил Галич, где собралось сильное земское ополчение. В декабре галичское ополчение освободило Кострому. Хотя через некоторое время тушинцам удалось вернуть и Кострому, и Галич, народная война против польско-казачьих отрядов тушинцев стала распространяться по всему Северу и Поморью. Доходы в казну Тушинского вора резко сократились.

Нестабильным было положение и в самом Пскове. Не утихала внутренняя борьба между «меньшими» и «большими». Волнения и междоусобная борьба в городе и его пригородах разоряли торговых людей. Торговать стало и некому, и нечем. Значительная часть гостей покинула Псков. В таких условиях денежное производство, лишенное притока серебра, должно было неминуемо свернуться. Прекращение поступлений казенных заказов из Тушина завершило агонию псковской

чеканки. Видимо, уже с 1609 года работа Псковского денежного двора заглохла. Возобновилась она спустя много лет, в 1617 году; хотя некоторые попытки наладить чеканку время от времени возникали, но они не были ни прочными, ни долговременными.

Глава 5

ПРИБЛИЖЕНИЕ КАТАСТРОФЫ

КНЯЗЬ СКОПИН-ШУЙСКИЙ И ЦАРЬ ВАСИЛИЙ ШУЙСКИЙ

Пока Москва задыхалась в кольце осады, княз Михаил Васильевич Скопин-Шуйский энергично дейс вовал в Новгороде Великом. Этот город стал в 1608-1609 годах организационным центром национально-о вободительной борьбы. По городам Севера и Поморь из Новгорода и Москвы рассылались грамоты с при зывом помогать Скопину-Шуйскому казной и людьми Из городов, раскинутых от Перми до Соловецкой оби тели, в Новгород шли деньги и серебряная утварь. На пример, Соловецкий монастырь прислал в один при ем — 2 тысячи рублей, затем — 3550 рублей, 150 «ефим ков» и серебряную ложку. И. Масса писал: «Все земл от Москвы до Белого моря были московскими и стоял

за Москву, каждодневно посылая в помощь деньги и людей».

Сборы средств предназначались «на корм ратным немецким людям». «Немцами» на Руси называли всех иностранцев. На этот раз ими были шведские наемники. В феврале 1609 года царь Василий заключил договор со шведским королем Карлом IX. Отчаявшись справиться с внутренними и внешними врагами собственными силами, Василий Шуйский обратился за помощью к Швеции, которая очень ожидала повода вмешаться в русские дела.

Карл IX обязался предоставить в распоряжение русского царя наемное войско, вербованное из европейских наемников самых различных национальностей. Шведы должны были предоставить русскому правительству «пять тысяч отборных воинов; три тысячи пехоты, две тысячи конницы». Содержать их предоставлялось русскому правительству. Им полагалось ежемесячное жалованье в 32 тысячи рублей в русской монете; при задержке уплаты эта сумма возрастала вдвое. Помимо денежной оплаты, русские власти обязывались предоставить наемникам возможность «закупать по обычной местной цене необходимое продовольствие, одежду и лошадей для пополнения убыли».

За свою помощь шведская корона получала город Корелу с уездом. Для России это была чувствительная потеря, а для Швеции — важное приобретение. Швеция, контролирующая по условиям Тявзинского мира 1595 года все торговые пути, связывающие русские города с Западной Европой через Балтику, благодаря приобретению Корелы с уездом значительно расширяла возможности контроля.

О том, что представляли собой шведские наемники и как они воевали в России, красочно рассказывали современники. Один из них, швед Юхан Видекинд, описавший десятилетнюю шведскую войну «против мятежников и литовцев», которую шведский король вел совместно с «великим князем Московским Василием Ивановичем Шуйским», писал, что при осаде Нарвы «наша французская конница, стоявшая вблизи города..., причинила жителям больше вреда, чем огонь и нападения врагов в течение долгого времени. В суматохе пожара французы, как воры и разбойники, грабили уцелевшее имущество несчастных горожан. Комендант го-

рода Филипп Шединг письменно просил лагерных ко миссаров убрать эту сволочь».

Многие из бродячих польских групп, явившихся Московию «за ловлей счастья», с легкостью меняли хо зяев: «При осаде шведами Копорья Яков (Делагарди.— *А. М.*) принял перебежчиков-поляков (400 человек которые из-за неуплаты жалованья ушли от Ходкеви ча, потом под разным командованием бродили п Московии и, наконец, примкнули к Якову со своим слугами. Чтобы они не бродили с грабежами, их прин ли на службу, после того, как они присягнули на вер ность Карлу Филиппу и согласились получать ежеме сячную плату в 6 злотых». Поскольку шведские наем ники получали плату от московской казны, то, следова тельно, перешедшие на их сторону вчерашние враг Шуйского теперь тоже получали от него же плату.

Скопин-Шуйский собирал в Новгороде меха, ткан деньги и серебро. Серебро немедленно переправлялос на Новгородский денежный двор. В 1608—1609 годах о работал на полную мощность, о чем свидетельствуют новые орудия чеканки — маточники с буквами н/PSI= 116 (1608) год и НРД (сокращенное название город без даты), и большое количество монет этих лет.

Шведским наемникам платили не только деньгам но и мехами и сукном, которые расценивались как эк вивалент денег. Так, Ю. Видекинд сообщал, что «Ско пин раздавал воинам 5000 рублей деньгами и 300 собольими мехами»; далее он рассказывал, что им сно ва было выплачено «4000 рублей деньгами и 2000 тка нями (сукнами), и в течение нескольких недель» им бы ло выслано продовольствие из города. Под Калязи Скопин посылал шведам «меховые шубы и плащи и толстого сукна для защиты от дождя, а также 400 рублей».

Мощное национально-освободительное движени русских северных и поморских городов, а также горо дов Верхнего Поволжья, и наличие шведских воински сил позволили Скопину-Шуйскому выйти в мае 1609 го да из Новгорода вместе со шведскими войсками и 3 тысячным русским корпусом. Население было ожесто чено грабежами и насилиями тушинских отрядов, со стоявших из поляков и вольных казаков. Медленно но победоносное движение Скопина-Шуйского к Моск ве освобождало города и деревни от власти тушинце Была снята шестнадцатимесячная осада Троице-Серги

ева монастыря. Дороги на Москву освободились. Видекинд ликовал: военные успехи открыли «повсюду пути и скрещения дорог, они открыли свободный доступ к столице провианта и хлеба в изобилии. Бочка пшеницы, незадолго до того продававшаяся за четыре рубля, дошла до дешевизны в 70 денег... Отовсюду из местностей, ставших доступными, начало стекаться все в величайшем изобилии при низком уровне цен».

Открылись пути внешней торговли. Исаак Масса, прозимовавший со своими товарами в Вологде, писал: «Около пасхи... весь путь от Ярославля до Белого моря совершенно очистился, так что все купцы тотчас же по вскрытию рек с великой радостию отправились к морю и в Архангельск и здесь нашли свои корабли, [прибывшие] из Англии и Голландии, которых они уже не чаяли больше видеть». Впрочем, в это лето архангельская торговля оказалась не очень активной, так как, по словам того же И. Массы, иностранные корабли были вынуждены покинуть Архангельск, не дождавшись «купцов из глубины страны». Внешняя торговля смогла оправиться от потрясений 1607—1608 годов с меньшей быстротой, чем внутренняя.

После снятия осады Денежный приказ поспешил восстановить «доброту» копейки, поколебленную тяжелыми испытаниями 1608-го и первой половиной 1609 года. Возобновилась чеканка полноценных монет весом в 4 почки (0,68 грамма). Они были оформлены так, чтобы их можно было без труда отличить от копеек пониженного веса. Так как и эти копейки, и откупные московские монеты не имели на лицевой стороне никакого знака, новые полноценные копейки выделили тем, что на лицевой стороне, под ногами скачущего коня разместили буквы МО — знак Московского денежного двора, давно уже не употреблявшийся. Использовали также старый маточник лицевой стороны времени Федора Ивановича со знаком М/о.

«Доброта» русской копейки была восстановлена. Но для удержания стабильного качества монеты у казны явно не хватало средств. К тому же Василий Шуйский не скупился на подарки иноземцам, которые он раздавал помимо жалованья. Современники рассказывали, что каждому шведскому начальнику он дарил либо коня в полном уборе, либо золотые пояса, ожерелья, серебряные сосуды, либо шелковые и меховые покрывала, либо мечи редкой работы. Не исключено, что многие

средства были извлечены им из монастырской казны. Келарь Троице-Сергиева монастыря Авраамий Палицын писал, что после снятия осады с монастыря Шуйский забрал там «последнюю казну: ...сосуды златыя и серебряня и позлащены, иже велицей достойны».

Безрассудная щедрость царя по отношению к иноземным войскам отнюдь не вызывала ответной признательности. Конрад Буссов рассказывал: «Понтусу и всем пришедшим с этим войском московский царь Шуйский был очень рад..., почтил всех офицеров по случаю прибытия золотою и серебряной посудой из своей казны, заплатил сполна всему войску все, что им причиталось, золотом, серебром, соболями. Но когда набили мошну, они обнаглели и стали учинять в городе одно безобразие за другим».

Новая беда обрушилась на русскую землю. Весной 1609 года крымские татары появились в южных территориях, в окрестностях Серпухова, Коломны и Боровска. Крымская орда действовала в соответствии с тем соглашением, которое заключил Сигизмунд III с Турцией: крымские татары обязывались открыть военные действия против Москвы. Но и сам Сигизмунд III решил наконец открыто развязать военные действия против России. В качестве предлога король использовал сближение русского правительства со Швецией. Сигизмунд сам претендовал на шведский престол по праву крови и считал шведского короля Карла IX, своего дядю, узурпатором. Русско-шведское сближение мешало его борьбе за шведскую корону. Не без оснований теперь надеялся Сигизмунд III на династическую унию с русским престолом — доверенные лица из Москвы доносили королю, что в среде московских бояр все более крепнет идея объединения России и Польши под общей властью.

В сентябре 1609 года войска Сигизмунда III осадили Смоленск. Король надеялся, что жители Смоленска выйдут ему навстречу с хлебом-солью. Но горожане не пустили короля в город. Осада Смоленска длилась двадцать месяцев и сыграла очень важную роль в дальнейшем ходе русской национально-освободительной борьбы.

Открытая война с Польшей изменила расстановку сил в лагере Лжедмитрия II. Многие отряды шляхтичей по призыву короля бросили Тушино и отправились под знамена Сигизмунда III. Впрочем, окончательно бро-

Кубышки и Кувшины
в которых хранились клады

сить Тушино они не решались, так как Лжедмитрий II задолжал полякам, по их подсчетам, от 4 до 7 миллионов рублей. На приверженцев Лжедмитрия II отрезвляюще подействовала откровенная захватническая политика вчерашних друзей — поляков. Авторитет тушинского царя резко упал. Он был вынужден тайно покинуть собственную резиденцию и бежал в Калугу, бросив на произвол судьбы и своих русских сторонников, и «царицу» — Марину Мнишек.

Теперь силы вольных казаков стали концентрироваться вокруг Калуги. Казаки по-прежнему стояли «за доброго царя», но Лжедмитрий боялся их не меньше, чем правительственных войск Скопина-Шуйского. Он вновь обратился к помощи иноземцев. В Калуге его опорой стал польский канцлер Ян Сапега с отрядом наемников.

Окончательно разуверившиеся в Лжедмитрии II тушинские бояре и патриарх Филарет — остатки тушинского правительства — решили призвать на русский трон сына короля Сигизмунда III королевича Владислава. 4 февраля 1610 года между ними и королем был заключен договор. В нем оговаривались условия венчания королевича на русский престол. Король подписал все условия договора, но его истинные цели заключались в полном овладении Русским государством. Чтобы заручиться поддержкой русской феодальной верхушки, король от имени Владислава раздавал поместья русским тушинцам.

К весне 1610 года обстановка в России осложнилась окончательно. В марте Скопин-Шуйский торжественно вступил в столицу, которая восторженно его приветствовала. В среде дворянства родилась и все более крепла идея посадить на престол этого молодого, талантливого и удачливого полководца.

В Калуге жил «воровской» царь, вокруг которого концентрировались социальные низы и вольные казаки, не оставлявшие надежды на «доброго царя».

В военном лагере под Смоленском король польский Сигизмунд III вел себя как правитель Московии. Остатки тушинского правительства и патриарх Филарет, инициаторы идеи о польском претенденте на русском троне, очутились тоже под Смоленском, под защитой нового покровителя.

Пан Ружинский сжег остатки тушинского лагеря и отступил со своим отрядом под Волок-Ламский.

Роковое событие в Москве, случившееся в марте 1610 года, решительным образом изменило всю ситуацию. Двадцатичетырехлетний воевода М. В. Скопин-Шуйский внезапно умер после одного из многочисленных пиров, устроенных в его честь. Современники подозревали, что он был отравлен по повелению царя Василия Шуйского. Вместо Скопина-Шуйского во главе русской армии встал брат царя, Дмитрий Иванович Шуйский, бездарный воевода, трусливый и алчный человек.

Дмитрий Шуйский стал готовить поход против поляков. Собирались выступать соединенные русские и шведские силы. Шведский главнокомандующий Яков Делагарди с полуторатысячным отрядом наемников прибыл в Москву. С наступлением летних дней было собрано русское дворянское ополчение, и число армии достигло 30 тысяч человек.

РОКОВОЕ ЗОЛОТО

Военные приготовления требовали новых расходов и прежде всего денег для жалованья войску. Но разлаженный государственный механизм не мог обеспечить регулярное поступление доходов в казну. Не хватало денег, не было и достаточного количества сырья. После сбора средств с северных и северо-восточных городов в в 1608—1609 годах такой источник пополнения казны в 1610 году уже не мог быть столь же эффективным. И опять оставался единственный резерв — снижение веса копейки, хотя он был чреват многими нежелательными последствиями. Правительство Шуйского чувствовало себя очень неуверенно, а снижение веса монет могло бы спровоцировать взрыв народного недовольства. Но деньги требовались безотлагательно. Если с дворянскими ополченцами можно было расплачиваться земельными окладами, которые в условиях междоусобицы часто теряли своих хозяев, то наемники «немцы» требовали только денег.

Денежный приказ нашел весьма своеобразный выход из положения. Он решил чеканить копейки и деньги не из серебра, а... из золота. Руководствовалась администрация денежного дела следующими соображениями. Курс золота по отношению к серебру устанавливался по нормам Торговой книги — 1:10. Этот курс был близок к общеевропейскому соотношению цены золота

и серебра. Одна золотая копейка приравнивалась к 10 серебряным, одна золотая денга — к 5 копейкам. Золотые копейки чеканились по весовой норме трехрублевой стопы: копейка весила 4 почки (0,68 грамма), денга — 2 почки (0,34 грамма). Для чеканки золотых монет, следовательно, требовалось в десять раз меньше сырья. Надо полагать, в казне имелись значительные запасы золотых иноземных монет, которые по русским законам не участвовали в денежном обращении и скапливались в царской сокровищнице как сырье для ювелирных изделий и материал для различного рода «поминков» (подарков).

В мае 1610 года по городам Русского государства был разослан царский указ. Там сообщалось, что в денежное обращение вводятся «новгородки и московки золотые», то есть золотые копейки и денги. Вводились в обращение также и собственно иноземные золотые монеты — угорские, золотые венгерские монеты, видимо, представлявшие основные золотые запасы казны. Золотая «новгородка» — копейка — приравнивалась к гривне (=10 копейкам), золотая «московка» — денга — к 10 денгам, угорский — к полтине (=50 копейкам) серебром. Эти новые золотые монеты, сообщал далее указ, должны были «давати служилым людям в наше жалованье, и немцом и всяким иноземцом в наем и на корм». Серебряные монеты оставались в обращении, и их вместе с золотыми предписывалось брать в казну «во всякие наши подати и с их товаров в таможню пошлины и с лавок оброк, и с судных дел пошлины и меж себя бы торговые и всякие люди золотыми торговали».

Впервые в истории русской денежной системы XVI—XVII веков золотые монеты вводились в денежное обращение наряду с серебряными. Если раньше из золотых запасов казны чеканились только монетовидные знаки, подобные тем, которые готовились на свадьбу и коронацию Марины Мнишек, а также наградные знаки, в том числе — копейки и денги из золота, то теперь золото становилось ходячей монетой. Это был вынужденный маневр Денежного приказа, который нельзя рассматривать как попытку ввести крупные денежные единицы и тем самым усовершенствовать русскую денежную систему. Просто рассчитали, что для чеканки равных сумм для золотых копеек и денег будет нужно сырья в десять раз меньше, чем для серебряных.

Однако выпуск золотых имел неожиданные и очень неблагоприятные последствия.

В июне в Можайске стали собираться главные силы русской армии вместе со вспомогательным отрядом шведских наемников. Они должны были выступить против поляков и направиться к Смоленску, осажденному Сигизмундом III. Накануне этого события между Василием Шуйским и шведским военачальником Яковом Делагарди произошел конфликт. Делагарди потребовал у царя уплаты хотя бы небольшой суммы наличными деньгами. Видекинд приводил слова Делагарди, якобы сказанные Шуйскому: «Если же этого не будет сделано, то пусть Шуйский самого себя винит в несчастном исходе битвы». Шуйский заверил шведа, что тотчас по прибытии в Можайск жалованье будет уплачено наличными деньгами, сукнами и мехами. Майский выпуск золотых монет, следовательно, был сугубо целевым — он предназначался прежде всего для жалованья наемникам.

21 июня под Можайск отправили деньги и товары для уплаты части жалованья.

Но вид золота вызвал такой взрыв алчности, что войско наемников стало неуправляемым. Русская летопись рассказывает: шведские войска начали «прошати найму» у верховного командующего войском князя Дмитрия Шуйского, но тот отказал под предлогом, «будто у него денег нет, а у него в те поры денег было, что им дати».

Так же поступил и шведский военачальник. Русские упрекали его: «И ты тех денег, что к тебе Василий послал, ратным людем не выдал, а хотел дати после боя, умысля, которых людей побьют и ты теми деньгами хотел закорыстоватца». Хотя Делагарди признал, что казна была ему «объявлена» и он вовсе не собирается присваивать деньги, он совершил очень странный поступок, возбудивший в войске самые худшие подозрения. Генерал приказал отправить в Швецию накануне сражения все свое жалованье и богатые подарки, полученные от Шуйского, а также военные документы и трофеи. Распространился слух о том, что Делагарди отправил в Швецию и военную казну, вместо того чтобы расплатиться ею с солдатами.

Для наемников весь смысл их существования сосредоточивался на жалованье, и все эти слухи очень влияли на боеспособность войска.

Сражение началось 24 июня, возле деревни Клушино,

В разгаре боя, который длился уже более четырех часов, среди наемников вспыхнул мятеж. Они требовали золота. Попытки образумить их были безуспешны. «Французы и немцы..., получившие плату незадолго до битвы, готовы были, казалось, броситься на главнокомандующего с оружием в руках, — писал очевидец событий. — Они в неистовстве кинулись к обозу, разграбили все запасы главнокомандующего и, найдя деньги, какие могли найти в этой суматохе, перебили всех, кого встретили». И хотя Делагарди обещал после битвы раздать из оставшихся лагерных запасов 5450 рублей золотом и серебряной монетой, 7000 сукном и мехами, успокоить мятеж не удалось. Делагарди предал русских союзников и заключил с польским главнокомандующим Жолкевским перемирие отдельно от русских.

Разграбив обозы русского и шведского военачальников, наемники разбрелись. Шведская армия перестала существовать. Дмитрий Шуйский, бросив войско и обоз, бежал в Можайск. Русское войско беспорядочно отступало. Армия Жолкевского взяла Вязьму и подошла к Москве с запада.

В развитии военных событий, приблизивших военную катастрофу, несомненно роковую роль сыграли золотые деньги. Они вызвали приступ корыстолюбия у Дмитрия Шуйского, отказавшего наемникам в уплате жалованья накануне битвы. Они возбудили алчность «немцов», узнавших, что в обозе было золото, присланное для уплаты жалованья. Видимо, и Делагарди каким-то образом реагировал на золотую казну, возбудив у своих подчиненных подозрения на его счет. Вся воинская казна, собранная с таким напряжением, была разграблена, битва проиграна, дорога на Москву открыта.

БЕССЛАВНЫЙ КОНЕЦ ЦАРСТВОВАНИЯ ШУЙСКОГО

Воодушевленный поражением войск Шуйского, Тушинский вор возобновил наступление на Москву из Калуги и занял Серпухов. На его стороне выступили города Коломна и Кашира. «Меньшие люди» и казаки поддерживали «законного» царя. Восстание против Шуйского вспыхнуло и в Зарайске, но воевода города, князь Дмитрий Михайлович Пожарский, который еще прославит свое имя в борьбе за Родину, отказался подчиниться «миру». Он укрылся в каменной крепости, где хранились запасы продовольствия и оружия. Его верность долгу

отрезвляюще подействовала как на горожан Зарайска, так и на жителей Коломны. Они «отложились» от «вора».

Однако положение Шуйского уже ничем поправить было нельзя.

17 июля 1610 года в Москве произошел правительственный переворот. За низложение Василия Шуйского выступили бояре Голицыны, Мстиславский, тушинский патриарх Филарет. «Истинный» патриарх Гермоген один пытался защитить царя, но его никто не слушал. Царь был схвачен в его дворе, насильственно пострижен в монахи под именем «инока Варлаама» и отправлен в Чудов монастырь. Отныне он лишался юридически как духовное лицо права на царский трон.

Так бесславно закончилось четырехлетнее царствование Василия Ивановича Шуйского. Страна оказалась перед катастрофой, и само существование Русского государства было под угрозой. Беспрерывные военные действия, которые велись начиная с 1606 года, подорвали экономику. Жалованье наемникам истощило казну. Полчища иноземцев, взятых на службу, грабили города и деревни. От них не отставали поляки и вольные казаки. Один из эпизодов, рассказанных современниками, выразительно характеризует положение в стране в эти годы: польский командующий Лисовский со своим отрядом, разоряя повсюду храмы и монастыри, нашел в Калязине «громадную казну на шестьдесят тысяч золотом», вывез ее в Польшу и спрятал по дороге.

Малое количество кладов, зарытых в 1609—1610 годах, дополняет картину запустения. Причиной сокращения кладов было сокращение объема чеканки. Известны только три клада 1609 года: клад из Москвы, с улицы Обуха, насчитывающий 8481 экземпляр, из деревни Ямище Новгородской области (702 экземпляра) и часть клада из деревни Шатино Ярославской области (первоначальное количество монет в кладе неизвестно).

К 1610 году относятся только два клада: монеты, перстни и кольца, в общем насчитывающие 70 экземпляров, из Смоленска, явно зарытые в связи с осадой города поляками, и клад из 2890 экземпляров, место находки которого осталось неизвестным.

Глава 6

ИНТЕРВЕНЦИЯ

СОБЫТИЯ В МОСКВЕ

После низложения Шуйского власть в стране временно осуществляла особая комиссия, избранная из числа членов Боярской думы. Это были бояре Федор Мстиславский, Иван Воротынский, Василий Голицын, Иван Романов, Федор Шереметев, Андрей Трубецкой и Борис Лыков. Эти семь человек вошли в историю под именем «седмочисленные бояре», «семибоярщина».

Временному правительству присягнули дворяне, приказные люди, стрельцы, казаки, гости и «черные люди», а оно обязалось «стоять» за Московское государство и подготовить избрание нового царя.

Кандидатами на московский престол в тот момент выступали Лжедмитрий II и королевич Владислав, имя

которого назвали тушинские бояре в договоре с Сигизмундом III от 4 февраля 1610 года.

За Лжедмитрием II стояли вольные казаки и «черные люди». Позиции самозванца очень усилились с тех пор, как на его сторону перешел атаман Заруцкий со своим казачьим войском. Значительную военную силу представлял также отряд Яна Сапеги. Казаков и «черных людей» боярское правительство боялось гораздо больше, чем польских интервентов.

Польский король старался использовать в собственных интересах расстановку сил в России. В манифестах он обещал русским дворянам вольности и избавление от тиранических порядков. Он уже начал раздавать поместья русским сторонникам. Конечной целью, которую король не очень трудился скрывать, была коронация на русский престол не королевича, а его самого.

Корыстные классовые интересы определили выбор семибоярщины в пользу поляков. Посадив на русский престол польского королевича, бояре, по их мнению, разрешали важнейшие проблемы. Россия вместо врага получала в Польше союзника; королевские войска отныне должны были заняться не завоеванием русских земель, а усмирением гражданской войны; военные действия, так истощавшие страну, должны были прекратиться; с обретением нового царя устанавливались прежние порядки и внутриполитическая стабильность. К тому же идея династической унии России с Польшей имела историческую традицию. Она возникала при Иване Грозном, и при Федоре Ивановиче, и при Борисе Годунове.

Однако в действительности все оказалось далеко не столь просто.

Русские ставили одним из главных условий принятия королевича Владислава на русский трон крещение его в православную веру. Патриарх Гермоген вообще предлагал казнить тех русских, которые перешли в «папежскую веру». Другим условием было снятие осады Смоленска.

Такие условия никак не устраивали поляков. Сигизмунд III не только не допускал возможности крещения королевича, но, как уже говорилось, сам претендовал на место русского царя. Он откровенно добивался того, чтобы русские присягали одновременно с Владиславом и ему самому. Король не собирался снимать осаду со Смоленска, так как он желал присоединить этот богатый

и выгодно расположенный на торговых путях город — польской короне. В целом же польский король рассчитывал, что разгромленная, истощенная интервенцией и гражданскими междоусобицами Россия займет в унии место неполноправного члена, подчиненного интересам польской короны.

В результате переговоров «седмочисленных бояр» и гетмана Жолкевского, выступавшего полномочным представителем короля, был заключен договор, удовлетворивший лишь частично захватнические аппетиты польско-литовской стороны. Русские желали видеть на русском престоле только королевича, которого король должен был отправить в Москву. Владислава обязывали соблюдать православие, административный порядок и сословный строй русского общества. Ряд статей договора обусловливал возможность сохранения России как отдельного государства с особым правителем, и лишь в перспективе мог встать вопрос об объединении России и Речи Посполитой под властью одного государя. Правда, боярам пришлось пойти на компромисс в вопросе о судьбе Смоленска. Подписывая договор с королем, они практически бросали город на произвол судьбы, предоставляя ему самому решать свою судьбу. Был в договоре также пункт, согласно которому поляки обязывались бороться с «воровскими таборами», то есть с войсками Лжедмитрия II, «пока земля в тишине станет».

27 августа 1610 года силы самозванца были окружены под Коломенском объединенным войском русских и поляков под руководством Жолкевского и Мстиславского. Удалось уговорить Яна Сапегу бросить самозванца и перейти на сторону правительственных войск. Жолкевский пообещал ему и отряду выплатить 3000 рублей.

Не приняв бой, Лжедмитрий II бежал в Калугу. Непосредственная опасность вторжения в Москву была устранена, но страх не покидал московских бояр. Вспоминая впоследствии события этого времени, современники писали, что многие москвичи стали тайно «прямить» Лжедмитрию и сноситься с его людьми. Опасения бояр усугублялись тем, что поляки не выполнили своего обещания, записанного в договоре: уничтожить «воровские таборы» и арестовать самозванца.

Сломив угрозами, интригами и уговорами сопротивление части Боярской думы, не желавшей впускать польские военные силы в Москву, «седмочисленные бояре решились на размещение поляков в городе. В Крем-

де расположился Жолкевский с небольшой свитой, один из польских полков занял дома в Китай-городе, другой — в Белом городе. Остальные польские отряды остались в Новодевичьем монастыре. В Москве фактически утвердилась военная диктатура польского командования.

Не без коварных советов Жолкевского были отправлены под Смоленск в составе «великого посольства», насчитывавшего около 1200 человек, наиболее энергичные и популярные представители русского боярства во главе с боярином Голицыным и патриархом Филаретом. «Великое посольство», представлявшее все чины Земского собора, должно было договориться с королем Сигизмундом III об условиях принятия Москвой королевича, его крещении и выводе польских войск из России. Лишь на этих условиях должна была осуществиться уния России и Речи Посполитой.

Установление в Москве военной диктатуры польского командования и размещение польского гарнизона в городе смешало все планы послов. Тон короля и его сановников переменился на угрожающий. От русских ультимативно потребовали немедленной сдачи Смоленска и присяги смолян Сигизмунду III. «Как Смоленск сдастся, тогда о выводе королем войск из России договор напишем», — заявили русским сановникам. Поляки не желали даже обсуждать вопрос о перемене веры королевичем Владиславом. Отказ русских представителей выполнить требование короля поставил их в положение заложников в вооруженном польском лагере. Часть посольства была отпущена на родину, а руководители его оказались фактически в плену на много лет. Патриарх Филарет вернулся в Москву только в 1619 году, после заключения Деулинского перемирия в 1618 году с Польшей.

Поляки чувствовали себя хозяевами положения в Москве, а Мстиславский «с товарищи» усердно помогали им. Одним из первых и жизненно важных вопросов, которые пришлось решать новому правительству страны, стал вопрос об уплате жалованья польским войскам. Нужно было из русской казны уплатить 3000 рублей, обещанные Яну Сапеге, — плату за его измену Лжедмитрию II. В обозе Жолкевского не нашлось денег, чтобы расплатиться с наемниками, которых польское командование привлекло для войны в России.

Русские бояре предоставили нужные средства Жол-

кевскому. Он смог заплатить жалованье немцам, англичанам, французам, и около 2500 человек наемников покинули пределы России. У Жолкевского оставалось около 6—7 тысяч человек, преимущественно поляков. Содержать их должна была тоже русская казна.

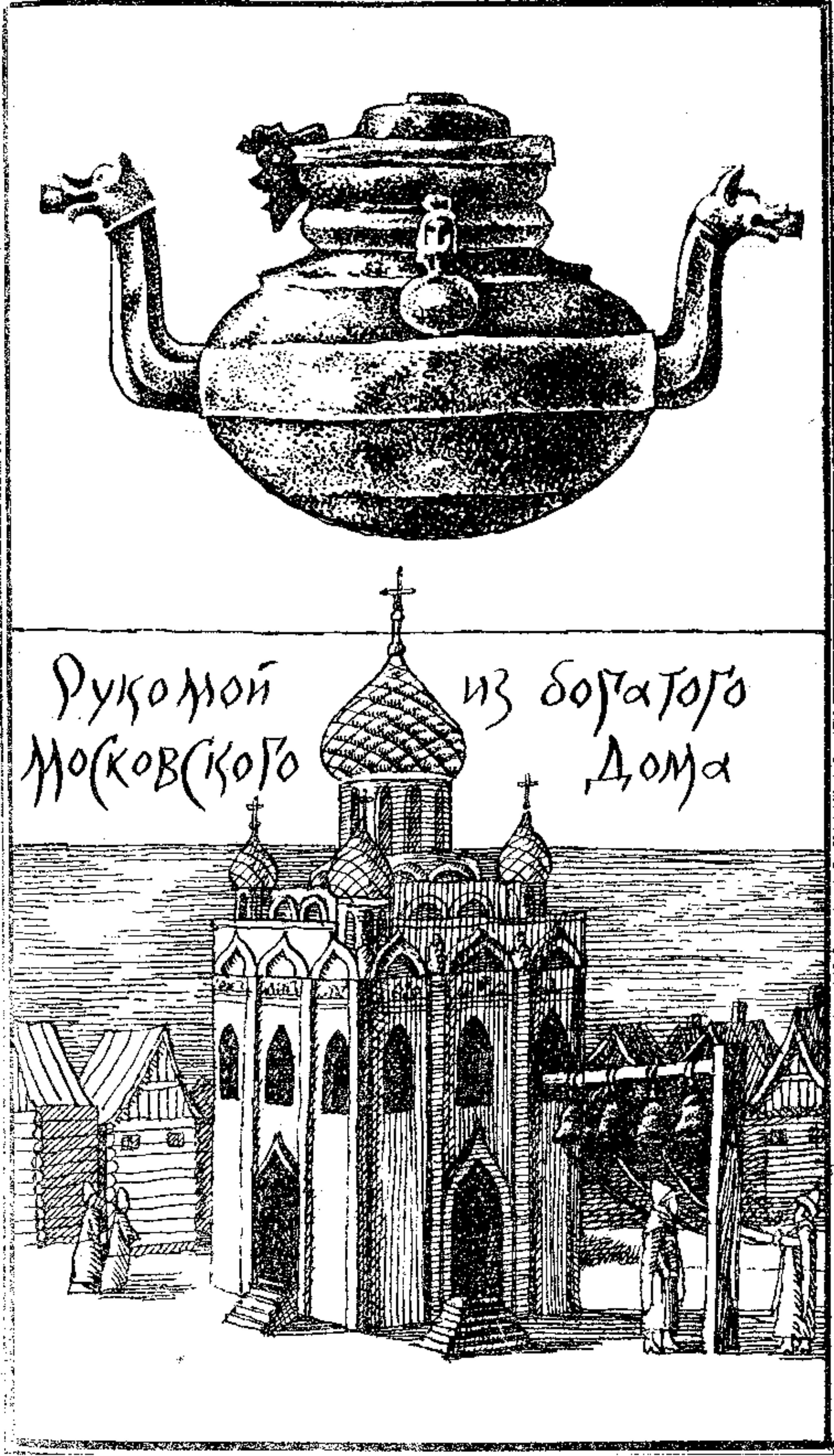
Первоначально предполагалось передать «в кормление» каждой роте по нескольку крупных подмосковных городов. Но «кормленщики» — сборщики и фуражиры — так беззастенчиво грабили население, что возникла опасность нового народного возмущения, и бояре срочно отозвали ротных фуражиров из провинции. Все содержание «немцов» — кормовые деньги и жалованье — отныне было возложено на казну. Поляк Маскевич с неодобрением писал о своих соотечественниках в связи с этими событиями: «...Наши, ни в чем не зная меры, не довольствовались миролюбием москвитян и самовольно брали у них все, что кому нравилось, силою отнимая жен и дочерей у знатнейших бояр. Москвитяне очень негодовали и имели полное к тому право. Для устранения подобных беспорядков, по нашему совету, они согласились платить нам деньги, по 30 злотых на коня, собирая их с городов сами, через своих чиновников».

Гетман Жолкевский в своих «Записках» вспоминал: «...Мы жили там в добром порядке и при всех удобствах; ни в чем не было недостатка, и за известную цену доставляли съестные припасы и все нужное». О том же писал другой «начальник немцов» Конрад Буссов: наемники «получали для себя, для слуг и для лошадей корм и муку, а кроме того, ежемесячное полное жалованье из московской казны, от чего казна еще больше истощилась и опустошилась, чем во времена Шуйского».

Как только Москва присягнула Владиславу, в города Московского государства были разосланы правительственные эмиссары для приведения к присяге всего русского населения. Вслед за Москвой присягнули Владимир, Ярославль, Нижний Новгород, Ростов, Устюг, Вологда, Белоозеро, Коломна, Серпухов, Тула.

Как положено, на денежных дворах государства должна была начаться чеканка монет с именем нового русского царя. Но Псков, верный присяге Лжедмитрию II, отказался присягать польскому королевичу.

В городе, не утихая, бушевала междоусобная война, и денежный двор, не получая сырья, бездействовал. Недолгой оказалась чеканка монет Владислава и в Новгороде. В октябре 1610 года сюда прибыл боярин Иван

Рукомой из богатого
Московского дома

Михайлович Салтыков и «привел» горожан к присяг Владиславу Жигимонтовичу (так стали называть на Ру си польского королевича). На денежном дворе сделал два новых оборотных маточника с именем Владислава а для лицевой стороны взяли старый маточник 1609 год с буквами НРД. Монеты с именем Владислава чекани лись до января 1611 года. А в январе этого года новго родцы восстали, казнили Салтыкова страшной каз нью — посадили его на кол, и «отложились» от Москвы В городе установилось самоуправление. Новгородски монеты Владислава очень немногочисленны, что объяс нимо коротким сроком их чеканки — практически он продолжалась около трех месяцев.

Единственным работавшим в стране оставался Мо сковский денежный двор, он же — Денежный прика Важно отметить, что Денежный приказ дал указание в Новгород, и в Москву чеканить полноценные монет по трехрублевой стопе. Немногочисленные новгородски монеты и первые выпуски московских копеек Владисла ва имеют весовую норму в пределах 4 почек (0,68 грам ма). «Доброта» русских копеек в первое время царство вания Владислава свидетельствует о том, что денежны двор располагал запасами сырья и условиями для орга низации чеканки по всем нормам русского денежног дела. Хотя южные районы страны по-прежнему полыха ли в огне гражданской войны, там хозяйничали войск Лжедмитрия II, Смоленск осаждали войска Сигизму да III, Псков, а затем и Новгород «отложились» от Мо сквы, дорога на русский Север и Архангельск была сво бодна. Жолкевский писал: «Мы открыли большие доро ги от Вологды, Ярославля и с других сторон; от Колом ны вверх по реке Москве приплыли суда с хлебом различными потребностями».

На Московском денежном дворе тоже вырезали но вые оборотные маточники с именем Владислава Жиги монтовича. Для ускорения работы туда пригласили польских мастеров. Они внесли в русское денежное дел важное усовершенствование — использование пунсонов По русской традиции резчики маточников резали изо бражение и надписи целиком. Изображения и надпис были позитивными, с маточников они оттискивались н чеканы, где получали зеркальное отражение, с тем, что бы при чеканке этими чеканами вновь получать позитив ные изображения и надписи. По всей видимости, поль ские мастера не смогли овладеть техникой резания п

металлу крошечного изображения всадника и совсем микроскопических букв, которые должны были бы уместиться в кружок диаметром в 15—17 миллиметров. Поэтому на Московском денежном дворе решили для чеканки монет использовать старый лицевой маточник времени Шуйского, пока русский мастер по старинке резал лицевой маточник, изображавший нового царя. Оборотные же маточники делали польские мастера (или мастер?). Вместо того чтобы резать по металлу всю надпись целиком, он использовал длинные стальные стержни, на торце которых резались отдельные буквы. Эти буквы выбивались или, вернее сказать, оттискивались на чеканах, образуя привычную легенду русских копеек: «Царь и великий князь Владислав Жигимонтович всея Руси». Роль маточника, следовательно, выполняли буквы-пунсоны. По мере изнашивания маточника его не заменяли полностью, а подправляли буквы, более всего пострадавшие от стирания в процессе чеканки.

Технология с использованием пунсонов имела свои преимущества: она ускоряла трудоемкий и длительный процесс резания маточников, — но в русском денежном деле она привилась только спустя почти сорок лет, хотя в отдельных случаях к ней прибегали.

ТОРГОВЛЯ, МОНЕТЫ И КЛАДЫ

Хотя первый год правления «седмочисленных бояр» и польского командования казался сравнительно благополучным, полной стабилизации экономической системы не произошло. Вся фискальная служба была практически разрушена во времена Шуйского, когда в стране сосуществовали две центральные власти, два государственных аппарата, и помимо них — бродячие отряды вольных казаков, наемников и польских захватчиков, добывавших средства к существованию грабежом и разбоем.

И тем не менее жизнь продолжалась. Какая-то часть пошлин, податей и налогов, собранных в городах и деревнях, достигала Москвы. Велась торговля по большим и малым городам, торжкам и ярмаркам, торговым селам. Передвигались по стране торговцы, крестьяне везли на продажу в города продукты сельского хозяйства, продавали свои изделия ремесленники. Два эпизода, рассказанных современниками, выразительно характери-

зуют те трудные условия, в которых существовали в те годы простые русские люди.

Жена торговца, видимо мелкого, рассказывала: ее муж приезжал в Новгород Великий с товаром, но попал туда в тот момент, когда город захватили шведы (об этом мы еще будем говорить). После «взятия новгородского» он остался в Новгороде. Жена отправилась к нему. Чтобы добраться в безопасности, она присоединилась возле Твери к торговым людям «беляны (то есть жителям Белева. — *А. М.*), осташковцы... и иныя многие торговые люди». Эти торговцы собирались группами и так передвигались от города к городу со своими товарами. По словам той же верной жены, торговые люди, несмотря на опасность и трудности, ездили с товарами из Новгорода «беспрестанно в Осташков и в Торжок, и во Тверь, и во Ржеву, и в Старицу, и в Погорелое, и в Ярославль, и ис тех городов в Великий Новгород всякие торговые люди с товары ездят же». Но езда эта была сопряжена со многими опасностями. Ту группу торговых людей, с которыми рассказчица объединилась возле Твери, «на дороге мешь Тверью и Торжку ограбили всех».

Чтобы спастись от грабителей, торговые люди часто прибегали к услугам военных отрядов. Киевский мещанин, торговый человек Божка Балыка рассказывал, как он вместе с группой киевских купцов добирался до Москвы. Они присоединились к отряду польских солдат, которым командовал Струсь, и под его защитой передвигались по стране. По дороге на них напали «шиши» — разбойники, промышлявшие грабежом на дорогах. Находчивый командир Струсь приказал воинам спрятаться на торговых возах и укрыться рогожами. «Шиши», полагая, что перед ними беззащитные купцы, набросились на обоз. Выскочившие из засады солдаты разбили и прогнали «шишей». В Москве в 1610—1612 годах, по свидетельству того же Божка Балыки, было около сотни приезжих купцов с товарами.

Циркуляция торговых людей по стране разносила и денежные знаки, а население, верное традиции, прятало их в клады. От времени, когда русским царем считался Владислав Жигимонтович, до нас дошли сведения о двадцати кладах. Если сравнить это количество с ничтожным числом кладов двух последних лет правления Шуйского, следует признать, что годы 1610—1612 были более благоприятны для денежного производства. Оно

смогло насытить страну достаточным количеством монет. Но такое количество кладов, зарытых за сравнительно короткий срок, заставляет искать причины, объясняющие этот факт.

Объяснение следует искать в топографии кладов.

Большая часть кладов найдена на юго-западе страны, то есть в районах, захваченных польскими отрядами или расположенных по пути их следования. Встречены клады под Мозырем, на Смоленщине, под Брянском, в Латвии, на Черниговщине, два клада — близ Тулы. Ряд находок состоит не только из русских копеек, но и из польско-литовских монет.

В самой Москве и ее окрестностях обнаружены четыре клада. Один из них происходил из Серебрянического переулка, где в XVII веке в казенной слободе Старые Серебряники жили мастера денежного двора. Нашелся также клад в районе Чистых прудов, неподалеку от стен бывшего Белого города. Еще одна находка была сделана на окраинах тогдашней Москвы в районе Карачарова. Наиболее интересными оказались предметы, найденные неподалеку от Новодевичьего монастыря, где в 1610 году стояли основные воинские силы поляков. Основным «сокровищем» клада были медная полуженная ендова, сковорода и стопка. Жители монастырской слободы, на территории которой были спрятаны все эти предметы, опасаясь поляков, постарались спрятать самые ценные предметы, объекты возможного интереса интервентов. Эти более чем скромные «сокровища» выразительно характеризуют быт горожан того времени.

Особого рассказа заслуживает клад, найденный при археологических раскопках в Смоленске, неподалеку от главной святыни города — Успенского собора. Находка сделана на Соборной горе, где располагался кремль и где находился Мономахов собор, который в 1611 году мужественные защитники города взорвали вместе с собой, не желая сдаваться польским захватчикам. Клад оказался живым свидетелем трагедии. Монеты датируют время его захоронения первой половиной 1611 года. Здесь находились пять новгородских копеек с именем Владислава Жигимонтовича. Чеканка их могла иметь место только с октября 1610 по январь 1611 года. Московские копейки Владислава представлены 34 экземплярами. Смоленск с осени 1609 года осаждался войсками Сигизмунда III. В течение полутора лет город героически сопротивлялся. После признания русским царем

польского королевича положение осажденного города стало весьма двусмысленным. Сигизмунд должен был снять осаду с города, поскольку военное противостояние России и Польши сменилось подготовкой династической унии, долженствующей объединить оба государства. Об этом просили короля члены «Великого посольства». Но король снимать осаду не желал, так как в случае падения обороны Смоленска город должен был бы отойти к Польше и все верхнее течение Днепра оказывалось в польском владении. Двойственное положение Смоленска в создавшейся ситуации наглядно демонстрировалось тем, что защитники города получали жалованье копейками, несущими имя Владислава Жигимонтовича, в то время как отец его осаждал городские укрепления. 3 июня Смоленск был взят поляками. Последние защитники города собрались в Мономаховом соборе и погибли под его развалинами, взорвав собор.

Найденные спустя триста пятьдесят лет неподалеку от развалин собора монеты, видимо, принадлежали одному из этих героически погибших людей. В кладе насчитывалась 531 копейка, что составляло 5 рублей 3 гривны 2 денги. Размеры клада дают основание думать, что владельцем его мог быть один из представителей средней командной верхушки стрелецкого войска. Не исключено, что он получил деньги после долгого перерыва в выплате жалованья. Об этом говорит одна любопытная деталь. В кладе нашлись пять копеек, свернутых в трубку и запаянных. Это были монеты времени Грозного, Бориса Годунова и Лжедмитрия I. Скорее всего они использовались как украшения, находиться в обращении в запаянном и свернутом в трубочку виде они не могли. Однако в клад испорченные деньги попали. Значит, для владельца даже такие монеты представляли ценность, что могло иметь место лишь в случае нехватки денег.

Несколько находок происходили из районов, куда поляки не заходили: клады из-под Гдова, Осташкова, Лодейного Поля. Незадачливая супруга торговца, застрявшего в Новгороде, чей рассказ приводился выше, говорила именно об этих местах, по которым следовали торговые люди с товарами. Нет нужды объяснять, почему прятали деньги жители городов, лежавших на путях торговых людей и многочисленных разбойничьих шаек.

Главными обладателями денежных сумм в те годы были польские солдаты и офицеры, получавшие жало-

Смоленск
Польский король Сигизмунд III

ванье из русской казны. Из рук польских солдат деньги переходили в руки местных жителей, которые продавали им продовольствие, фураж для лошадей, одежду. С другой стороны, наличие кладов говорит о том, что население стремилось понадежнее спрятать полученные деньги, так как солдаты не только и не столько закупали, сколько грабили. А тот факт, что клады, зарытые местными жителями, дошли до нашего времени, говорит о насильственной смерти владельцев денег, не успевших воспользоваться спрятанными суммами. Все это — верные и печальные спутники войны, грабежа, разрухи и смертей.

«КТО ХОТЕЛ БРАТЬ — БРАЛ»

Относительное благополучие денежного дела продолжалось менее года. Захват Новгорода шведскими военными силами в июле 1611 года и переход под власть шведского военного командования всего северо-запада страны, в результате чего перекрылись пути, ведущие с Кольского берега в Москву, упорные попытки шведов захватить побережье Белого моря значительно сократили возможности русской внешней торговли. Серебро опять перестало регулярно поступать в казну и на денежные дворы. Изменилась и внутриполитическая ситуация. Кратковременная стабилизация, наступившая после появления на русском престоле Владислава Жигимонтовича, позволила боярскому правительству возобновить активные военные действия против самозванца. Казаки были изгнаны из Серпухова и Тулы. Силы сторонников самозванца вновь сосредоточились в Калуге. Ведущую роль в лагере «царя» стал играть казачий атаман Иван Заруцкий, который все более оттеснял на задний план бесцветного и нерешительного Лжедмитрия II.

Заруцкий развернул энергичную войну с интервентами. Казаки захватывали польских дворян и солдат, везли их в Калугу и там казнили. Активные действия калужского лагеря обеспокоили короля. К тому же после избрания Владислава Жигимонтовича русским царем Лжедмитрий II стал для поляков помехой. Авторитет самозванца падал, бояре бросали «царя» и спешили в Москву с повинной. Недавний сторонник самозванца, Ян Сапега, подошел к Калуге.

11 декабря 1610 года самозванец был убит. Выгляде

ло это как последствие ссоры «царя» со служилыми татарскими ханами.

Фигура Лжедмитрия II, пожалуй, ни у кого не вызывала симпатий. Вот как писал о нем один из шведских наемников Видекинд: «Издеваясь надо всей Московией и опираясь на мнимое право, он хотел наделить государственной властью угасший род великого тирана, Иоанна Васильевича. Происхождение его неведомо; некоторые по каким-то неясным догадкам утверждали, что он был учителем Сокольской школы, другие считали его евреем. Безродный и бездомный, он никому из смертных не был известен, пока не стал изображать мнимого государя. При его посредничестве поляки долго разоряли Московию, проливая кровь многих тысяч людей, пока оружием короля шведского он не был оттеснен от Москвы, потеряв и захваченную власть, и счастье, причем приложили усилия те же люди, которые пользовались им как маской своего господства: изъявляя притворную покорность и дружбу, они скрывали свои планы, но после избрания Владислава обнаружили, наконец, что таили в душе».

Калуга после убийства самозванца не захотела подчиниться Москве. Движущей силой неповиновения стал взрыв национальных чувств, оскорбленных хозяйничаньем поляков в стране и Москве. Вскоре после гибели самозванца Марина родила сына. Его нарекли Иваном. «Царевич» Иван, сразу окрещенный по православному обряду, стал знаменем движения против московских властей. Марина Мнишек уже давно перестала быть ревностной католичкой и стала приверженкой православия. Честолюбие этой женщины было воистину ненасытным. Пройдя все унижения, которые могла бы испытать женщина, не зная, кто был истинным отцом ее ребенка (как писала летопись, «она воровала со многими»), Марина все еще надеялась основать новую московскую династию. Теперь ее опорой стали вольные казаки и атаман Заруцкий.

Признание русским царем католического принца Владислава возымело действие, которое никак не принимали в расчет «седмочисленные бояре». Гражданская война, направленная против «лихих» бояр, с осени 1610 года стала все более и более приобретать национальную окраску. Национально-освободительное движение росло, захватывая широкие слои русского общества.

На московских улицах вспыхивали мгновенные ссоры между горожанами и захватчиками. Причины могли

быть самыми разными, но в основе неприязни лежало оскорбленное чувство национальной гордости. Распри чаще всего возникали на рынках: например, поляк хотел купить на хлебном рынке кадку хлеба за польский флорин, но русский продавец заявил, что с поляка он будет брать вдвое. В ответ на это поляк выхватил саблю, а сорок или пятьдесят москвичей прибежали с оглоблями. Вспыхнула драка; двенадцать польских всадников врезались в толпу, убили пятнадцать москвичей и прогнали весь народ с рынка.

Гонсевский, сменивший Жолкевского на посту верховного командующего, польский наместник в Москве, описал характерный диалог с «московской чернью»: когда Гонсевский пытался успокоить чем-то взволнованных московских людей, «кто-то из черни» дерзко сказал ему: «Так убирайтесь отсюда и освободите Кремль и Китай-город!» Наместник ответил: «Нам этого не позволяет наша присяга». Они сказали: «Ну, тогда в ближайшие дни никто из вас не останется в живых». Когда поляки упрекали москвичей в нарушении ими присяги польскому королевичу, москвичи, по словам того же Гонсевского, отвечали: «Мы действительно избрали польского государя, но не для того, чтобы каждый простой поляк был господином над нами и нам, москвичам, пришлось бы пропадать, а для того, чтобы каждый у себя был хозяином».

От драк и ссор на московских улицах всеобщее недовольство переходило к более решительным действиям. Первыми выступили жители смоленских земель. Обращаясь к москвичам, они писали: «Для Бога, положите о том крепкий совет меж собя: пошлите в Новгород, и на Вологду, и в Нижний нашу грамотку, списав, и свой совет к нам отпишите, чтоб всем было ведомо, всею землею обще стояти за православную хрестьянскую веру, покаместа еще свободны, а не в рабстве и в плен не розведены». В Москве грамота была переписана и разослана по городам. Находившийся под домашним арестом патриарх Гермоген приложил к этим грамотам свою, где тоже призывал «всею землею обще стать», быть «обще всем в соединении душами своими и головами». Враг был один — «литовские люди», то есть подданные Речи Посполитой.

На такой патриотической платформе объединились самые широкие слои русского общества — дворяне и вольные казаки, горожане и крестьяне. Рязанские дво-

ряне собрали ополчение и под руководством Прокопия Ляпунова двинулись к Москве. Бывшие сподвижники Лжедмитрия II Иван Заруцкий и князь Д. Т. Трубецкой тоже собрали под свои знамена вольных казаков из окончательно распавшегося лагеря самозванца.

Так под стенами Москвы образовалось Первое ополчение. Вождями его стали Д. Трубецкой, П. Ляпунов и И. Заруцкий.

19 марта 1611 года в Москве вспыхнуло народное восстание против поляков. Чтобы справиться с восставшими, Гонсевский по совету русских изменников поджег город. Москвичам пришлось тушить город, спасая свои жилища, а интервенты, воспользовавшись этим, принялись грабить и убивать. Конрад Буссов писал, что в течение 14 дней поляки грабили брошенный город. «Одежду, полотно, олово, латунь, медь, утварь, которые были выкопаны из погребов и могли быть проданы за большие деньги, они ни во что не ставили... Брали только бархат, шелк, парчу, золото, серебро, драгоценные каменья и жемчуг. В церквах они снимали со святых позолоченные серебряные ризы, ожерелья и вороты, пышно украшенные драгоценными каменьями и жемчугом... Кто хотел брать — брал... Из спеси солдаты заряжали свои мушкеты жемчужинами, величиною с горошину и с боб и стреляли ими в русских».

Главные силы Первого ополчения подошли к столице вскоре после пожара. Им удалось занять большую часть столицы. «Литва» и «семибоярщина» укрылись в Кремле и Китай-городе. Взять эти крепости ополченцы и москвичи так и не смогли.

ПРОТИВОСТОЯНИЕ

Вновь в стране образовались две власти. Сидящие в Кремле поляки и Боярская дума представляли власть законного царя Владислава Жигимонтовича. Указы писались его именем, монеты чеканились от его имени, формально он правил страной. Власть эта держалась силой польского оружия, и главные ее усилия были направлены на то, чтобы удержать Москву.

Другой силой стало Первое ополчение, раскинувшее свои таборы под Москвой.

Необходимость платить денежное жалованье наемникам требовала непрерывной работы Московского денежного двора. Но, обладая налаженным денежным

производством, кремлевские власти не имели другого: они находились в изолированном от страны городе, доходы в казну больше не поступали, серебряного сырья не хватало. Между тем выплата денежного жалованья польским войскам была, по существу, единственным способом удержаться для московских властей. Денежное жалованье «немцом» — вот в чем заключалась главная забота бояр-изменников во время сиденья в осаде на Москве. Но и для «Литвы» денежное жалованье становилось в то время не столько средством обогащения, из-за чего они, собственно, отправились в московский поход, сколько единственной возможностью выжить. Ибо в Москве наступил голод, а осенние и зимние месяцы прибавили к страданиям от голода муки от холода. Для приобретения самой примитивной еды и поленьев дров приходилось платить все более и более возрастающие суммы.

Во время московского восстания поляки, как писали современники, уничтожили умышленно весь провиант, «тогда как все войско несколько лет могло бы этим кормиться с избытком... Через два или три месяца нельзя было получить за деньги ни хлеба, ни пива».

Запертые в Кремле и Китай-городе поляки были вынуждены возвращать москвичам награбленные драгоценности за кусок хлеба. Летопись рассказывает: «Мнозии же рустии людие приходиша нощию к стене града Кремля, и серебра и жемчугов и свешиваху з града. Рустии же люди емлюще сия и в том место вяжуще только же хлеба и дающе им. Егда же сия увидеша быша, и пойманы мнози и наказаны. По сем начаша им вместо злата навязываху за хлеба место каменья и кирпичи. И сие им злохитрьство преста».

Серебро для чеканки монет на денежный двор должны были поставлять государственные учреждения и частные заказчики. Основной контингент заказчиков всегда представляли торговые люди, и среди них — богатые гости, занятые торговлей с иноземцами. Но в 1611 году доступ торговым заморским людям закрылся, Москва была изолирована от главных торговых путей. Торговать стало нечем, нечего стало и нести на денежный двор. Божка Балыка писал о том, что киевские купцы, прибывшие в Москву осенью 1610 года, оказались запертыми в Кремле и переносили голод и холод вместе с польским гарнизоном.

Появились перекупщики, скупавшие у жителей се

ребряные сосуды, украшения и перепродававшие их на денежный двор для чеканки. Один такой перекупщик, Пятунка Михайлов, мелкий московский торговец, рассказывал, что он, помимо торговли, кормился за эти годы тем, что «скупал серебро мелкое ветошь и сливал на Денежном дворе ис прибыли». Но, конечно, такие перекупщики не могли обеспечить полностью сырьем государственную чеканку.

Если уж Василий Шуйский, «природный» русский царь, поднял руку на церковные и монастырские сокровища, в интересах казны перечеканенные в деньги, то чего же иного приходилось ожидать от интервентов? В тигли денежного двора пошло серебро с церковных окладов, драгоценные сосуды, украшения, богатые одежды — все то, чем были богаты и славны московские церкви и монастыри. Та же участь постигла и золото, так как денежный двор возобновил чеканку золотых копеек и денег.

Уже после освобождения Москвы от поляков был подготовлен «Отчет расходов царской казны», сохранившийся до нашего времени. Это скорбный перечень тех утрат, которые понесла отечественная культура в годы интервенции.

«По королевским грамотам» платили «государю королю» под Смоленск, «немцом в заслуженное», воинам «Сапегина войска» и русским стрельцам. Средства брались из государственной казны, собранной в приказах: Казны, Новгородской чети, с Казенного двора, с Купецкого двора, с Денежного приказа. Сюда же пошли деньги, вырученные с продажи имущества Шуйского. Жалованье выдавалось как деньгами, золотыми и серебряными копейками, угорскими, так и «всей рухлядью». Под последней следует подразумевать сосуды из драгоценных металлов («суда золотые», «суда серебряные»), пуговицы серебряные и золотые, «что спарывали с платья», драгоценные камни, жемчуг, а также «мягкую рухлядь» — соболя, атлас, бархат, сукно, парчу.

Значительная часть изделий из драгоценных металлов и угорских поступала на Денежный двор, чтобы «на немцы из золота и серебра делати в денги». Вот небольшой перечень того, что использовалось как сырье для монет: «В церкви Благовещенья... с большого наряду риз, с потрахели да с поручей снято в дробницах золота 10 гривен 24 золотника. Из церкви Архангела Михаила с трех покровов, которые были на гробех великого князя

Василья и царя и великого князя Ивана и царевича Ивана, в дробницах золота 17 гривенок 2 золотника. Из Чюдова монастыря выдано потир да двое блюдечка, да лжица, да кандило, да к евангелию сделано было, да еще недоделано... Да от Казны выдано, с государева посоха снято было 6 гривенки..., да с конского наряду, с ошейник, и с огловли, и с лысин, и с похвей... Да с образов Донские пречистые, и с Вознесенского монастыря, из церкви Архангела выдано прикладных 420 угорских» (речь идет о золотых иноземных монетах, вешавшихся по обычаю на чудотворный образ). Кондрат Буссов писал впоследствии, что русские были вынуждены отдать «чужеземцам на расхищение свою богатую казну, которая неисчислима, а для многих — невероятна. Из нее оплатили все королевское воинство до 1612 года; семь царских корон и три скипетра, из них один — из цельного рога единорога, очень богато украшенный рубинами и алмазами, а также несказанно много редкостных драгоценных изделий должны были познать, как... кочевать по чужим землям».

Перед Денежным приказом с неизбежностью встал вопрос о необходимости снизить вес копейки, так как не хватало уже не только серебра, но и золота. Пришлось уступить давлению обстоятельств. С осени 1611 года вес русской копейки был вновь снижен. Если кратковременное понижение веса монет при Шуйском составило всего четверть почки (нормативным весом копейки стали 0,64 грамма), то в 1611 году пришлось решиться на уменьшение веса наполовину почки (нормативный вес 0,60 грамма). Такой вес допускали при Шуйском только откупщики. Сейчас положение Денежного приказа стало безвыходным, и надежды как-то исправить положение в ближайшее будущее не было никакой. Поэтому понижение веса не выделялось какими-либо отличительными знаками на монетах. Напротив, монеты пониженной стопы продолжали чеканить теми же чеканами, которыми чеканили полноценные монеты. Это была откровенная фальсификация, ничем не замаскированная хищническая эксплуатация монетной регалии в интересах пополнения средств казны.

Вес монеты, составлявший 3,5 почки, удержать не удалось. К весне 1612 года он был понижен еще наполовину почки, а затем снижен на четверть почки. Весовая норма копеек Владислава Жигимонтовича, следовательно, снизилась с нормативного веса копейки трехрублевой

стопы 0,68 грамма (4 почки) вначале до 0,60 грамма (3,5 почки), затем до 0,51 грамма (3 почки), и наконец, до 0,47 грамма (2,75 почки).

Разумеется, положение Денежного приказа, лишенного возможности снабжать сырьем денежный двор, было отчаянным; разумеется, на монетную политику не могла не оказывать давления власть польского командования, глубоко безразличного к судьбе русской денежной системы. Но одними этими факторами, видимо, нельзя объяснить действия Денежного приказа в годы полного польского владычества в Москве. Начиная с 1611 года, когда в стране стала разворачиваться и все более нарастать мощная национально-освободительная борьба против польских захватчиков, на решения Денежного приказа должно было оказывать действие множество обстоятельств. Их следует рассматривать отдельно.

Глава 7

«КОРМ И КАЗНА» ВТОРОГО ОПОЛЧЕНИЯ

НА ЗЕМСКОЙ СЛУЖБЕ ПОД МОСКВОЙ

К 1611 году, казалось, Русское государство заканч вало свое самостоятельное существование. На русско престоле сидел польский королевич, вся жизнь госуда ства контролировалась польским военным командовани ем, а король польский не скрывал своих намерений сд лать Россию неполноправным придатком Речи Поспол той. Новгород Великий занимали шведские войска, власть шведского короля распространилась на север западные земли Русского государства.

Образование в 1611 году Первого земского ополч ния во главе с триумвиратом — Д. Трубецкой, А. Ляп нов, И. Заруцкий — стало первой осознанной и целен

правленной попыткой объединить и направить растущее патриотическое народное движение против иноземных захватчиков.

Князь Дмитрий Тимофеевич Трубецкой (умер в 1625 году) — типичный «тушинский» боярин, получил боярский чин в Тушине. После смерти Лжедмитрия II он возглавлял в Калуге отряды южного провинциального дворянства и казаков. Честолюбивый и, видимо, не очень разборчивый в вопросах этики, князь Д. Т. Трубецкой в 1613 году претендовал на русский трон.

Иван Мартынович Заруцкий (умер в 1614 году) был атаманом донских казаков. Он активно участвовал в движении Болотникова, затем перешел к Лжедмитрию II. После распада Тушинского лагеря он оказался в польском лагере, но в результате ссоры с Жолкевским (1610 год) вернулся в Калугу к Лжедмитрию II. После смерти самозванца Заруцкий стал покровителем Марины Мнишек и ее сына, «царевича» Ивана Дмитриевича. Это был человек анархического, авантюрного склада, фигура, рожденная Смутным временем, без определенной политической программы.

Организующее и ведущее положение в триумвирате занимал Прокопий Петрович Ляпунов (умер в 1611 году). Рязанский воевода, он одним из первых перешел на сторону Лжедмитрия I, а затем вошел в число руководителей восстания Болотникова; впрочем, в решительный момент Ляпунов перешел на сторону правительства Шуйского. Он был инициатором выдвижения кандидатуры молодого талантливого полководца М. В. Скопина-Шуйского на русский престол вместо Василия Ивановича Шуйского. Прокопий Ляпунов наиболее ясно представлял задачи ополчения и пути их осуществления.

Состав триумвирата четко отражал состав трех социальных сил, образовавших Первое ополчение: «тушинских» аристократов, получивших чины и поместья от Лжедмитрия II; самой многочисленной и грозной силы, менее всего поддающейся управлению, — вольного казачества; южного провинциального дворянства, связавшего свою судьбу с самозванческим движением. Первое ополчение стало не только и не столько военной организацией, задачей которой была борьба против иноземных захватчиков. Оно присвоило функции центрального правительства, противопоставившего себя московской «семибоярщине» и царю Владиславу Жигимонтови-

чу, за чьим именем стояло польское военное командование.

В дни мартовских боев за Москву в стане Первого ополчения был образован Земский собор, выбравший Совет всей земли. Этот постоянно действующий орган попытался воссоздать государственный аппарат. В противовес кремлевской власти он должен был осуществить управление страной. Были организованы специальные финансовые ведомства — Дворец, Большой приход, четверти, которые должны были наладить регулярный сбор денежных средств, корма и одежды («шуб») для ополченцев. Руководители Первого ополчения сделали попытку наладить регулярное обеспечение участников ополчения поместными и денежными окладами, постоянным денежным жалованьем.

Сохранившиеся грамоты триумвирата в русские города — Переяславль-Залесский, Ярославль, Кострому с пригородами, в Переяславль-Рязанский, Владимир, Арзамас — показывают, что власть Совета всей земли признавалась на обширной территории.

В города отправлялись грамоты и сборщики, которым предписывалось собирать «с сохи по двадцати по семи шуб бараньих, а с черных волостей собрать с трех вытей по шубе, а также сошныя всякие доходы и кабатцкие и запросные деньги». «Запросные деньги» — это были просьбы о сборе средств, обращенные не только к крестьянскому населению, но и к посадским людям и гостям, «чтобы оне всяким ратным людем для подмосковные земские службы денег дали, сколько кому мочно». Судя по документам, призывы успеха не имели: «...а сборщики заворовали, шуб не собрали ж и к Москве по ся место не приваживали». Ничтожные денежные суммы, собранные сборщиками, попадали, однако, не в отлаженный механизм государственного аппарата, а в плохо организованную систему управления ополчением.

Руководители ополчения старались обеспечить в первую очередь феодалов. По приговору Совета всей земли бояре и столичная знать, находившаяся в Москве и призвавшая в Москву поляков, должны были лишиться всех земель. Конфискованные владения предполагалось разделить по справедливости между бедными и разоренными войной дворянами. Казакам обещали только денежное и хлебное жалованье. Запрещались казачьи «приставства» — передача в кормление определенных территорий. Это решение вызвало недовольство масс

вольных казаков, тем более что обещания жалованья хлебного и денежного оставались не более чем обещаниями.

Реальная обстановка, которая сложилась под Москвой осенью 1611 года, выразительно описывается в одной из грамот того времени: «А дворяне и дети боярские и Казаки и Черкасы и стрельцы и всякие служилые люди, будучи на земской службе под Москвой, боярам бьют челом о жалованьи беспрестанно, а дати им нечево, и оне без жалованья и с стужи от Москвы хотят итти прочь».

Роковую роль в судьбе Первого ополчения сыграла гибель в 1611 году наиболее яркого и талантливого члена триумвирата — П. П. Ляпунова. Он пал жертвой стихийного недовольства казаков продворянской политикой Совета всей земли, искусно направляемого московскими и польскими противниками ополчения. Казаки вызвали Ляпунова «на круг» и там зарубили.

После гибели Прокопия Ляпунова ополчение стало распадаться и «итти прочь» от Москвы. Не последнюю роль, конечно, играло отсутствие денежных средств в казне ополчения. Получить их можно было бы или через налаженную и безотказно действующую фискальную систему, или же путем организации собственной чеканки. В 1611 году Совет всей земли не имел ни того, ни другого.

Организовать собственную чеканку на пустом месте было совсем не просто. Может быть, желание иметь в своем распоряжении налаженное денежное производство оказало влияние на решение правительства Первого ополчения признать нового, уже третьего по счету, самозванца из Пскова?

Новый самозванец, личность которого с точностью не установлена (источники называют его то бродячим торговцем ножами, то московским дьяконом Матюшкой, то Сидоркой), объявился в марте 1611 года в Ивангороде. До этого он якобы попытал счастья в Новгороде, но там узнали в нем торговца ножами, затем просившего милостыню на новгородских улицах, и прогнали из города. Он нашел поддержку в Ивангороде, и к нему стали стекаться недовольные из Новгорода и Пскова. К лету у него уже образовалось войско, и он попытался войти в Псков, однако его не пустили. А в декабре 1611 года Псков не только впустил «Сидорку», но и присягнул ему как «государю Димитрию Ивановичу». Несомненно,

на решение псковичей повлияло присутствие двух воевод — Никиты Хвостова и Михаила Милославского, присланных осенью 1611 года в Псков. Они должны были организовать оборону города от шведов и поляков, со всех сторон подступавших к Пскову.

В марте 1612 года Лжедмитрию III присягнули в таборах Первого ополчения. Присягнули ему города Гдов, Ям, Копорье. Его власть признали и южные и северские города, а также Арзамас и Алатырь. Таким образом, новый самозванец стал на какое-то время значительной политической силой, несмотря на то, что такие города, как Казань, Нижний Новгород, Ярославль, Кострома, Владимир, не пожелали признавать его. Даже шведское командование намеревалось начать переговоры с «Сидоркой Псковским вором» (как назвали его поздние источники).

Недолгий политический успех «Сидорки», видимо, вдохновил руководителей Первого ополчения возобновить практику Тушинского правительства: чеканить на Псковском денежном дворе монеты с именем Дмитрия Ивановича.

«СИДОРКИНЫ» КОПЕЙКИ

Тушинцы, представленные в правительстве Первого ополчения, должно быть, хорошо помнили об акции тушинского правительства и о доходах, которые она принесла. Чеканка монет с именем «царя и великого князя Димитрия Ивановича всея Руси» началась Лжедмитрием III в Пскове скорее всего весной — летом 1612 года.

Единственными достоверными свидетелями этого события являются две редчайшие монеты, сохранившиеся в наших монетных собраниях. Для оборотной стороны был использован старый маточник времени Лжедмитрия I. Для лицевой стороны вырезали новый маточник с буквами Псковского денежного двора — ПС, маточник, впоследствии использовавшийся на Псковском денежном дворе до конца 20-х годов XVII века. Обе монеты Лжедмитрия III имеют вес, превышающий обычную норму копеек трехрублевой стопы и соответствующий тому весу, какой имели копейки Лжедмитрия II. Если учесть, что весной 1612 года все монеты, чеканившиеся на русских денежных дворах — Московском, Новгородском и Ярославском (о последнем речь еще впереди), — имели веса гораздо ниже нормы копеек трехрублевой стопы, та-

Монеты Ярославского ополчения

кой шаг правительства Первого ополчения следует признать очень опрометчивым. С одной стороны, ополченцы следовали примеру тушинского правительства, рассчитывая на завоевание своего авторитета выпуском полноценных копеек Лжедмитрия III, превышающих весовую норму копеек Владислава Жигимонтовича. С другой стороны, они обрекали этот выпуск на недолгую жизнь, так как по законам денежного обращения тяжеловесные, полноценные монеты вытесняются из обращения менее качественными при их одинаковой номинальной стоимости. Так и случилось. Монеты Лжедмитрия III представляют собой очень большую редкость.

Малое количество сохранившихся копеек Лжедмитрия III объясняется не только нарушением законов денежного обращения эмитентами. Оно объясняется еще и их недолговечностью, так как недолговременной оказалась политическая карьера «Сидорки». Ни по своим личным качествам, ни в силу сложившейся внутриполитической обстановки Лжедмитрий III не стал той фигурой, вокруг которой смогли бы сплотиться разнородные элементы формирующегося национально-освободительного движения. Самозванца поддерживала московская «чернь», южные и северские города, но и среди последних не было единства. К тому же вождь вольных казаков Иван Заруцкий откровенно ориентировался на «царицу» Марину Мнишек и «государя царевича» Ивана Дмитриевича и мечтал посадить на русский трон этого «воренка», сына Марины Мнишек. Отказ таких крупных городов северо-востока, как Нижний Новгород, Ярославль, Кострома, Владимир и Казань, поддержать Лжедмитрия III, значительно сужал социальную и материальную базу самозванца. В начале июня 1612 года Совет всей земли сложил присягу самозванцу. Ближайший помощник И. Заруцкого Иван Плещеев повез «Сидорку» в подмосковные таборы, и по дороге очередной претендент на русский трон был убит.

Чеканка монет с именем Дмитрия Ивановича заглохла. Видимо, играло роль отсутствие сырья, но даже если бы оно и было в достаточном количестве, псковская чеканка вряд ли могла продолжаться. Главная причина прекращения чеканки заключалась в следующем. Традиционное и никогда не нарушавшееся право государства на чеканку монеты подразумевало как обязательное условие помещение имени царствующего государя на монете. Низложение «Сидорки» автоматически

лишало государственную монету обязательного атрибута — имени государя. Правда, в Москве считался законным государем Владислав Жигимонтович. Но Первое ополчение не могло помещать на своих монетах имя собственного политического врага. Помимо этих соображений на историческую авансцену к весне 1612 года выходили иные социальные силы, которые отныне стали определять ход исторических событий в государстве.

В НИЖНЕМ НОВГОРОДЕ

В осенние и зимние месяцы 1611 года, когда Первое ополчение постепенно распадалось «без жалованья и с стужи», в Нижнем Новгороде набирало силу Второе ополчение.

Гораздо более однородное по своему составу, опиравшееся на первых порах почти исключительно на посадских людей, практичных и деловых уже по самой своей природе, Второе ополчение начало сразу с организации регулярных принудительных сборов средств, не довольствуясь добровольными пожертвованиями. Во главе организаторской деятельности встал земский староста Козьма Минин. Его отец был соляным промышленником в Балахне, затем переехал в Нижний Новгород. Сам Козьма Минин имел мясную лавку. В годы Смуты он был уже немолод. Избрание его земским старостой, да еще в такое трудное время, свидетельствовало о немалом авторитете, который он использовал для организации и сплочения сил на борьбу с интервентами.

С сентября 1611 года К. Минин стал распорядителем хозяйственных средств ополчения. Он получил необычный титул: «Выборный всею землею человек».

Два главных вопроса стояли перед патриотическими силами, консолидирующимися в Нижнем Новгороде: сбор средств для организации и оплаты ополченцев и выборы достойного главнокомандующего воинскими силами. Встала настоятельная необходимость избрать из числа бояр или дворян «честна мужа, кому заобычно ратное дело».

Если храброго и искусного военачальника среди русских дворян можно было найти без особого труда, то гораздо сложнее было выискать «честна мужа», не запятнавшего себя национальной изменой в эти смутные времена. Выбор пал на князя Дмитрия Михайловича

Пожарского, зарайского воеводу. Нижегородский «мир» одобрил его кандидатуру.

Д. М. Пожарский, будучи зарайским воеводой, даже накануне падения Шуйского сумел не только организовать оборону против войска Лжедмитрия II, но и так воздействовать на горожан, что они отказались присягнуть «царьку», в то время как все окрестные города поддержали самозванца. В соглашении с жителями зарайского посада Пожарский следующим образом выразил свою политическую позицию, которой он и в дальнейшем неуклонно придерживался: «...будет на Московском царстве по-старому царь Василий, ему и служити, а будет хто иной, и тому тоже служити». Однако Владиславу Жигимонтовичу, оказавшемуся «на Московском царстве», князь тем не менее «служити» не стал. Вместе с П. Ляпуновым он создавал Первое ополчение в конце 1610 года. Во время боев в Москве в марте 1611 года Пожарский стал одним из организаторов сопротивления интервентам, сумел остановить напор врага на Лубянке и в других местах. В течение всего дня 20 марта Пожарский отбивался от польско-литовских отрядов, сидя в своем «острожке». Израненного и еле живого, его доставили с поля боя в Троице-Сергиев монастырь, а затем он отправился залечивать раны в свое владение — село Мугреево Суздальского уезда.

Нижегородский «мир» приговорил провести сбор «пятой деньги с пожитков и промыслов», которым облагались жители не только Нижнего Новгорода, но и всех русских городов, расположенных на востоке и северо-востоке от Москвы. Вместе с добровольными пожертвованиями сбор должен был обеспечить регулярное поступление средств в казну ополчения.

К добровольным пожертвованиям и принудительным займам прибавились сборы у иногородних людей нижегородского посада и у Строгановых. Затем руководители ополчения обратились к понизовым и поморским городам с просьбой о помощи. Обращение нашло отклик: «В городах... же слышаху в Нижнем собрания рада быша и свезоша к нему из городов многую казну». Большую помощь финансами и ратными людьми оказывали города и волости Поморья, принявшие активное участие в организации военных сил еще во времена Первого ополчения. Так, в Сольвычегодском уезде брали «даточных» (военнообязанных) людей по три человека с малой сохи (с определенного земельного надела).

С черных, частновладельческих и дворцовых волостей Белозерского уезда собирали по 18 рублей и по 6 ратных людей с сохи. От уездов Яренского, Устюжского Вологодского, Важского, Двинского и других направляли по 50 человек «даточных».

Для обеспечения боеспособности ополчения следовало решить вопрос о жалованье ополченцам, и в первую очередь — дворянам, детям боярским и стрельцам

Летописные источники часто сообщают о тех денежных выдачах, которыми руководители Второго ополчения привлекали служилых людей. Жалованье давали дворянам «розных городов», а когда в Юрьевец, только что давший «многую казну на подмогу» ополчению пришли «татарове юртовские многие люди», им тоже дали жалованье.

Было определено «верстанье» служилых людей — определение размеров земельных владений, которые должны были получить дворяне. По свидетельству источников, размеры их. определили довольно значительные по тогдашнему времени. Однако «верстанье» на первых порах оставалось только на словах, так как Второе ополчение не могло давать земли, еще не отвоеванные у врага. Приходилось довольствоваться денежным и хлебным жалованьем — пока единственной формой вознаграждения ратным людям. В этих условиях запасы наличных денег в казне ополчения приобретали первоочередное значение.

ЯРОСЛАВСКИЙ ДЕНЕЖНЫЙ ДВОР

Средства ополчения были быстро исчерпаны. «В Нижнем же казны становится мало», — сообщали свидетельства тех лет. Перед Вторым ополчением, так же как и перед Первым, со всей неумолимостью и остротой встал главный вопрос — вопрос обеспечения материальной базы народно-патриотического движения, от решения которого зависела в конечном итоге судьба родины.

Руководители Второго ополчения, как и их предшественники, начали с организации правительственного аппарата. Главной целью деятельности этого аппарата было создание структуры, обеспечивающей регулирование сбора средств и их распределения.

В феврале 1612 года Второе ополчение перебазировалось в Ярославль. Историки называют много причин,

вызвавших такое перемещение. Одной из них стали осложнившиеся отношения с руководителями Первого ополчения. После смерти Ляпунова в рядах Первого ополчения очень усилились анархические настроения. Атаман Заруцкий все еще лелеял авантюрную мечту посадить на русский трон «воренка», обеспечив себе и своим сторонникам особое положение в государстве. Его казаки, давно оторвавшиеся от крестьянской работы, помышляли лишь о грабежах и разбоях. Намерение руководителей Второго ополчения собрать в Суздале Земский собор и избрать сообща царя никак не устраивало Заруцкого. Отряды Заруцкого заняли Суздаль, опередив Пожарского. Далее Заруцкий намеревался захватить Ярославль, чтобы поставить под контроль Верхнее Поволжье и дороги на Москву с севера.

Д. М. Пожарский успел занять Ярославль до прихода отряда, посланного Заруцким. Атаман попытался организовать покушение на жизнь командующего. С этой целью в Ярославль были посланы двое казаков, но один из них был схвачен и предан суду. Покушение не удалось.

Одно обстоятельство еще больше осложнило обстановку. Признание в марте 1612 года в таборах Первого ополчения «Сидорки псковского вора» вызвало решительное противодействие руководителей Второго ополчения. Немногим меньше года назад — 23 июня 1611 года — вожди Первого ополчения объявляли о своем намерении призвать на русский престол шведского королевича, Карла Филиппа, сына шведского короля Карла IX. Все метания и противоречия политики руководителей Первого ополчения в таком первостепенной важности вопросе, как кандидатура будущего царя, весьма обострили взаимоотношения двух центров национально-освободительного движения.

Программа Второго ополчения на этот счет была весьма определенна: «Маринки и сына ея, и того Вора, который стоит под Пъсковым до смерти своей в государи на Московское государство не хотим, также что и литовского короля». Относительно шведского королевича ополчение пока предпочитало не высказываться со всей определенностью, поскольку в шведах оно видело возможного союзника в борьбе с поляками. Столь же щекотливым был вопрос о польском королевиче, официально признанном русским царем. Его признавала Боярская дума, его именем писались указы,

его продолжала поддерживать некоторая часть русского населения. Поэтому имя Владислава не называлось в перечне тех, кого «не хотели» видеть на русском троне участники Второго ополчения, хотя именно его свержение и изгнание поляков было главной целью патриотов.

Другим и далеко не последним основанием для перебазировки в Ярославль стали соображения экономические. Ярославль был одним из важнейших центров внутренней и, что особенно важно, внешней торговли. Он стоял на пересечении торговых путей между Архангельском и Москвой, на пути в Сибирь, в Астрахань, на Кавказ и в страны Азии. Еще с XVI века в Ярославле размещались конторы английских, голландских, а позже и других иноземных купцов. В годы Смуты Ярославль стал практически единственным активно действующим центром русской торговли с Западом, поскольку северо-западные города и Смоленск оказались отрезанными от Москвы военными действиями. Богатые ярославские купцы — Григорий Никитников, Михаил Гурьев, Надея Светешников, Василий Лыткин вносили средства в казну ополчения, принимали энергичное участие в его деятельности. Доходы в виде таможенных пошлин в талерной монете, получавшиеся с иноземной торговли, сбор «пятой деньги» с богатых «прожитков и промыслов» ярославцев приносили в казну ополчения значительные средства. И наконец, обилие в городе искусных мастеров-серебряников, хорошо организованное производство ювелирных изделий и память о работе денежного двора, который был закрыт только в самом конце XV века, также оказали влияние на решение правительства избрать Ярославль своим опорным пунктом.

О пребывании Второго ополчения в Ярославле летопись сообщала: «Ярославцы же их прияша с великою частию и приносоша дары многия. Они же не взяша у них ничево и, быв в Ярославле, начаша промышляти, како бы им итти под Московское государство, на очищение. К ним же начаша из городов приезжати многие ратные люди и посацкие люди привозити на помочь денежную казну...»

За четыре месяца пребывания Второго ополчения в Ярославле были созданы и оформлены правительственные учреждения, в точности воссоздавшие структуру государственного аппарата. В городе официально дейст-

вовало временное правительство, возглавлявшееся князем Пожарским и «выборным человеком» Мининым. Из представителей местного духовенства во главе с бывшим ростовским патриархом Кириллом образовался Совет всей земли. Минин и Пожарский с их ближайшими сподвижниками получили от Совета полномочия ведать не только военными, но и гражданскими делами. Постепенно в Ярославле создались приказы: Разрядный, Поместный, Дворцовый, Сибирский, Посольский, приказ Казанского дворца, а также денежный двор.

За время пребывания в Ярославле ополчение собрало большие силы и средства. Оно смогло подчинить своей власти значительную часть государства к востоку от Москвы.

Летопись описывает множество эпизодов, по которым можно судить о воздействии на изголодавшихся и отчаявшихся служилых людей слаженной, упорядоченной деятельности правительства ополчения, высокого нравственного уровня его руководителей. Это резко отличалось от разбойной стихии, царившей в таборах Первого ополчения, отсутствия там порядка и «правды».

Так, ратные люди украинских городов приходили под Москву к Трубецкому, под знамена Первого ополчения, но Заруцкий начал чинить им многие притеснения. Украинские ратники послали в Ярославль своих людей, двух человек, которые, увидев в Ярославле «милость Божию и строение ратным людям», заплакали, не в силах вымолвить ни слова, вспомнив все утеснения от казаков. Они просили ополчение идти под Москву не мешкая, чтобы «им досталь от казаков не погинути». Князь Дмитрий Пожарский и другие ратные люди, знакомые с ним раньше, с трудом узнали посланцев и тоже заплакали, «видя их такую бедность». «И даша им жалованье: денег и сукон и отпустиша их вскоре и приказаху к ратным людям, что идут на них. Они же, пришед под Москву, возвестиша своей братье. Они же тому ради быша. Заруцкий же хотяше их побити. Они же едва утекоша..., а Украинския люди побегоша вси по своим городам».

Другой эпизод рассказывает о приходе к князю Дмитрию Михайловичу Пожарскому, стоявшему тогда в Ростове, делегатов от казаков, с тем чтобы уговорить его идти под Москву, «не мешкая». Но пришли они не для того, говорит летопись. «Придоша же для розведывания, нет ли какова умышления над ними: чаяху.

а)

б)

Чеканы которыми чеканили деньги

на себя по своему воровству какое умышление. Князь же Дмитрий же и Кузьма их пожаловали деньгами и сукнами и отпустиша их опять под Москву...»

Следует признать создание в Ярославле денежного двора одним из важнейших и наиболее эффективных действий, сыгравшим значительную роль в ходе дальнейшей национально-освободительной борьбы. Регулярная чеканка собственной монеты была надежным и стабильным источником для выплаты денежного жалованья ополченцам. В то же время она приносила постоянный доход казне. Положение Ярославля как перевалочного пункта на пути следования ефимочной казны из Архангельска в Москву обеспечивало регулярное снабжение сырьем денежного двора. Но, пожалуй, наиболее важным следствием организации ополченского денежного двора стал морально-политический аспект, который приобретала чеканка монеты в тот исторический момент.

Когда правительство ополчения обращалось ко всем русским людям с призывом объединиться для борьбы с иноземными захватчиками, оно обещало ополченцам выплачивать «корм и казну». Первое ополчение, как известно, распадалось «без жалованья и с стужи». Второе ополчение не могло не учесть этот жестокий урок. Выдача регулярного жалованья временным правительством в Ярославле должна была иметь мобилизующее воздействие более всех призывов и агитационных грамот.

МОНЕТЫ ВТОРОГО ОПОЛЧЕНИЯ

Монеты являлись не только носителями материальных благ. Они выполняли также прокламативные, пропагандистские функции.

Эфемерный чекан Первого ополчения, организованный весной 1612 года, возвещал, что программой его является поддержка законного царя Дмитрия Ивановича, а экономической базой — город Псков. Об этом свидетельствовали буквы ПС, обозначавшие знак Псковского денежного двора, и легенда, гласившая: «Царь и великий князь Димитрий Иванович всея Руси».

Как бы ни недолог оказался чекан Первого ополчения, ярославское правительство было вынуждено считаться с ним. Монеты Второго ополчения должны были

представить программу, позволявшую четко отмежеваться от действий подмосковных таборов, объединить и собрать вокруг правительства Второго ополчения все патриотические силы страны, воодушевленные общим стремлением изгнать интервентов и стабилизировать внутриполитическую обстановку. Решающее значение здесь придавалось имени царя, которое по обычаю помещалось на монете.

От чьего же имени следовало чеканить монету на Ярославском денежном дворе? Ведь чеканка монет могла осуществляться только от имени законного царя, кем бы на самом деле он ни являлся. Совет всей земли, как именовало себя ярославское правительство, и в собственном сознании, и в сознании современников был временной властью, главной и конечной целью которой было восстановление в стране законного правительства. Решаясь на выпуск собственной монеты, ополчение должно было найти форму и способ дать понять соотечественникам, что оно не узурпирует монопольное право на чеканку монет, и в то же время достаточно полно и ясно раскрыть свою политическую программу.

Второе ополчение нашло такой способ. Его эффективность проявилась в успехе ярославского выпуска. На лицевой стороне монет, там, где обычно ставился знак денежного двора, поместили буквы ЯР с маленьким выносным «с» над ними. Буквы читались как начальные от слова «Ярославль». Такого денежного двора русское население второй половины XVI — первого десятилетия XVII века не знало. Буквами с/ЯР Совет всей земли оповестил о политическом и экономическом центре народно-освободительной борьбы, созданном в Ярославле. Монеты, несущие обозначение этого города, как бы свидетельствовали о том материально-экономическом потенциале, которым располагало ополчение. В то же время знак с/ЯР сразу выделял монеты Второго ополчения из числа ходячих монет — копеек с именем Владислава Жигимонтовича, или совсем не имевших знака (монеты Московского денежного двора), или с буквами НРД (Новгородский денежный двор), псковских копеек с именем Дмитрия Ивановича и с буквами ПС, а также копеек, чеканившихся шведским командованием в оккупированном Новгороде (копейки с именем Василия Ивановича и с буквами PIH на лицевой стороне).

На оборотной стороне ярославских монет поместилась легенда: «Царь и великий князь Федор Иванович всея

Руси». Ярославское правительство остановило свой выбор на имени царя Федора Ивановича, сына Ивана Грозного, умершего за четырнадцать лет до описываемых событий. Имя Федора Ивановича, последнего Рюриковича, окружал ореол святости, в глазах современников он был последним законным царем, имевшим все права на престол по праву рождения. В «Повести о честном житии царя и великого князя всея Русии», принадлежавшей перу первого всероссийского патриарха Иова, сторонника и сподвижника Бориса Годунова, современники читали патетическое обращение к только что умершему царю Федору Ивановичу: «О великий государь наш царь и великий князь Федор Иванович всея Русии, похвала и красота Русская! Камо отходиши, солнце светозарное, нас же, раб своих сирых, оставляеши и свой царьский скифетр и превеликий престол самодержавного твоего царьствия по себе кому вручаеши?» Причиной смуты и всех бед, постигших Русскую землю в первом и втором десятилетиях XVII века, современники считали насильственное пресечение «благочестивого корени» — царской династии Рюриковичей, последними представителями которой на царском столе были царь Федор Иванович (1584—1598) и наследник престола — малолетний царевич Дмитрий Иванович, «царское последнее сродствие», чью «неповинную кровь» пролил злодей Борис Годунов в 1591 году. Иов восклицал: «Ныне же Божиими пречистыми судьбами благочестивый царь и великий князь Федор Иванович всея Русии ко Господу отъиде, грех же ради всего народа православного християнства по нем царьского его корени благородных чад не остася...»

Имя Федора Ивановича на ярославских монетах придавало им законную силу: они чеканились «на государево имя». В то же время это имя становилось политическим лозунгом, декларирующим программу ополчения — избрание царя из числа православных государей, русского по происхождению, имевшего право на царское место по рождению.

Следует сказать, что и здесь правительство Второго ополчения умело и к месту использовало уже наметившуюся к этому времени традицию русского денежного дела: во время междуцарствий помещать на монетах имя последнего Рюриковича.

Такая практика началась еще в 1598 году, когда после кончины Федора Ивановича в течение девяти месяцев правитель Борис Федорович Годунов осторожно, но це-

ленаправленно добивался русского трона. Все эти месяцы денежные дворы продолжали чеканить монету от имени уже почившего царя. Но даже и после коронации Бориса какое-то время продолжалось использование имени Федора на монетах, пока новый царь не почувствовал себя достаточно уверенно на троне. Есть веские основания считать, что денежные дворы обращались к имени Федора Ивановича в летние месяцы 1605 года, когда Москва готовилась принять на царство «брата» царя Федора, Лжедмитрия I, и весной 1606 года, в промежуток между царствованиями Лжедмитрия I и Василия Шуйского (новейшие исследования С. В. Зверева и А. М. Колызина).

Но, конечно, только на монетах Второго ополчения имя Федора Ивановича обрело в полной мере значение политического лозунга, объединявшего все патриотические силы страны.

Очень важным моментом денежной политики ярославских властей стал также выбор весовой нормы. Весной 1612 года в стране чеканились копейки Московского денежного двора с именем Владислава Жигимонтовича по стопе, составлявшей 340 копеек из гривенки (вес копейки составлял 3,5 почки, или 0,60 грамма). В Новгороде шведы выпускали копейки по стопе, равной 360 копейкам из гривенки (весомая норма копейки составляла 0,58 грамма). Помимо новых монет, в стране обращались старые копейки трехрублевой стопы (весовая норма 0,68 грамма, или 4 почки). Недолго выпускались тяжеловесные копейки Лжедмитрия III в Пскове (280 копеек из гривенки с весовой нормой 0,72 грамма, или 3,25 почки).

Опыт показал, что чекан в Пскове оказался несостоятельным не только из-за политических и экономических обстоятельств, неблагоприятных для Псковского вора «Сидорки» и поддерживавшего его правительства Первого ополчения. Неоправданно высокий вес копеек Лжедмитрия III исключил возможность хождения их наравне с остальными неполноценными копейками, наводнившими русский рынок с конца 1611 — начала 1612 года. Вместе с копейками трехрублевой стопы тяжеловесные монеты Лжедмитрия III изымались из обращения, прятались, превращаясь в бесполезное сокровище, выпадали в клады.

Правительство Второго ополчения, организуя собственную чеканку, не должно было повторять эту ошибку, хотя, разумеется, оно отлично понимало политическую

выгоду, следовавшую за выпуском высококачественной тяжеловесной монеты. Но недаром все исследователи истории Второго ополчения отмечают, что своими успехами оно в немалой степени обязано практической сметке, трезвому уму и организаторским способностям «выборного всей земли человека» Козьмы Минина. В организации собственной чеканки правительство Второго ополчения следовало уже известной традиции вслед за Тушином и правительством Первого ополчения. Однако правительство Второго ополчения добилось гораздо больших успехов в чеканке собственной монеты. Нет сомнения в том, что Козьма Минин имел прямое отношение к организационным вопросам чеканки, и не без его помощи денежное производство удалось наладить таким образом, что оно оказалось не только жизнеспособным, но и в высшей степени эффективным.

Одним из главных факторов высокой эффективности ярославского чекана был правильно выбранный размер весовой нормы. В Ярославле решили пойти вслед за Москвой, где с 1611 года была принята стопа в 340 копеек из гривенки с весом копейки 0,60 грамма (3,5 почки). Первый выпуск ярославских монет имел точно такую же весовую норму. В дальнейшем политика ярославского правительства оказалась очень гибкой. Когда осенью 1612 года в осажденной Москве поляки снизили вес копейки еще на полпочки и выпуск монет стал осуществляться по четырехрублевой стопе, Ярославский денежный двор последовал за этим понижением. Там тоже стали выпускать монеты по четырехрублевой стопе, с той разницей, что вес ярославских копеек оказался более выдержанным в пределах весовой нормы. Ярославские выпуски не только вписались в денежную систему, обслуживавшую обращение в 1612 году, но на фоне пляшущих весовых норм копеек московского чекана и новгородских копеек, чеканившихся по более низкой, чем в Москве, весовой норме, стали выгодно выделяться своим внешним видом и стабильной, выровненной весовой нормой.

ЗАГАДКА ЯРОСЛАВСКОГО ЧЕКАНА, ИЛИ КТО РЕЗАЛ МАТОЧНИКИ?

Ярославскому правительству было много труднее, чем тушинскому или правительству Первого ополчения — ведь в его распоряжении не имелось налаженного денеж-

ного производства, каким был Псковский денежный двор, усердно служивший обоим самозванцам. Начинать приходилось практически на пустом месте.

Монеты рассказывали, как шла организация чеканки в Ярославле. Других источников об этом примечательном эпизоде в истории национально-освободительной борьбы пока не найдено.

К услугам ярославского денежного производства были искусные мастера-серебряники, которыми славился Ярославль. Они умели делать совершенную по формам и орнаментам бытовую и церковную утварь, великолепные ювелирные изделия. Мастера-художники создавали изысканные рисунки. Их они переносили на сосуды, церковные оклады и другие ремесленные ювелирные изделия. Но монеты делать они не умели. Они не умели как следует закалить маточник, чтобы он смог выдержать многократное тиражирование путем оттиска с него изображения и надписей на штемпели. Они не могли сделать достаточно прочные штемпели, выдерживающие сколько-нибудь длительную эксплуатацию. Хотя среди ярославских серебряников встречалось немало явно талантливых художников, о чем красноречиво говорят сохранившиеся изделия ярославских мастеров, резать рисунки и надписи на маточниках они тоже не умели. Для такой работы требовались особые навыки. Необходимо было разместить довольно сложный рисунок на крохотной рабочей поверхности, диаметр которой не превышал полутора сантиметров. Нужно было следить не только за тем, чтобы рисунок поместился полностью, с соблюдением всех пропорций и деталей, но и за тем, чтобы линии рисунка и надписей имели равномерное заглубление, не слишком глубокое и не слишком мелкое. Недаром, как уже отмечалось, профессия «матошного дела резца» была самой высокооплачиваемой на денежных дворах, и не на всех денежных дворах эти мастера имелись. Все остальные операции по производству монет — плавка серебра, вытягивание серебряной проволоки, изготовление из нее заготовок для монет и, наконец, сама чеканка, — не представляли большой сложности для местных мастеров, так как они широко применялись в золотом и серебряном деле.

Долгое знакомство с нумизматическими памятниками позволяет исследователям безошибочно определить — профессиональный резчик делал маточник или дилетант. Первый выпуск ярославских копеек не оставляет сомне-

ний в том, что маточники для них резал опытный и очень искусный «матошного дела резец». Одной парой маточников было тиражировано большое количество штемпелей, которыми отчеканили большую часть известных в настоящее время ярославских копеек с именем Федора Ивановича и знаком с/ЯР. Мы видим на монете изящное изображение всадника, ловко вписанное в круг. Все части рисунка соразмерны и пропорциональны, детали тщательно прорисованы — кафтан, перетянутый поясом, высокие сапоги, перехваченные у колен и у щиколоток, плащ за спиной всадника, седло и попона коня, конские ноги (несмотря на миниатюрность, изображены копыта). Даже лицо всадника — волосы, нос, бороду — можно разглядеть на этой великолепной миниатюре. Так же искусно сделана надпись — буквы четкие, одинаковой толщины, равномерной высоты и, что не так-то часто можно наблюдать на русских монетах, вся надпись полностью вписывается в площадь монетного поля.

Помимо совершенно одинаковых копеек, число которых в настоящее время превышает 300 экземпляров, встречаются другие ярославские копейки. Что они чеканены в Ярославле — сомнения нет, однако вид их резко отличается от первого выпуска. Это тоже четкие, рельефные монеты, но рисунок всадника непропорционально велик, голова всадника и ноги коня не умещаются на монетном поле, буквы надписи тоже велики, и начертания их угловаты. Рисунок и надпись на монете выдают руку непрофессионала.

Нумизматы насчитали семь разных изображений всадника и семь разных начертаний надписи. Это значит, что для чеканки монет использовались семь отдельных лицевых и семь оборотных маточников. Самих монет сохранилось совсем мало. В коллекциях нескольких музеев и в монетных кладах пока найдено всего немногим более десятка таких монет.

Но как ни различны между собой при беглом взгляде ярославские копейки первого и последующих выпусков, нельзя не заметить, что последующие выпуски явно копируют первый. Особенно выдает сходство крупная точка, представляющая собой одновременно украшение конской попоны и композиционный центр рисунка.

Впрочем, на копейках первого выпуска эта точка тактично размещена под коленом всадника, в глаза не бросается и заметна лишь при внимательном разглядывании. Остальные элементы изображения всадника — плащ,

одежда, головной убор очень напоминают рисунок копеек первого выпуска. Именно с них механически было скопировано изображение лицевой стороны.

Наблюдения могут свидетельствовать только об одном. Для первого выпуска ярославских копеек использовалась пара профессионально сделанных маточников, достаточно искусно выполненных и прочных, что позволило снять с них большое количество штемпелей-чеканов, при помощи которых была отчеканена большая группа монет. Но затем с монет первого выпуска копировались новые лицевые и оборотные маточники, а первая образцовая пара почему-то больше не использовалась. Новые маточники оказались непрочными, поэтому за короткий срок пришлось приготовить семь пар.

Первая, образцовая пара ярославских маточников обнаруживает удивительное сходство с монетами, чеканившимися на Московском денежном дворе при Василии Шуйском и в более поздний период, в 1613—1620-х годах, когда русским царем стал уже Михаил Федорович Романов. Общий стиль рисунка, наличие характерной композиционной точки под коленом всадника выдают одну руку, один почерк мастера-резца. Это означает, что весной 1612 года на Ярославском денежном дворе работал мастер Московского денежного двора. Можно также предположить, что пара образцовых маточников, резанных мастером Московского денежного двора, каким-то образом очутилась на Ярославском денежном дворе. Как бы то ни было, но связь Ярославского и Московского денежных дворов не подлежит сомнению. Данный факт представляется многозначительным и заслуживающим объяснения, если учесть конкретную историческую обстановку весны 1612 года и военное противостояние Ярославля, где расположился центр национально-освободительной борьбы с интервентами, и Москвы, где засели интервенты, под властью которых находился Московский денежный двор в Кремле.

Чтобы объяснить это загадочное явление, нужно вернуться в Москву 1612 года.

Глава 8

В БОРЬБЕ ЗА ОСВОБОЖДЕНИЕ МОСКВЫ

«ЛИТВА» В ОСАДЕ

Рассказывает киевский мещанин, уже знакомый нам Божка Балыка, попавший с купцами в московскую осаду в 1612 году. «С сентября дня 14 голод велми стал утискати, пехота новая стала с голоду мерти и мало не все вымерли... Немцы кошки и псы все поели... А потом уже голод незносный почат трожити, же пехота и немцы... почали людей резати и ести». В Кремль, к «майстерам денежным у ворота Микольские» шел московский человек, который нес мешок угля. Выскочившие со стен гайдуки «порвали и зараз забили и зъели» этого человека.

Рассказы о людоедстве и страшны сами по себе, и

важны как дополнение к нашим сведениям той поистине трагической ситуации, сложившейся в Москве осенью 1612 года. Поляки и русские бояре были заперты в районе Кремля и Китай-города. В остальной части Москвы и в Подмосковье располагались таборы Первого ополчения, вернее, то, что от них осталось. Они не пропускали продовольствие и топливо в лагерь осажденных. Поляки и русские изменники голодали, мерзли, погибали от ран и болезней.

Но Московский денежный двор, расположенный на территории Кремля, продолжал работать и выдавать жалованье наемникам. Монеты чеканились из серебра и золота. Видимо, с августа 1612 года, с началом нового года (сентябрьского цикла), вес копейки снизился еще на четверть почки и стал составлять 0,48 грамма (2,75 почки). Из гривенки теперь выделывали 425 копеек.

Надежды на освобождение от поляков, угасшие было в связи с распаданием Первого ополчения, возродились, как только до населения стали доходить вести о действенной силе, образовавшейся в Ярославле. Надежды эти питались также теми реальными благами, которые получали ратники из казны Второго ополчения. Во всей Москве единственными сторонниками поляков в 1612 году оставались, по-видимому, только бояре, «друзья великого короля», впустившие «литву» в Москву и справедливо опасавшиеся возмездия за измену.

Попытка московского правительства использовать высшее духовенство в борьбе с нарождавшимся в Нижнем Новгороде патриотическим движением закончилась полным провалом. Летопись сообщает: «Литовские же люди слышаху на Москве, что собрание в Нижнем ратным людям, и посылаху к патриарху (Гермогену. — *А. М.)*, чтобы он писал, чтоб не ходили под Московское государство. Он же новой великий государь исповедник рече им: «Да будут те благословени, которые идут на очищение Московского государства, а вы, окаянные Московские изменники, будьте прокляты». И оттоле начаша его морити гладом и умориша гладною смертию, и предаст свою праведную душу в руци Божии в лето 7120 году, месяца февраля в 17 день, и погребен бысть в Москве в монастыре чюда архистратига Михаила».

Сходство монет Ярославского денежного двора с московскими наводит на многие размышления, относящиеся прежде всего к деятельности Денежного приказа в этот период. Денежный приказ, функции которого, как

известно, выполнял Московский денежный двор, находившийся в 1610—1612 годах в полной зависимости от польского командования, тем не менее, судя по монетам, упорно старался держаться своей линии. Ухудшение качества (веса) копейки допускалось лишь как самая крайняя мера. Чеканка копеек не только из серебра, но и из золота, к чему, начиная с 1610 года, прибегал Московский денежный двор, могла на какое-то время оттянуть падение ценности русской копейки. Попрежнему выпуск монет ухудшенного веса рассматривался как временное отступление и монеты пониженного веса выделялись различными элементами оформления. Если переход к чеканке по стопе в 340 копеек из гривенки, совершившийся в 1611 году, был воспринят как переход к новой стопе, то ухудшение веса в 1612 году выделялось новым оформлением оборотной стороны.

Руководителем Денежного приказа и головой денежного двора при поляках был дьяк Ефим Григорьевич Телепнев. Его политическая карьера началась еще при Борисе Годунове, и в последующие годы он все время продвигался по службе. При Шуйском его отправили в Новгород, где вместе с воеводой М. В. Скопиным-Шуйским он должен был «строить рать» для организации отпора полякам. Надо полагать, Ефим Телепнев был ловким и изворотливым политиком, что помогло ему уцелеть во время восстания новгородцев 8 сентября 1608 года. Он сумел свалить вину за тайное бегство из города и похищение городской казны на одного из трех участников — Михаила Татищева (двое других были сам Телепнев и Скопин-Шуйский). Татищева казнили, а Телепнев продолжал служить дальше. Его включили в состав «Великого посольства», направленного под Смоленск из Москвы в 1610 году, но вскоре отпустили и, вернувшись в Москву, он возглавил денежное производство. После изгнания поляков из Москвы Телепнев отделался лишь испугом: его продержали некоторое время «за приставом» и выпустили, в то время как других «друзей великого короля» либо казнили, либо забили насмерть при пытках. Телепнева же поставили вначале во главе Печатного приказа, а затем он вновь возглавил Денежный приказ. Возможно, у Телепнева имелись какие-то заслуги, что и позволило ему уцелеть. Может быть, заслуги эти заключались в той твердой позиции Денежного приказа, которую ему удавалось удержать и под властью

польского командования? Впрочем, нельзя исключать и его способности «к хитрости и к лукавству», о чем писал еще дьяк Иван Тимофеев.

Косвенным подтверждением твердой позиции и патриотических настроений Денежного приказа является появление в ярославском денежном производстве маточника, сделанного московскими резчиками (или резчиком).

Для изготовления пары маточников требовался приблизительно месяц. Это — в условиях нормальной работы денежного двора. Но вряд ли на рубеже 1611—1612 годов — времени, когда маточники могли быть приготовлены, Московский денежный двор находился в таких нормальных условиях. Монеты позволяют проследить воистину детективную историю, которая произошла под крышей Московского денежного двора в начале 1612 года.

Анализ всего круга нумизматических источников 1612—1614 годов позволяет предположить, что весной 1612 года в Ярославль из Москвы отправили не сами маточники, специально приготовленные для ярославской чеканки, а только снятые с них чеканы. Доказательством такой догадки служит появление в московской чеканке 1614 года монет с именем Михаила Федоровича, с лицевой стороной, приготовленной при помощи первого ярославского образцового маточника. Только буквы с/ЯР там были счищены и заменены на с/МО — знак Московского денежного двора. Этим маточником во взаимодействии с оборотными маточниками Московского двора в 1614 году была отчеканена довольно большая группа самых ранних копеек Михаила Федоровича.

Другим доказательством того, что в 1612 году в Ярославль переправили только чеканы, а не сам маточник, служит дальнейшая история ярославского чекана. Когда чеканы, снятые с образцового маточника, износились, пришлось делать новые маточники, вместо того чтобы снять с него же новые штемпели-чеканы, как это практиковалось на денежных дворах. Новые маточники сделали местные ярославские мастера, которые, как уже говорилось, добросовестно, хотя и не очень умело, скопировали их с первого образца. Новый выпуск ярославских монет связан общими соотношениями штемпелей, в то время как монеты первого выпуска стоят изолированно от остальных ярославских копеек. Это лишний раз подтверждает справедливость нашего предположения о

том, что маточники, предназначенные для открытия чеканки в Ярославле, остались на Московском денежном дворе.

Надо полагать, что операция по изготовлению пары маточников для Ярославля на Московском денежном дворе являлась операцией опасной и поэтому сугубо секретной. Работа мастера такого ранга, как «матошного дела резец», разумеется, строго контролировалась. Он получал большое жалованье, продукция его — маточники — тщательно учитывалась и охранялась. Это делалось во избежание бесконтрольного тиражирования чеканов с маточника, при помощи которых создавалась возможность чеканить монеты вне денежного двора, то есть чеканить «воровские» копейки. Все маточники на денежных дворах хранились в специальных кожаных мешках, опечатанных администрацией двора. Чеканы контролировались с меньшей строгостью, и отчет за них держали мастера-чеканщики.

Мастер-«резец», вырезавший пару образцовых маточников для Ярославского денежного двора, должен был сохранить их на Московском дворе, чтобы отчитаться в проделанной работе. Снять с них сколько угодно чеканов-штемпелей было делом техники, так же, как и переправить их из Москвы в Ярославль. Остается тайной — как удалось скрыть криминальный в тех условиях знак с/ЯР, вырезанный на лицевой стороне маточника, и совершенно необъяснимое в 1612 году имя Федора Ивановича на оборотном маточнике. Можно предположить, что контроль за действиями денежных мастеров осуществляли поляки, не настолько сильные в русском языке, чтобы вдаваться в тонкости языкознания. Может быть, существовали и другие обстоятельства, позволившие замаскировать проделанную «матошного дела резцом» рискованную работу, но о них мы уже не узнаем никогда. Такие действия следов в письменных источниках обычно не оставляют.

Для нас, пытающихся реконструировать подлинные события на основании сохранившихся монет, бесспорно одно: на Московском денежном дворе в 1612 году работали истинные патриоты, сумевшие тайно приготовить орудия чеканки для Ярославля и переправившие их из осажденной Москвы. Насколько была причастна к патриотической акции администрация денежного двора и Денежного приказа — судить трудно, так же, как трудно судить о степени вмешательства в денежное произ-

водство представителей польского военного командования. Возможно, благополучная судьба головы денежного двора и руководителя Денежного приказа Ефима Григорьевича Телепнева после «московского взятия» косвенно указывает на причастность администрации к этому делу.

МОНЕТЫ И ДИПЛОМАТИЯ

Усилия правительства ополчения в течение тех четырех месяцев, что Второе ополчение стояло в Ярославле, возымели успех. Были собраны средства на продолжение военных действий. Владимир, Рязань и Тверь очистились от враждебных Второму ополчению вольных казаков. Значительная часть казаков перешла на службу к Пожарскому, в немалой степени привлеченная возможностью получать регулярное денежное жалованье.

Первое ополчение в те же месяцы практически перестало существовать как политическая сила. Атаман Заруцкий стал вести переговоры с гетманом Ходкевичем о переходе казаков на польскую сторону. Князь Д. Т. Трубецкой не принимал участия в переговорах и даже не знал о них. Между двумя руководителями Первого ополчения произошел разрыв. Заруцкий с двумя тысячами казаков ушел из-под Москвы в Коломну, где находились Марина Мнишек с «воренком». Затем они перебрались в Михайлов, с тем чтобы снова начать борьбу за престол. Претендентом на этот раз стал сын Марины, «царевич» Иван.

Оставшиеся силы Первого ополчения (около 3—4 тысяч ратников) и князь Д. Т. Трубецкой примкнули ко Второму ополчению.

На выручку осажденным в Москве полякам с запада шла армия гетмана Ходкевича. Тревожные вести о продвижении польских отрядов заставили руководителей ополчения выступить из Ярославля.

Путь Второго ополчения к Москве отмечают монетные клады, в которых были новые копейки с буквами с/ЯР и именем Федора Ивановича. Один большой клад с такими монетами был найден неподалеку от Троице-Сергиевой лавры, второй — в Тамбовской области, третий — в Вологодской области.

Клады из Тамбовской и Вологодской областей свидетельствуют о широком распространении новых полно-

ценных монет, жадно впитывавшихся истощенным денежным обращением.

Ярославский денежный двор продолжал чеканку монет и после выхода из города основных военных сил. Руководители чеканки внимательно следили за состоянием денежного производства в других русских городах, где работали денежные дворы. Как только Московский двор перешел на чеканку копеек по четырехрублевой стопе (весовая норма 0,51 грамма — 3 почки), в Ярославле сразу переориентировались на новую весовую норму. Здесь тоже стали чеканить по стопе 400 копеек из гривенки. Это ставило ярославские монеты в равное положение с московскими. Более того, после ухода из Ярославля военных отрядов на ярославских монетах знак с/ЯР убрали вообще, а оборотную сторону сделали с именем... Владислава Жигимонтовича. Ярославские копейки с именем Владислава очень редки, как, впрочем, весьма немногочисленны и остальные поздние выпуски Ярославского двора.

Как объяснить появление на монетах Второго ополчения имени его политического врага? Видимо, ответ на этот вопрос следует искать в той политической конъюнктуре, которая образовалась в связи с поисками возможной кандидатуры на русский трон, а также в конкретной обстановке, сложившейся к моменту выхода войска ополчения из Ярославля.

Известно, что вопрос о кандидате в русские цари обсуждался с момента прихода сил ополчения в Ярославль. В апреле по городам рассылались грамоты с призывом «в нынешнее конечное разорение быти не безгосударными, чтоб нам по совету всего государства выбрати общим советом государя».

Выбор кандидатур был довольно широким. Существовали «воровские» претенденты. Как уже говорилось, со 2 марта по июль 1612 года власти Первого ополчения признавали царем псковского вора «Сидорку». Сын Марины Мнишек, «воренок» Иван, за которым стоял атаман Заруцкий со своими казаками, тоже был достаточно популярной фигурой у некоторой части русского населения. Имелись и царственные кандидаты. Сам Сигизмунд III хотел заполучить русский трон, и это обстоятельство стало одной из причин того, что он не отпускал отрока королевича в Москву, заочно коронованного и официально признанного русского царя. В июне 1611 года шведское командование заняло Новгород и между новгород-

скими властями и шведским королем Густавом-Адольфом был заключен договор. Согласно договору Новгород предусматривал избрание «великим князем Новгородского государства, а также Московского и Владимирского государств...», если они захотят присоединиться к Новгороду, одного из сыновей шведского короля, принца Карла-Филиппа. 23 июня 1611 года правительство Первого ополчения утвердило кандидатуру шведского королевича на Земском соборе. В Ярославле не могли не считаться с этим решением. В мае и июне 1612 года между новгородско-шведскими властями и Вторым ополчением велись долгие дипломатические переговоры, направленные на поиски решения, которое не связывало бы русскую сторону обязательствами, но в то же время и не рассорило бы со шведами. В тот момент русские и шведы имели общего врага — поляков, и это соображение следовало учитывать в первую очередь. Поэтому правительство Второго ополчения уклончиво отвечало, что Русская земля готова принять Карла-Филиппа, но прежде он должен прибыть в Новгород и принять православие. Истинные свои намерения правительство Второго ополчения скрывало. Позже руководители ополчения признавались: «Тово у нас и на уме нет, чтоб нам взяти иноземца на Московское государство; а что мы с вами (новгородскими посланниками. — *А. М.*) ссылались из Ярославля, и мы ссылались для тово, чтобы нам в те поры не помешали, бояся тово, чтобы не пошли в Поморские городы».

Возникала и еще одна кандидатура — эрцгерцога Максимилиана, брата австрийского императора.

Среди всех кандидатур формальной властью обладал только Владислав. От его имени чеканилась монета и писались указы, его именем осуществлялась власть в части государства, остававшейся под управлением «семибоярщины». Не следует забывать, что в лагере под Смоленском представительное «Великое посольство» во главе с наиболее авторитетными полномочными делегатами Боярской думы вели переговоры с Сигизмундом III об условиях оформления династической унии. Фактически единственным, хотя и очень серьезным, препятствием на пути осуществления унии стало упорное нежелание польской стороны дать согласие на крещение королевича в православную веру и отпустить в Москву.

Можно предположить, что, выпуская монеты с именем Владислава, ярославское правительство в известной

мере декларировало свою готовность разрешить династический кризис мирным путем. Но скорее всего выпуск монет с именем Владислава следует рассматривать как дипломатическую хитрость. По внешнему виду ярославские и московские копейки Владислава были похожи — на лицевой стороне у тех и других не помещалось никакого знака, надписи на оборотных сторонах стилистически мало различались. Поскольку выпуск московских копеек с именем Владислава летом 1612 года был очень незначителен, к тому же вес их неуклонно понижался, подражавшие им ярославские копейки, имевшие стабильный вес четырехрублевой стопы, могли использоваться как аргумент для привлечения в свой лагерь сторонников из пропольского лагеря. Хорошее качество ярославских копеек с именем Владислава Жигимонтовича служило дополнительным доводом в пользу Второго ополчения, которое сумело обеспечить более качественный выпуск монет от имени царствующего лица.

ОСВОБОЖДЕНИЕ МОСКВЫ

Воинские силы Второго ополчения были довольно внушительны. Приблизительно десять тысяч составляли дворяне и дети боярские, служилые татары касимовские, казанские, сибирские и другие. Около трех тысяч — казаки и стрельцы. Значительную часть ратных людей составляли даточные — крестьяне и посадские люди, собранные по посошной разверстке. Всего войско насчитывало двадцать-тридцать тысяч человек. По составу своему это было, пожалуй, наиболее демократическое войско, объединенное общей национально-патриотической идеей. Недаром сидящие в Кремле шляхтичи с насмешкой советовали Пожарскому отпустить своих ратников «к сохам». По представлениям того времени, военное дело являлось привилегией господствующего класса. Крестьянам и горожанам, из которых в значительной степени состояло Второе ополчение, места среди них не было.

Войско Второго ополчения строилось не столько по социальному признаку, сколько в зависимости от состояния военной подготовки и боевых заслуг ратников. Принцип, предложенный К. Мининым, предусматривал деление всех ратных людей на четыре категории. Все категории получали разные денежные оклады. Поверстанные по первому разряду получали денежное жалованье

50 рублей в год, по второму — 45, по третьему — 40 и по четвертому — 30 рублей. Когда под Москвой Второе ополчение встретилось с остатками Первого ополчения, голодные и полураздетые ратники Трубецкого сказали о пришедших с завистью: «Они богатии пришли из Ярославля!»

Войско Минина и Пожарского подходило к столице с 3 по 20 августа. Свои укрепленные острожки и окопы они разместили «на-особицу» от казачьих отрядов, опасаясь дезорганизирующего влиянии стихии, царившей в казачьих таборах Первого ополчения.

22—24 августа 1612 года состоялась решающая битва за Москву с отрядом Ходкевича, который попытался прорваться на помощь к осажденному в Кремле гарнизону. Исход первого дня битвы решило вмешательство «самовольством» отрядов Трубецкого, в трудный момент переправившихся через реку Москву у Ново-Девичьего монастыря и поддержавших воинов Пожарского. Потерпев неудачу в прямой атаке, Ходкевич отвел свои силы, прикрывавшие обоз с продовольствием, к Донскому монастырю, чтобы пробиться к Кремлю через Замоскворечье. Бой возобновился 24 августа. Казаки Трубецкого ушли в свои таборы, и лишь агитация келаря Троице-Сергиева монастыря Авраамия Палицына, не только воззвавшего к патриотическим чувствам казаков, но и пообещавшего жалованье из монастырской казны, вернула их в ряды сражавшихся. Окончательный успех принесла атака отряда ополчения под личным командованием К. Минина, который потеснил силы гетмана у Крымского моста. 25 августа Ходкевич отошел на Смоленскую дорогу через Воробьевы горы и оттуда — к Вязьме. Провиант в Кремль так и не был доставлен.

Польский гарнизон не мог больше обороняться. Голод и болезни сократили численность его с трех тысяч до полутора. Надвигалась осень, и осажденные понимали, что зиму им не перенести. 22 октября был взят Китай-город.

Перед победителями открылась страшная картина. Летопись рассказывает: «Сиденье ж их бяше в Москве таково жестоко: не токмо людей побиваху и едяху, но и сами друг друга побиваху и едяху. Да не токмо живых людей побиваху, но и мертвых из земли роскопываху: как убо взяли Китай, то сами видехом очима своима, что многия тчаны насолены быша человечины».

Начались переговоры с «кремлевскими сидельцами».

Вначале были выпущены боярские жены «без позору», что вызвало возмущение воинства князя Трубецкого: «Казаки ж за то князь Дмитрия (Пожарского. — *А. М.*) хотяша убити, что грабить не дал боярынь». Затем выпустили бояр. 27 октября сдался и польский гарнизон.

1 ноября 1612 года в Москве состоялся торжественный крестный ход с благодарственным молебном в ознаменование освобождения от поляков.

ПЕРВЫЕ ШАГИ «УСТРОЕНИЯ» ЗЕМЛИ

В Москве образовалось временное правительство, во главе которого с сентября 1612 года встали «во единачестве» князья Д. М. Пожарский и Д. Т. Трубецкой. Оба воеводы соединили свои приказы и прочие административные учреждения и поставили их на нейтральном месте — «на Неглимне». Вся текущая административная работа велась от имени Пожарского и Трубецкого. Они представляли собой единственную реальную власть. Царь Василий Шуйский был умерщвлен 12 сентября 1612 года в Польше, в Гостынском замке. Эфемерная власть Владислава Жигимонтовича пала вместе с падением польского гарнизона.

Оставалось еще два претендента на русский престол — сам польский король Сигизмунд III и шведский королевич Карл-Филипп. Сигизмунд III, еще не ведая о катастрофе, постигшей польский гарнизон в Кремле, выступил в конце октября 1612 года в поход против Москвы. Он рассчитывал военной силой склонить Россию к признанию его власти. При подходе к Москве он послал главе Боярской думы Мстиславскому извещение, что отпустит Владислава в Москву, как только бояре пришлют ему послов для переговоров.

Победа Второго ополчения и освобождение Москвы от поляков свели на нет любую попытку польского короля возобновить возможность сговора. Династическая уния Речи Посполитой и России отошла в область преданий. На собственном опыте русские люди всех сословий убедились, что при помощи иноземцев, будь то поляки или шведы, порядок в стране установить нельзя, ибо иноземные помощники в первую очередь преследовали свои корыстные интересы. Рассчитывать следовало только на свои собственные силы.

Гонцы короля Сигизмунда III, явившиеся в Москву,

Монеты Московского временного Денежного Двора

были арестованы. Передовые отряды польского войска в то время стояли в Рузе, поэтому москвичи опять стали готовиться к обороне. Польские войска терпели неудачу за неудачей. Русское население отказывалось продавать провиант полякам, а войска ополчения наносили им сокрушительные удары. 27 ноября Сигизмунд III дал приказ об общем отступлении, и королевские войска отошли к Смоленску, который после падения стал для поляков основным опорным пунктом на русской территории.

Необходимость организовать военный отпор Сигизмунду III в ноябре 1612 года на короткий срок задержала организационную деятельность правительства Трубецкого и Пожарского. Главной задачей стало «устроение» земли — восстановление во всем объеме разрушенного государственного механизма и поиски достойной кандидатуры на русский трон. Но в этот момент перед правительством встала во весь рост иная, очень острая проблема: любыми средствами предотвратить взрыв недовольства вольных казаков, представлявших грозную социальную силу.

В Москве осенью 1612 года сосредоточивались воинские силы, состоявшие из земских дворян (около двух тысяч), стрельцов (около тысячи человек), казаков (четыре с половиной тысячи) и нескольких тысяч вооруженных стрельцов — москвичей. Надвигалась зима. Ополченцев нужно было обеспечить провиантом, теплой одеждой и зимними квартирами. Распустить ратных людей в тот момент было бы преждевременно. Поход Сигизмунда III в ноябре показал, насколько реальной оставалась военная угроза для столицы. Наибольшие опасения внушали казаки. В сущности, от их позиции зависела тогда судьба «устроения» земли.

Современники рассказывали: «И хожаше казаки в Москве толпами, где ни двинутся гулять в базар — человек по 20 или 30, а все вооружены, самовластны, а меньши человек 15 или десяти никако ж и не двинутся. От боярска же чина никто ж с ними въпреки глаголете не смеюще и на пути встретеиюще и бояр же в сторону воротяще от них, но токмо им главы свои поклоняюще».

Выплата жалованья всем «воинского чину» людям стала первоочередной заботой правительства ополчения. Но денег в казне и в кремлевских сокровищницах не было, а «которые деньги были в привозе, и те розданы рат-

ным людем на жалованье». Казаки стали требовать «у начальников» жалованье, не считаясь с тем, что они уже, по выражению летописи, «всю казну Московскую взяша». Между «начальниками» и казаками произошло вооруженное столкновение, в результате которого у «казаков немного государевой казны отняша».

Обстоятельства вынуждали земское правительство бросить все силы на разрешение финансовых вопросов. Путей для этого оказалось немного. Во-первых, начались энергичные розыски государственной казны, спрятанной во время пребывания поляков в Москве. О кремлевских сокровищах рассказывал польский посол Маскевич. Он писал, что казну эту бояре тщательно сохраняли в тайне от поляков, требующих выплаты жалованья: «Было чем заплатить из казны, но бояре не хотели трогать сокровища, необходимые для торжественного венчания королевича, коего с часу на час ожидали. Там хранились всякие вещи, употребляемые для коронации: царские одежды, утварь золотая и серебряная, драгоценные каменья, сверх того дорогие столы, осыпанные каменьями стулья, золотые обои, шитые ковры, жемчуг и многое тому подобное. Все это я видел собственными глазами».

Осенью 1612 года «возлюбленные друзья великого короля» — доверенные лица, стоявшие «у царской казны», казначей Федор Андронов, дьяки Тимофей Савинов, Степан Соловецкий, Иван Безобразов, Ефим Телепнев и другие — были арестованы и «под пытками» указали правительству ополчения место хранения всех драгоценностей: «драгоценного скипетра царя и великого князя Ивана Васильевича и двух драгоценных ожерелий... княгини Анастасии, матери благочестивейшего царя и великого князя Федора Ивановича всея Руси... Указали они и многие другие драгоценнейшие предметы... Итак, открытые посредством пытки деньги и сосуды положили в царскую ризницу и из этих денег много раздали воинам, и весь народ успокоился». (Не этот ли эпизод в конечном итоге спас жизнь и карьеру Ефиму Телепневу? Ведь его очень быстро освободили из-под «пристава», в то время как другие «друзья великого короля» почти все погибли от рук правительства ополчения. Не исключено, что именно Ефим Телепнев был главным осведомителем о местонахождении сокровищ, за что и был помилован. Во всяком случае, источники сообщают, что он сидел «за приставом» осенью 120 года,

а в 121 году, «после Московского очищения, много казны у него было описано».)

Другой путь успокоения ратных людей правительство видело в «разборе» казаков, служивших в ополчении. «Разбор» заключался в составлении «реестров» — списков, включавших всех казаков, участвовавших в воинских действиях. Благодаря этому регулярное казачье войско образовывалось и отделялось от «беспорядочных отрядов», то есть грабительских казачьих шаек, бродивших по стране. «Старым казакам» выдавалось жалованье: по 8 рублей деньгами и «сукнами» на человека. Получение жалованья юридически закрепляло казаков на государственной службе и давало право на казенное обеспечение. В число казаков вошли и те участники крестьянской войны и освободительного движения, которые были беглыми крестьянами. Тем самым они попадали в новое сословие, получали разрешение строить себе дома и жить в Москве или других городах с правом не платить в течение двух лет долгов и других податей. Исключалась возможность возвращения их в крепостную зависимость от прежних владельцев.

Единовременная выдача жалованья дворянам и казакам потребовала всех запасов наличных денег. Деньги следовало получать с денежных дворов государства. Из них в конце 1612 года реально действующим являлся только Ярославский. Московский двор после «московского освобожденья» работать не мог. Все деревянные строения, а также лавки, столы, перегородки были сожжены в печах и на кострах осажденными, спасавшимися таким образом от холода. В таком же состоянии были помещения других приказов, располагавшихся на территории Кремля. Даже спустя полгода после освобождения Москвы в Кремле, по словам бояр, «палаты и хоромы все без крова, мостов, лавок, дверей и окошек нет, надобно делать все новое, а лесу пригодного скоро не добыть». Все силы направились в первую очередь на восстановление того приказа, который в тот момент казался правительству наиболее важным. Это была Серебряная палата, где должны были готовиться предметы царского облачения и царского достоинства к предстоящему царскому венчанию. Туда доставляли «лес на мосты и на скамейки и на лавки..., на чем делати серебряным мастерам золотые и серебряные дела, что старые места и чюланы из Серебряной палаты выношены, а также для воротов волочильных».

Разумеется, восстановление Московского денежного двора тоже относилось к числу первоочередных задач. По всей видимости, его реанимация началась в те же осенние месяцы 1612 года. Но судя по монетам Михаила Федоровича, чеканка которых началась либо в конце 1613 года, либо в начале 1614-го (речь идет о чекане Московского двора), восстановление двора было одновременно и его реконструкцией. Монетная продукция 1613—1614 годов качественно отличалась от предыдущих выпусков. За этим стояли и расширение территории двора, и увеличение его производственных мощностей, и усовершенствование орудий чеканки, и какие-то улучшения технологии. Для столь обширного объема работ по восстановлению и реконструкции двора нужно было время, а деньги требовались немедленно.

Выход был найден в создании временного денежного двора в Москве. Пока нам неизвестно место его расположения, но знаком, которым временный Московский двор метил свою продукцию, стала монограмма М/о — традиционный московский знак.

Опять перед организаторами чеканки встал вопрос — какое имя помещать на монетах, на чье царское имя выпускать копейки? Так как вопрос с царской кандидатурой по-прежнему не был еще решен, пришлось оставить в силе принцип оформления монет, принятый в Ярославле — на монетах временного двора ставить имя Федора Ивановича, последнего Рюриковича.

Видимо, с октября или ноября 1612 года начался выпуск копеек временного Московского двора с именем Федора Ивановича и со знаком М/о на лицевой стороне. Эти монеты очень непрезентабельны на вид, хотя следует признать, что маточники, изготовленные для их чеканки, отличались завидной прочностью. До марта 1613 года на денежном дворе обходились одной парой маточников. Первый выпуск монет Московского временного двора — копеек со знаком М/о и с именем Федора Ивановича — продолжался около четырех-пяти месяцев. От этого времени дошло довольно значительное количество копеек, что говорит об интенсивности чеканки. Но если технические качества маточника были на высоком уровне, то художественное его оформление оставляло желать лучшего. Неумелый, неряшливый рисунок, небрежная размашистая надпись выдает руку непрофессионала. На-

до полагать, если маточники готовили профессиональные мастера, в обязанность которых входила отливка и закалка металла, то рисунок и изображение резал какой-то дилетант. Оформление первой пары маточников временного Московского денежного двора было, видимо, его «пробой пера».

Очень интересно проследить колебания весовой нормы самого раннего выпуска копеек временного двора. По первому впечатлению она кажется совершенно хаотической, однако, если внимательно к ней приглядеться, можно убедиться, что временный двор в Москве начал с попытки вернуться к чеканке по 340 копеек из гривенки (весовая норма 0,60, или 3,5 почки), с чего начал свой выпуск Ярославский денежный двор весной 1612 года. Но попытка не удалась, и пришлось вернуться к четырехрублевой стопе (0,51 грамма — 3 почки). По этой стопе временный Московский денежный двор чеканил копейки вплоть до конца своего существования.

Ярославский денежный двор продолжал работать после выхода из Ярославля военных сил и освобождения Москвы от поляков. Здесь чеканили копейки с именем Федора Ивановича, тоже по четырехрублевой стопе. Чеканка монет от имени Владислава Жигимонтовича оказалась кратковременным эпизодом. Но новые обстоятельства наложили свой отпечаток на ярославскую чеканку. Ярославские копейки лишились знака с/ЯР. Вместо него на одной из немногих сохранившихся копеек этого периода просматривается буква М; на другой монете, известной пока в единственном экземпляре, букв не видно, и можно различить только своеобразную скобку, которая помещалась в тех случаях, когда обозначалось или сокращенное слово, или дата. На двух других копейках нет никакого знака под конем, что было характерно для монет московского чекана. Таким образом, можно констатировать, что приблизительно с лета 1612 года на Ярославском денежном дворе знак с/ЯР был заменен знаком Московского денежного двора (буква М или отсутствие знака достоверно свидетельствуют об этом).

Осенью 1612 года после перерыва заработал и Псковский денежный двор. Псков полностью поддержал Второе ополчение и включился в общенациональное освободительное движение. Однако положение города оставалось очень неустойчивым, так как шведы не оставляли надежды захватить Псков и летом 1615 года осадили его. Чеканка монет в Пскове была недолгой — до нас

дошли всего четыре экземпляра. Эти монеты чеканились лицевым штемпелем времени Бориса Годунова, с буквами ПС на лицевой стороне; для оборотной стороны взяли оборотные маточники времени Федора Ивановича. Псковские монеты ополчения чеканены по стопе 340 копеек из гривенки.

Одновременная и слаженная работа трех денежных дворов — в Ярославле, во Пскове и временного двора в Москве — предполагает, что дворами, согласно практике предшествующего времени, должен был управлять единый центр. Видимо, после «московского очищенья» возобновил свою деятельность Денежный приказ. Это он организовал временный денежный двор в Москве, пока Кремлевский денежный двор восстанавливался и реконструировался, а лучшие «матошного дела резцы», среди которых находился и тот безвестный герой, вырезавший ярославские маточники, трудились над новыми совершенными маточниками, предназначенными открыть работу обновленного денежного двора. Судя по оформлению новых маточников, администрация Денежного приказа уже в 1612 году имела четкий план действий на ближайшие годы: маточники резко отличались от всех когда-либо готовившихся на Московском дворе. Это нужно было для того, чтобы облегчить процесс обмена старых копеек трехрублевой стопы на новые, четырехрублевой стопы. Денежный приказ принял в качестве постоянно действующей и законной новую четырехрублевую стопу осенью 1612 года.

Денежный приказ дал указание на Псковский денежный двор возобновить работу, определил выбор весовой нормы и тип оформления маточника.

По велению Денежного приказа на Ярославском дворе заменили знак с/ЯР на московский, что могло означать лишь то, что Денежный приказ рассматривал Ярославский двор как своего рода временный филиал Московского двора.

ДИНАСТИЯ РОМАНОВЫХ

7 января 1613 года собрался Земский собор в Москве. На соборе должны были утвердить кандидатуру русского царя. Выбирали из большого числа претендентов. Уже знакомые имена польского и шведского королевичей дополнились новыми, выдвинутыми различными боярскими и дворянскими группировками. Называли

Д. М. Пожарского, Д. Т. Трубецкого — руководителей ополчения, князя И. И. Шуйского — брата покойного царя, князей И. В. Голицына, Д. М. Черкасского, П. И. Пронского, М. Ф. Романова и других деятелей московского боярства, в том числе и сотрудничавших с интервентами. Ожесточенная борьба между конкурентами велась все те полтора месяца, пока заседал Земский собор. Особенно отличился князь Д. Т. Трубецкой. Он искал поддержки среди казачества, совершенно справедливо видя в них наиболее действенную силу, способную повлиять на решение государственных дел. Он устраивал щедрые застолья для казаков, «моля их, чтоб быти ему на Руси царем».

Но выбор пал на юного представителя фамилии Романовых Михаила Федоровича. Его поддержала влиятельная часть боярства и определенная часть дворянства. Не последнюю роль сыграло то обстоятельство, что отцом Михаила был патриарх Филарет (в миру Федор Никитич Романов), активный деятель времен Смуты. В момент выборов он томился в плену у Сигизмунда III, куда попал как член «Великого посольства». Именно Филарет по возвращении своем из Польши в 1619 году фактически возглавил правительство, ибо это был человек государственного ума, общественного темперамента и сильной воли. Но основным фактором, повлиявшим на выбор Михаила Романова, явилась поддержка казачества. По-видимому, сторонники Михаила Романова вели успешную агитацию среди казаков и посадского населения Москвы. На Лобном месте в Москве казачье войско принесло присягу новому царю. Возможно, здесь помогло и то, что отец Михаила, патриарх Филарет, был хорошо знаком казакам по Тушинскому лагерю.

Торжественное избрание Михаила Романова состоялось 21 февраля. 25 февраля 1613 года считается днем окончания истории Нижегородского ополчения и концом правления Трубецкого и Пожарского. Начиная с 26 февраля все делопроизводство велось уже «по государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси указу». Грамоты и монеты, чеканенные «на государево имя», должны были возвестить стране, что у нее наконец появился законный русский православный царь с родословной, удовлетворяющей ревнителей чистоты «царского корени».

Михаил Федорович с матерью добрались до столицы к лету 1613 года. «Царь же государь и великий князь

Михайло Федорович всеа Русии прииде под Москву. Людие же Московского государства встречаша ево с хлебами за городом со крестами. И прииде же государь к Москве на свой царский престол в лето 7121 году после Велика дня на другое воскресение Святых жен мироносиц». 11 июля по старому стилю состоялось венчание на царство в Успенском соборе Кремля.

Между Земским собором, остановившимся на кандидатуре Михаила Романова, и венчанием его на царство прошло около пяти месяцев. По существующей практике денежного дела, массовый выпуск монет с именем нового царя должен был начаться после коронации. Но обстоятельства, сложившиеся в государстве в 1613 году, вряд ли давали возможность строго следовать всем правилам. На первое место, видимо, в тот период надо было поставить выполнение задачи психологического воздействия на население государства. Возникала срочная необходимость оповестить жителей Московского государства о долгожданном и выстраданном ими событии: появлении на русском престоле законного государя.

Но как осуществить эту сложную тогда задачу на обширной территории России, где давно перестал нормально функционировать государственный аппарат, нарушились административные связи, а по дорогам безнаказанно рыскали шайки грабителей и насильников? Пожалуй, единственным верным способом здесь могли стать только монеты с именем нового государя всея Руси. Торговля, которая не замирала в государстве даже в самые трудные времена, разносила бы с монетами весть по всей стране в самые отдаленные уголки, куда не могли дойти царские грамоты. Жалованье, выплаченное новыми копейками, вселяло бы надежды служилым людям на обеспеченное будущее и отвращало бы их от разбоя. И опять, говоря современным языком, в этот переломный, решающий момент монеты выступали в роли пропагандистов и организаторов.

Исходя из подобных соображений, невозможно было бы дожидаться наступления дня венчания на царство, чтобы начать чеканку монет с именем Михаила Федоровича. Использование имени Федора Ивановича, столь успешно послужившего ярославскому чекану, в новых условиях, видимо, представлялось неэффективным. После Земского собора, провозгласившего в феврале 1613 года имя избранника, следовало исключить всякие разночтения в выборе царского имени. Поэтому чеканка мо-

нет с именем Михаила Федоровича началась задолго до царского венчания, вскоре после февральского события, на двух временных дворах — Московском и Ярославском.

Эти денежные дворы обязывались оперативно выполнить заказ на изготовление оборотных маточников с именем царя и великого князя Михаила Федоровича всея Руси. Такой же приказ был дан и на Псковский двор. Приказ этот выполнялся со всей скоростью, на какую была способна тогдашняя технология денежного производства.

В Ярославле вырезали два маточника с именем Михаила Федоровича. На изготовление лицевых уже не было времени, и для чеканки использовали старый маточник без букв, лишь слегка подправили стершиеся детали. А на штемпелях, снятых с этого маточника, поместили или слово «Москва», разбитое на две части, или букву М. На многих штемпелях перед изображением государя-ездеца поместили букву О — осподарь.

В Москве те же не слишком умелые мастера (или мастер) вырезали два новых оборотных и два новых лицевых маточника, один из которых имел под конем букву М и О перед всадником. Видимо, сочетание знака денежного двора со словом «осподарь» в его сокращенном написании (буква О) соответствовало канонам парадного, торжественного оформления монеты, утвердившегося еще в 1600 году при Борисе Годунове.

Не исключено, что именно эти копейки предназначались для чина царского венчания в июле 1613 года. По обычаю, царя должны были осыпать золотыми. При венчании на царство Михаила такая миссия возлагалась на боярина князя Мстиславского. Но где было взять золотые в разоренной Москве летом 1613 года? Не заменили ли их специально отчеканенные коронационные копейки (с сокращенным написанием слова «осподарь»)?

Оборотный маточник с именем Михаила в Пскове был вырезан в единственном числе. Когда-то маточники для Новгородского и Псковского дворов или готовили в Москве и присылали их, чтобы уже на месте снять с них чеканы и чеканить ими монеты, или, оставив маточник в Москве, высылали чеканы. Теперь, по всей видимости, псковичам самим пришлось резать маточники. Сделали они это не слишком искусно, но сам маточник оказался прочным — он использовался еще около десяти лет. Для изготовления лицевого маточника в Пскове не остава-

лось уже ни времени, ни мастера. Поэтому первая псковская копейка Михаила имеет довольно курьезный вид — для лицевой ее стороны использовали наиболее широко известный маточник времени Бориса Годунова с буквами ПСРЗ (1599 года). Но времени на выпуск и этих копеек Псковскому двору не было отпущено. Военное положение Пскова ухудшалось с каждым днем. Москва оказалась еще не в силах защитить город. Чеканку пришлось прекратить. До нас дошла единственная копейка, чеканенная в Пскове весной 1613 года, вскоре после провозглашения царем Михаила Федоровича Романова.

Ярославские, московские и псковские копейки чеканились по четырехрублевой стопе.

Новые копейки снабжали русское денежное обращение вплоть до конца 1613 года. Этими монетами заплатили жалованье казакам и дворянам. Внутренняя торговля разнесла новые монеты по стране. Клады с монетами Михаила Федоровича, чеканенными на временных дворах в Ярославле и в Москве, встречены в Вологодской и Архангельской областях, в Костроме и Подмосковье. Выпуски их были довольно обильны, хотя они, конечно, не идут ни в какое сравнение с той массой копеек, которую выпустил Московский денежный двор после его восстановления.

Московский временный двор работал вплоть до самого открытия восстановленного и реконструированного денежного двора в Кремле. «Снасти» — маточники и чеканы с временного двора — использовались в работе Кремлевского двора в 1614 году довольно интенсивно, несмотря на их внешнюю неказистость. Копейки, чеканенные при помощи «снастей» временного Московского двора, резко отличаются от нарядных, четких, безупречно отчеканенных первых выпусков Московского двора 1613—1617 годов.

Судьба Ярославского денежного двора при Михаиле Федоровиче очень загадочна. Сохранилась челобитная одного из мастеров этого двора — «бойца» (мастера, готовящего заготовки из проволоки) Максимки Юрьева. В мае 1613 года он написал жалобу в Москву: «По твоему государеву указу велено из Ерославля Денежный двор перевести к Москве и мы, холопи твои, прибрели сюда же к Москве з женишком и детишками и волочюся меж двор и помираю голодной смертью. Милостивый государь царь... смилуйся, госу-

дарь, пожалуй меня, холопа своего, вели, государь, мне быти у своево государева дела на Денежном дворе в бойцех по прежнему, штоб я, холоп твой, волочася меж двор, вконец не погиб и голодною смертью не умер и твоей б царской службы не отбыл». Прошение было подано в Челобитный приказ — место, куда поступали различные жалобы и просьбы. Дьяк Челобитного приказа передал челобитную руководителю Печатного приказа Ефиму Телепневу и дьяку И. Мизинову: «Государь... пожаловал, будет надобен, велел ему быть». Из пометы следовало, что в мае еще не возникла надобность в дополнительных рабочих на Московском дворе. Но в ноябре того же года Кремлевский двор уже работал. Значит, между маем и ноябрем 1613 года Ярославский двор закрыли. Собственно, он был не закрыт, а переведен в Москву — лишнее доказательство, что с осени 1612 года этот двор стал рассматриваться как филиал Московского. Однако никаких следов использования «снастей» Ярославского двора в чекане последующих лет не сохранилось. «Перевод», видимо, заключался в передаче Московскому двору запасов серебра и, возможно, какого-то количества денежных мастеров.

Временные денежные дворы в Ярославле и Москве выполнили свое целевое назначение. Они обеспечили массовый выпуск монет для выплаты жалованья в 1612—1613 годах, способствовали успокоению мятежных элементов русского общества, создали возможность для созыва и проведения Земского собора. Деятельность временных дворов дала возможность полностью восстановить Московский денежный двор в Кремле, с более совершенными, чем в предшествующие годы, организацией и оснащением. Но особо следует отметить ту огромную роль, которую сыграл Ярославский двор в деле организации национально-освободительной борьбы против интервентов.

ЗАВЕРШЕНИЕ СМУТЫ И МОНЕТНЫЕ КЛАДЫ

Хотя с 1613 года в стране правил законный царь Михаил Федорович Романов и положение новой династии укреплялось, восстанавливалась систематическая деятельность государственных институтов, взбаламученное гражданской войной население постепенно возвращалось на прежние места жительства, хотя в стра-

не налаживалась внутренняя и внешняя торговля, полной стабилизации не было до 1618 года. Этот год принято считать завершающей датой Смутного времени. А пока в руках шведов оставались Новгородско-Псковский край, Заонежские и Лопские погосты. Новгород стал центром шведской оккупированной территории, а с 1615 года шведы окружили Псков, и началась долговременная осада города. В 1614 году шведы захватили Олонец, расположенный на пути в Швецию и имевший важное стратегическое значение. Освободительное движение заставило шведов оставить Олонец и южные заонежские погосты.

Во время осады Москвы и после ее освобождения отряды поляков и бывших тушинцев устремились на север, в Поморье, где они принялись грабить местное население. В 1612 году они захватили и разграбили Белозерск, бесчинствовали в окрестностях Кирилло-Белозерского монастыря. В сентябре жестоко разгромили Вологду. Затем польско-казацкие отряды грабили в Чарондском округе и штурмовали Каргополь. 22 января 1613 года был взят и разграблен Солигалич. От Устюга Великого их удалось отбросить и оттеснить к Галичу. В 1613 году отряды «шишей» оказались на юге Заонежья, где особенно пострадали Вытегорский и Андомский округа. В конце концов под угрозой оказался Архангельск. Польско-казачьи отряды осадили Холмогоры. Не взяв города, часть отрядов отправилась грабить на Вагу, а другая часть разорила Николо-Корельский монастырь наподалеку от Архангельска, посады Неноксу, Луду, Уну. Потерпев поражение под Сумским острогом, они ушли в Заонежские погосты.

Бесчинства польско-казачьих отрядов на Севере оставили след не только в письменных источниках. Об этих горестных страницах истории края рассказывают также нумизматические памятники. Клады из Костромской, Вологодской, Архангельской областей, датированные 1612—1614 годами, зарыты в большинстве случаев местными жителями ввиду приближения разбойничьих отрядов. Клады были так и не востребованы, ибо владельцы их погибли от рук грабителей. Большой клад, насчитывающий около 40 рублей, нашли на окраине Солигалича, и подборка монет этого клада позволяет связать его захоронение с взятием и разграблением города 22 января 1613 года. Другой клад, размером более 10 рублей, найденный под Вологдой, несомненно

имеет связь с захватом Вологды в сентябре 1612 года. Огромный клад, около 10—12 тысяч монет, был найден в южной части Архангельской области, по пути к Вологде (до нас дошла только часть клада), два клада (17 с лишним и 22 рубля) — в Костроме. Из известных нам 19 кладов, зарытых в 1612—1614 годах, на долю Поморья приходится пять; три клада происходят из Новгородской земли. Остальные 11 кладов сосредоточены вокруг Москвы (в городах Звенигороде, Загорске, Бронницах, окрестностях Коломны и ближнем Подмосковье). Клады встречены также в Калужской, Тульской, Рязанской и Тамбовской областях.

Сохранившиеся клады относительно невелики по размерам — в среднем суммы их составляют 10—20 рублей. Есть и клады-гиганты — уже упомянутый клад из южной части Архангельской области в 10—12 тысяч экземпляров и клады из 4058 экземпляров (Солигалич), из 6684 экземпляров (Новгород). Видимо, те клады, которые насчитывали 10—20 рублей, оставили в большинстве своем ратные люди, получившие жалованье от новой династии. Размещение находок показывает, что это могли быть дворяне городовые из областей, расположенных главным образом к югу от Москвы и в районе Костромы. Самые же крупные по размеру клады, наверное, следует определить как казенные суммы. Восстановленный в 1613—1614 годах фискальный аппарат усиленно собирал с населения различные сборы — и недоимки за прошлые годы, и новые, чрезвычайные налоги — так называемые пятинные и запросные деньги. Скорее всего суммы, составлявшие несколько десятков или сотен рублей, были деньгами, собранными, но не довезенными до Москвы. Спрятав деньги в минуту военной опасности, сборщики погибали от рук насильников, а казна так и недосчитывалась денежных сборов с ряда дальних волостей и погостов. За каждым из этих кладов угадывается трагическая судьба государева служилого человека, который верой и правдой служил своему делу и погибал, охраняя царскую казну.

Помимо шведов, на русском Севере пытались утвердиться также англичане и датчане. Рассказ о них заслуживает отдельной главы.

Глава 9

ИНОЗЕМЦЫ НА РУССКОМ СЕВЕРЕ

МОСКОВСКАЯ АНГЛИЙСКАЯ КОМПАНИЯ В 1613—1617 ГОДАХ

Английское купечество, связанное с русским рынком еще со времен Ивана Грозного, когда под его покровительством возникла Московская компания английских купцов, действовало во время Смуты очень осторожно. Московская компания до 80-х годов XVI века занимала монопольное положение в русской внешней торговле. Пользуясь личным покровительством Ивана Грозного, она имела такие привилегии, о которых не могли и мечтать другие западноевропейские купцы. Англичане были единственными, допущенными к русскому денежному делу. Они получили право чеканить монету — русские копейки — из собственного серебра на всех русских де-

нежных дворах (1569 год). Другие купцы, включая и русских, сдавали на денежные дворы ефимки из расчета 36—37 копеек за ефимок, в то время как при перечеканке из каждого ефимка выходило несколько большее количество. Англичане получали на руки эту сумму почти полностью; привилегия освобождала их от уплаты пошлин. Они платили лишь ничтожную сумму «за уголье и мастером за дело». Лишенные привилегии на чеканку из своего серебра после Ливонской войны, англичане отважились чеканить «воровские» копейки, подражающие русским копейкам Ивана IV и Федора Ивановича.

Этой рискованной операцией англичане занимались до Тявзинского мира 1595 года. После него условия русской внешней торговли несколько улучшились и необходимость чеканки «воровских» копеек отпала. Однако монопольное положение англичан на русском рынке было нарушено. Их стали теснить голландцы, французы и купцы стран Балтийского региона.

Смутное время в России показалось предприимчивым английским купцам удачным сплетением обстоятельств, благодаря которым можно было бы не только восстановить прежнее положение Англии на внешнем рынке России, но и пойти значительно дальше — захватить русский Север и овладеть Волжским путем на Каспий.

В 1609 году Томас Чемберлен представил проект английской интервенции в России. Он писал королю Якобу I: «Довольно известно, в каком жалком и бедственном положении находится народ Московии последние 8 или 9 лет... Большая часть страны, прилегающая к Польше, разорена, выжжена и занята поляками. Другую часть со стороны Швеции захватили и удерживают шведы под предлогом оказания помощи». Поэтому, писал далее автор проекта, следует воспользоваться сложившейся ситуацией и захватить русский Север: «Эта часть России, которая еще более всех отдалена от опасности как поляков, так и шведов, есть также самая выгодная для нас и самая удобная для торговли... Россия... должна стать складом восточных товаров Англии». Обсуждались также планы захвата «богатейшего в мире места» — Соловецкого монастыря на Белом море.

Англичане предложили русскому правительству помощь вооруженными силами, чтобы под удобным предлогом вмешаться в русские дела. 24 июня 1612 года в

Архангельск прибыла группа английских наемников. Их представитель Яков Шав отправился в лагерь Д. М. Пожарского, чтобы договориться об условиях оказания помощи. Однако после свидания с Пожарским, состоявшегося в августе того же года, Яков Шав вернулся ни с чем. Правительство ополчения решительно отказалось от английской военной помощи и, более того, приказало прибывшим наемникам покинуть русскую территорию.

В течение 1612—1613 годов английский король через представителей Московской английской компании предпринимал осторожные шаги с целью вмешательства в русские дела под любым предлогом. Но фактически английским представителям предоставилась возможность вмешательства тогда, когда самые тяжелые для России времена были уже позади. Англичане выступили посредниками, своего рода третейскими судьями, в переговорах между шведами и новым правительством Михаила Федоровича об условиях возвращения Новгорода России (1615—1617 годы).

За посредничество при переговорах английский посол получил от русских богатые подарки; современники перечисляют их: «золотой кафтан, обшитый лучшим собольим мехом, ценою в пятьсот рублей, к нему высокую черную шапку лисьего меха, пятьдесят прекрасных собольих шкурок, пять тысяч беличьих шкурок, золотую цепь в шестьсот крон и чашу из золота, украшенную рубинами и сапфирами».

ШВЕДЫ В НОВГОРОДЕ ВЕЛИКОМ

Шведы вошли в Новгород 16 июня 1611 года. Опираясь на поддержку новгородской верхушки и прямую помощь воеводы Василия Бутурлина, присланного в Новгород правительством Первого ополчения, они заняли город без сопротивления. В 1611 году шведы казались единственной силой, способной противостоять полякам, практически подчинившим Русское государство.

Вскоре после оккупации Новгорода между шведским военным командованием, представлявшим короля Густава-Адольфа, и новгородскими властями был заключен договор. По этому договору Швеция устанавливала протекторат над Новгородом. Власть в городе передавалась шведским военачальникам Якову Делагарди («боярину большому и ратному воеводе Якову Пунтосовичу Делагарди»), Эверту Горну («боярину и ратно-

му воеводе Эверт Карлусовичу Горну»), а также боярину и воеводе Ивану Никитичу Большому-Одоевскому и дьяку («секретарю») Монше Мартыновичу. В число городских властей входил также митрополит Исидор. Договор предусматривал приглашение на русский престол одного из сыновей короля — королевича Карла-Филиппа. До момента венчания удерживался военный протекторат Швеции над Новгородом с сохранением всех особенностей внутриполитического устройства города. Договор шведов с Новгородом предоставлял возможность присоединиться к нему «Владимирского и Московского государства всякого звания людям». В случае их отказа Новгород оставлял за собой право решать свою судьбу самостоятельно. Это был договор о мире и союзе, направленный против Польши.

Правительство Первого ополчения утвердило договор на Земском соборе, состоявшемся 23 июня 1611 года, тем самым приняв обязательство признать шведского претендента на русский престол. Спустя некоторое время русская и шведская стороны обязывались начать совместные действия против поляков и Псковского вора «Сидорки», а Делагарди должен был очистить оккупированные к 1611 году города Ям, Копорье, Гдов, Ивангород и вернуть их в состав Русского государства. В качестве компенсации шведы получали Корелу с уездом и несколько Заневских погостов. В договоре специально оговаривалось, что шведы не должны вступать в Новгородскую землю («в Новгородской земле не стояти и пустошити ратным людям не велети»).

Руководители Второго ополчения были вынуждены подтвердить договор, ибо они тоже видели в шведах единственного и естественного союзника в борьбе против главного врага — Речи Посполитой. Князь Д. М. Пожарский выигрывал время, «чтоб не помешали немецкие люди (то есть шведы. — *А. М.*) идти на очищение Московского государства, а того у них и в душе не было, что взять на Московское государство иноземца».

После июня 1611 года на северо-западе Русского государства образовались две противоборствующие силы. Новгородцы стремились внести свою лепту в устроение расшатанного смутой Русского государства, опираясь на военную силу шведов, которых они рассматривали не как завоевателей, а как союзников. Им противостояли шведские власти, считавшие Новгород своей военной добычей и плацдармом для освоения и захвата всего

северо-запада России. Шведы мечтали о передаче Швеции коренных русских земель — Пскова, Гдова, Ижорской земли, южного Приладожья, Колы и всего Кольского полуострова, Сумы и Соловецкого монастыря, северной Карелии. В случае отказа принять на русский трон Карла-Филиппа в качестве компенсации шведы требовали уступки перечисленных территорий и сверх того — Архангельска, Холмогор, Порхова.

Весть об избрании на русский трон Михаила Романова изменила планы шведов. Начиная с 1613 года они стали склонять правящие круги Новгорода согласиться на унию «Новгородского государства» со Швецией и присягнуть не королевичу, а самому королю.

Шведские войска стали осуществлять планы военного захвата русского побережья Белого моря. Они попытались взять Холмогоры и Сумской острог, но попытка осталась безуспешной. Поднимающаяся партизанская война вскоре парализовала захватнические планы шведов. Все силы военных шведских отрядов уходили на подавление вооруженных выступлений и удержание в подчинении захваченных русских территорий. К 1615 году борьба русского населения против интервентов показала, что ни Новгород, ни Новгородскую землю шведы удержать не смогут. Летом 1615 года шведы сделали последнюю попытку: сам король Густав-Адольф лично возглавил войска, осадившие Псков. Трехмесячная осада оказалась безрезультатной. Это было последнее усилие решить военным путем русско-шведские отношения.

К осени 1615 года начались дипломатические переговоры между правительствами Швеции и России. Переговоры длились более года и проходили на фоне все усиливающейся национально-освободительной борьбы населения Новгородской земли. Новгородцы стремились объединиться с остальной частью России, где медленно, но неуклонно шел процесс «устроения» земли после Смуты.

НОВГОРОДСКИЙ ДЕНЕЖНЫЙ ДВОР В ГОДЫ ОККУПАЦИИ

Овладев Новгородом, шведы, разумеется, воспользовались тем, что в городе работал денежный двор. Оккупанты застали его «на ходу». Сохранившиеся книги Новгородского денежного двора показали, что накануне шведского «взятия» здесь начался один из обычных

денежных переделов. Закончился он уже после утверждения в городе шведской власти.

Условия договора новгородских властей и шведов требовали оставления незыблемым всего внутреннего городского устройства. Это означало сохранение того вида и веса монет, которые чеканились до прихода шведов.

Тем не менее шведы не могли допустить, чтобы на монетах, чеканенных в городе, находящемся под шведским протекторатом, появилось имя Владислава Жигимонтовича. Это было политически не оправдано — ведь поляки были шведскими врагами и польский королевич на русском троне шведами не признавался. Имя собственного претендента — королевича Карла-Филиппа — до его коронации не могло появляться на монетах. Даже если бы шведы решились на такое нарушение норм средневекового права чеканки, они не могли не считаться с мнением новгородцев, вряд ли допустивших подобную бестактность. Шведы на первых порах пребывания в Новгороде очень старались не вызывать какого-либо неудовольствия со стороны новгородцев и в вопросе чеканки монет не могли не учитывать реакции жителей оккупированного города.

Единственно приемлемой политической фигурой в этот момент и для шведов, и для новгородцев оказался свергнутый русский царь Василий Иванович Шуйский. С ним шведский король Карл IX заключил в 1609 году договор о военной помощи, и захват Новгорода в 1611 году Швеция представляла как одно из условий выполнения договора. Василий Шуйский в это время находился в плену в Польше, и его имя стало для шведов и новгородцев своеобразным знаменем в борьбе за влияние на ход событий в Русском государстве.

Так как весовая норма и техника чеканки оставались неизменными, на Новгородском денежном дворе не стали резать новые «снасти». Среди старых лицевых и оборотных маточников времени Шуйского были выбраны наиболее подходящие, и чеканка началась.

Первым выпуском шведской оккупации стали копейки, лицевые и оборотные стороны которых были чеканены при помощи самой поздней пары маточников, употреблявшихся при Василии Шуйском в 1610 году. Копейки с буквами РІН, относящиеся к чекану Василия Шуйского 1610 года, и самые первые выпуски копеек, чеканенных во время шведской оккупации в 1611 году,

различить невозможно. И те и другие чеканились по одинаковой трехрублевой стопе.

Однако шведы недолго задержались на полноценной весовой норме. Понижение веса копеек в Москве заставило их сделать то же самое.

Историю чеканки монет при шведах на Новгородском денежном дворе можно изучать не только по монетам, но и по книгам Новгородского денежного двора, сохранившимся за 1611—1617 годы. Документы дали уникальную для русского денежного дела возможность изучить многие стороны денежного производства. Сохранением этих замечательных памятников история обязана шведам. Шведские военные власти, оставляя Новгород в 1617 году, вывезли с собой документацию денежного двора. Сейчас книги Новгородского денежного двора хранятся в государственном архиве в Стокгольме.

Эти книги задали нумизматам загадку, ответ на которую пришлось искать вовсе не в области нумизматики.

В книгах указано, что с 1611 или с 1612 годов и по 1615 год на Новгородском дворе копейки чеканились по 360 копеек из гривенки. Нормативный вес копейки при такой стопе должен составлять 0,57 грамма. Если принимать во внимание, что в мае — июне 1612 года между шведско-новгородскими властями и правительством Второго ополчения велись дипломатические переговоры и обе стороны не могли не быть осведомлены о такой важной стороне государственной деятельности, как чеканка копеек, то следует признать, что в Новгороде было известно и о чеканке в Ярославле монеты, и о той стопе, по которой монету чеканили. В Ярославле чеканили, как известно, по 340 копеек из гривенки. Такая же стопа соблюдалась в это время в Москве. Почему же в Новгороде выбрали столь нерациональное с точки зрения тогдашней метрологии число?

Ответ на этот вопрос можно получить, если вспомнить извечную борьбу Новгорода за свое особое положение среди городов России. Новгород Великий признал власть Москвы и вошел в состав Русского государства в 1478 году, но память о былой самостоятельности еще долго не покидала новгородцев. У них были все основания считать, что город их имеет право на особое положение среди прочих русских городов. За новгородскими амбициями стояла древняя история города, его положе-

ние как главных торговых ворот на Запад, богатства новгородского боярства и купечества. Новгородский сепаратизм проявлялся и в большом, и в малом. В частности, за Новгородом оставалось право самостоятельно вести дипломатические переговоры и вступать в договорные отношения с европейскими государствами. Проявлялся сепаратизм и в монетном деле.

Очень долго в знаке Новгородского денежного двора сохранялось полное название города — «Новгород Великий» — НВ. Лишь в 1603 году букву В убрали, и в обозначении города осталось урезанное, «непрестижное» название города — «Новгород» — Н. В 1611 году в «Новгородском государстве», надо полагать, сепаратистские настроения очень усилились. Одним из проявлений их в денежном деле был выбор при расчетах денежной стопы не общерусской денежно-весовой единицы — почки, с весом 0,17 грамма, а почки новгородской, в XV веке составлявшей величину около 0,20 грамма. Уменьшив вес копейки трехрублевой стопы тоже на половину почки, как это сделали в Москве и Ярославле, но почки не общерусской, а новгородской, здесь получили нормативый вес копейки, равный не 0,60 грамма, как в Москве и Ярославле, а 0,57—0,58 грамма, и стопу, равную не 340 копейкам из гривенки, а 360.

Копейки, чеканенные по стопе 360 копеек с буквами PIH, хорошо знакомы нумизматам. По весу они выделяются среди копеек того же типа, чеканившихся при Шуйском по трехрублевой стопе. Вес — единственный показатель, по которому определяются копейки, чеканенные во время шведской оккупации в Новгороде в 1611—1615 годах.

В 1612—1613 годах в Новгороде был зарыт огромный клад. 6684 монеты распределили на три кубышки и спрятали под стенами Новгородского кремля. Самыми поздними в этом кладе являются копейки PIH, чеканенные по стопе 360 копеек из гривенки. Следовательно, клад был зарыт в самом начале шведской оккупации. Основную массу монет в нем составляют старые копейки трехрублевой стопы. Шведские легкие копейки представлены всего 155 экземплярами. Но пройдет еще два года, и в кладе, найденном в Мстинском районе Новгородской области, обычном сельском кладе, состоящем из 398 экземпляров, количество шведских легких копеек возрастет до 337 экземпляров (85 процентов от состава клада). Мстинский клад показал, каким стало денеж-

ное обращение через несколько лет шведской оккупации.

Копейки старого веса были изъяты у населения и переплавлены в новые, легкие шведские копейки. В 1615 году шведы резко изменили политику по отношению к новгородцам. Сказалось это и в денежном деле.

ЧЕКАНКА 1615—1617 ГОДОВ

К 1615 году произошли большие и важные перемены. В Москве утвердилась новая династия. Начался процесс восстановления и упрочения государственного порядка после событий Смутного времени. Польский король Сигизмунд III в 1612 году убедился, что вернуть утраченные позиции поляков во внутренней жизни Русского государства невозможно. Шведы начали понимать, что надежды на мирное включение Новгорода и северо-западных земель России в состав Шведского государства не оправдываются. Шведские гарнизоны требовали больших затрат на их содержание, а население все с большей неохотой кормило интервентов. Попытка принудить новгородцев присягнуть шведскому королю не удалась. Шведы убеждали их, что «Новгородское государство слишком мало, чтобы защитить его принцеву милость и себя самого». Новгородцы в ответ на эти увещевания «с великим шумом отказали, что им всем хотя помереть, а королю креста не целовать, а от Московского государства, от государя царя и великого князя Михаила Федоровича всея Руси отлученным не быть». У шведов не оставалось после такого ответа никаких иллюзий, а на удержание города оружием сил у Швеции в тот момент не было.

Начались дипломатические переговоры с Москвой. Инициативу взяли на себя новгородцы. В январе 1615 года в Москву из Новгорода направилось посольство Киприана с целью упросить московское правительство начать срочные переговоры о мире. Одновременно посольство везло тайную грамоту новгородцев, где они просили простить им прежние «вины». Посольство оказалось успешным. «Вины» новгородцам в Москве простили, и началась подготовка к переговорам.

Между тем в оккупированных шведами областях разгоралась партизанская война. Шведы перестали церемониться с местным населением. Грабежи и насилия порождали отпор. В 1615 году шведские военачальники — Делагарди, Горн и другие — написали королю,

что сельское население покинуло обжитые районы и снабжать продовольствием шведские гарнизоны стало очень трудно. Поэтому, заключали генералы, самым разумным выходом из создавшейся ситуации будет оставить Новгород. В начале 1616 года сам король объездил новгородские земли и убедился в правоте своих военачальников.

Работа Новгородского денежного двора продолжалась все эти годы. Надо отдать должное шведскому военному командованию — в течение 1612, 1613, и 1614 годов оно смогло удержать стабильную весовую норму из расчета 360 копеек из гривенки, хотя в Москве и Ярославле с осени 1612 года перешли к чеканке по четырехрублевой стопе. Причины такой «добропорядочности» шведских оккупантов лежали прежде всего в экономических возможностях Новгородского двора. Во время шведского присутствия новгородское купечество получило свободный доступ к балтийской торговле. Большие заказы на чеканку монеты поступали как от частных лиц, так и от военного шведского командования и самого главнокомандующего Якова Делагарди. Далее нужно учитывать, что новгородско-псковский ареал денежного обращения в годы оккупации оказался практически в полной изоляции, так как военные действия и партизанская война свели к 1615 году почти на нет торговые сношения Новгородской земли с остальными русскими городами. На новгородско-псковской территории пока обнаружены всего три клада времени шведской оккупации, причем состав их резко отличается от синхронных им кладов с других территорий Русского государства: они представлены фактически одними новгородскими или псковскими монетами. Зато мы не встречаем новгородских и псковских монет в кладах, зарытых за пределами территории, оккупированной шведами.

Изменение в 1615 году направленности шведской политики, то есть отказ от намерения мирным путем включить Новгород в состав Шведского королевства, немедленно сказалось на денежном деле. В марте 1615 года вес новгородской копейки снижается — из гривенки начинают чеканить не 360, а 390 копеек. Весовая норма копейки при такой чеканке составляла 0,52 грамма; он снизился по сравнению с весом копейки трехрублевой стопы на три четверти новгородской старой почки (около 0,15 грамма). Изменился и внешний вид копе-

ек — для лицевой стороны ее был использован старый лицевой маточник времени Лжедмитрия I с датой НРГI (Новгород 113=1605 год), для оборотной — старый оборотный маточник с именем Василия Ивановича.

В выпуске копеек, начиная с 1615 года, явственно сказалось новое отношение шведского командования к Новгороду. Во-первых, уже само сочетание датированного 1605 годом лицевого маточника с именем царя Василия Шуйского, который начал царствовать с 1606 года, свидетельствовало о небрежном отношении к чеканке и нежелании соблюдать хоть какие-то правила русского денежного дела. Во-вторых, вес их стал гораздо ниже нормативного и явно уменьшился не на три четверти, а на целых две старых новгородских почки (вес копеек при этом оказался равным не 0,52 грамма, что соответствовало бы норме, а 0,48 грамма).

И наконец, видимо в 1615 году, шведское командование обратилось к чеканке фальшивых монет. Фальшивые монеты эти были особого свойства. Извлечение выгоды из выпуска их основывалось на массовых операциях по выкупу старых копеек трехрублевой стопы. За них давались новые копейки четырехрублевой стопы. Все копейки, доселе находившиеся в обращении, несшие имена Ивана, Федора Ивановича, Бориса Федоровича, Дмитрия Ивановича, Василия Ивановича и даже Владислава Жигимонтовича, то есть копейки, чеканка которых происходила из расчета 300 копеек из гривенки, население обязывалось менять на новые, с именем Михаила Федоровича, чеканенные по четырехрублевой стопе. На руки сдатчики получали наддачу по 10 новых копеек на рубль старых. Операции по обмену происходили во всех городах Русского государства.

Когда весть об этом докатилась до Новгорода, здесь, как уже говорилось, уменьшили вес копеек, приблизив его к норме четырехрублевой стопы, и тоже начали обмен старых копеек на новые. Тогда же началась чеканка фальшивых копеек, подражавших монетам трехрублевой стопы. Чеканка велась на Новгородском денежном дворе, следовательно, ее никак нельзя отнести к «воровству» отдельных злоумышленников. «Воровскими» снастями была пара наново вырезанных маточников: лицевого с буквами ПС и оборотного с именем Дмитрия Ивановича, но с ними вместе в работе оказался старый новгородский оборотный маточник с именем Василия Ивановича. Это свидетельствует о том, что че-

канка фальшивых копеек велась с ведома и, видимо, по распоряжению официальных властей. Вес «воровских» копеек, конечно, стал намного ниже нормативного веса копеек трехрублевой стопы. Выгода от чеканки таких копеек была очевидна — легковесные копейки менялись на легковесные же, но с наддачей, согласно установившемуся порядку обмена старых копеек трехрублевой стопы на новые, четырехрублевой стопы. В казну шведского командования шла двойная прибыль.

ШВЕДСКИЕ «ВОРОВСКИЕ» КОПЕЙКИ

Но почему мы, собственно, так настойчиво повторяем, что инициаторами чеканки фальшивых копеек выступали шведы? Разве не могли бы заняться этим прибыльным делом сами денежные мастера новгородского двора? Однако есть веские доказательства, вполне отрицающие их причастность к денежному «воровству». Во-первых, на Новгородском денежном дворе шведы наладили строгий и неукоснительный контроль за чеканкой, который несколько разнился с формами контроля, принятыми на русских денежных дворах. Об этом свидетельствуют сохранившиеся книги новгородского двора за 1613—1617 годы. Когда Новгород в 1617 году был освобожден от шведской оккупации, в царском указе, направленном на Новгородский денежный двор, специально оговаривалось требование воссоздать прежнюю систему документации монетного производства. И во-вторых, мы имеем личное свидетельство короля Густава-Адольфа о пристальном внимании шведской власти к чеканке монет в Новгороде и недвусмысленные намеки на то, что из чеканки следует извлечь максимум прибыли.

Как известно, король Густав-Адольф находился в военном лагере, раскинувшемся под стенами осажденного Пскова. Сохранилось письмо короля от 28 июля 1615 года, направленное в Новгород, Якову Делагарди, и от 29 июля — шведскому казначейству в Стокгольм. В обоих письмах речь идет о чеканке монет на Новгородском денежном дворе.

В письме к Делагарди король просил прислать в лагерь под Псков с нарочным «несколько чеканенных в последнее время московских денег», а также те монеты, которые выпускались в это время «на монетных дворах Московии» и которые он намеревался «послать

а)
б)
Монеты чеканенные во время шведской оккупации Новгорода
„Воровские" копейки Нефедки "с товарищи"
Новгород

в Швецию как образцы». В следующем письме руководителю Государственного казначейства и Счетной конторы содержалась подробная инструкция относительно организации прибыли от чеканки копеек. Во-первых, давалось распоряжение о закупке «двух или трех бочек золота» («бочка золота» была счетным понятием, соответствующим 100 000 серебряных риксдалеров) для чеканки копеек. Необходимость наладить чеканку копеек в России объяснялась тем, что это даст возможность сократить расходы на содержание гарнизонов: «Мы можем с замечательной выгодой покрыть все расходы этими копейками». Копейки должны были чеканиться «из хороших риксдалеров» и должны быть «так же хороши или даже лучше тех, которые чеканят теперь в Москве». Выражалась надежда на то, что новые копейки, изготовленные шведами, найдут широкое применение «не только по всей России наравне с другими, но и в Польше, и в Литве, а также в Данциге, Риге и прочих приморских городах». Определялась цена копеек — 42 копейки за риксдалер (заметим сразу, соответствующая той, по какой в это время покупали талер — «ефимок» — в Москве).

Распоряжение короля о чеканке копеек, подражавших русским, было нарушением монопольного права царской власти на чеканку копеек. Король фактически отдавал приказание о массовом выпуске фальшивых денег. То обстоятельство, что они по качеству не только должны были оставаться такими же, как русские, но и «даже лучше тех, которые чеканят теперь в Москве», нисколько не меняло этого факта — чеканка копеек вне государевых денежных дворов считалась с точки зрения русских властей преступлением. Не меньшим преступлением против экономических законов Русского государства явилось стремление распространять эти копейки за пределами России — как известно, русская монета имела хождение строго в пределах Русского государства. Недопущение вывоза за границу драгоценных металлов в любой форме, в том числе и в виде монеты, было одним из краеугольных принципов политики меркантилизма, которой придерживалось русское правительство.

Нельзя сказать, чтобы король не понимал этого. Видимо, не случайно он просил в письме сохранить в тайне, что закупаемые талеры пойдут на чеканку монеты. Письмо короля содержало еще одно указание, вы-

сказанное в очень осторожной форме: не стесняться в выборе средств, позволявших максимально поднять доходы от чеканки. Письмо заключается пожеланием, «чтобы монетная чеканка производилась чем больше, тем лучше, тем большую выгоду мы будем иметь от нее. Так что мы надеемся, что получим то, что просим для Ставки, и сможем таким образом содержать в большинстве мест наши войска без особых вспоможений из Швеции. Но на все это требуется время и терпение. Так где же еще мы сможем найти подобные выгоды? И мы предоставляем вам все полномочия в настоящем деле, в чем подписываемся. Густав-Адольф».

Чеканка монет по стопе 390 копеек из гривенки в Новгороде, по данным книг Новгородского двора, зафиксирована в марте 1615 года. Письма короля датированы концом июля того же года. Вполне возможно, что именно после получения соответствующих инструкций шведские власти использовали предоставленные им полномочия в достижении максимальных доходов от чеканки и снизили нормативный вес копеек с 0,52 до 0,48 грамма (именно такую практическую весовую норму имеют копейки НРГI), а также приступили к выпуску копеек, подражавших выпускам монет трехрублевой стопы.

С начала 1616 года в селе Дедерино начались переговоры между русской и шведской сторонами при участии посредников — представителей Англии. Переговоры длились более года. Требования шведов постепенно снижались; в частности, сумма в 200 000 рублей, которую требовала шведская сторона с России, в конце концов превратилась в 20 000 рублей «деньгами готовыми, ходячими, безобманными серебряными новгородскими» (то есть копейками. — *А. М.*). В феврале 1617 года был заключен наконец Столбовский мир со Швецией. Шведы возвращали России Новгород, Старую Руссу, Порхов с уездами, Сумерскую волость и Ладогу; Гдов с уездом оставался еще некоторое время у шведов. Но в их руки переходила вся Ижорская земля с городами Ямом, Копорьем, Орешком, с русским побережьем Балтийского моря. К Швеции переходил правый берег реки Наровы с Ивангородом. Россия оказалась полностью отрезанной от Балтийского побережья. Перед русской торговлей на Западе появился прибалтийский барьер. Свободными оставались для русских купцов только побережье Баренцева и Белого морей.

Монопольное право на посредническую роль в русской торговле получали города Ревель, Рига, Нарва, Дерпт, Стокгольм, Выборг. В шведскую казну стали поступать значительные доходы от обложения всей балтийско-русской торговли.

Не довольствуясь теми долговременными прибылями, которые сулил шведской стороне Столбовский договор, шведы, как уже говорилось, получили единовременно в качестве контрибуции 20 000 рублей русскими деньгами. Но и этого показалось мало.

Ижорская земля, где торговые отношения были весьма развиты, перешла в шведское владение. Однако русское местное население не желало пользоваться иноземной монетой — шведскими риксдалерами и их фракциями, хотя было хорошо знакомо с ними как с одной из разновидностей товаров — монеты здесь продавали и покупали, как серебро. Выход шведы нашли самый простой. Они вывезли с Новгородского двора целую станицу — артель денежников во главе со старостой Нефедкой («Нефедку с товарищи») и заставили их чеканить русскую монету. Условия мирного договора предусматривали «никаких дел и книг и иного ничего не вывозить и людей сильно не вывозить». Шведы действительно оставили на денежном дворе все старые маточники в неприкосновенности (о чем свидетельствовала опись, составленная в 1617 году на Новгородском денежном дворе), но остальные условия договора беззастенчиво нарушили: вывезли людей, печать Новгорода Великого, документы. Естественно, они также вывезли с денежного двора все компрометирующие их улики: книги, затем оказавшиеся в Стокгольмском архиве, где они хранятся по настоящий день, и пару маточников, предназначенных для организации чеканки фальшивых копеек трехрублевой стопы. Так как в составе вывезенной станицы не оказалось резчика монетных чеканов, шведы захватили с собой чеканы, снятые с маточников, которыми непосредственно чеканили монеты. Чеканы были переделаны на имя Михаила Федоровича, и ими «Нефедка с товарищи» начали чеканить «в Свее» (в Швеции) деньги. Об этих незаконных действиях шведских властей говорилось во время прибытия посольства из Швеции, явившегося в Москву в 1618 году для ратификации Столбовского договора. «...Искони не бывало, что государю вашему денги чеканить в своем государстве великого государя нашего цар-

ского величества имянем, мимо своего королевского имяни», — заявили шведскому посольству. В Москве потребовали, чтобы «государь свейский Густав-Адольф король по договору полномочных своих послов Якова Делагарди с товарищи ноугороцкого государства печать и денежные чеканы и денежных мастеров и иные дела, что будет после договору из Великого Новагорода и из иных городов вывезено, сыскав, велеть прислать назад».

Однако требование о возвращении «Нефедки с товарищи» выполнено не было. Продукция мастера Нефедки широко распространялась не только по Ижорской земле, но и за пределами ее. В кладах монет XVII века очень часто встречаются неказистые, низкопробные и очень легкие копейки, подражающие московским, новгородским и псковским копейкам Михаила Федоровича. В кладе, датированном началом 40-х годов XVII века, из Пулкова Ленинградской области наглядно представлены все монеты, обслуживавшие денежное обращение Ижорской земли. Здесь встречены и шведские риксдалеры, и русские копейки времени Михаила Федоровича, и в очень большом количестве — шведские подделки, как времени оккупации Новгорода в 1611—1617 годах (копейки с именем Василия Ивановича и с буквами РІН НРГІ), так и копейки, чеканенные «Нефедкой с товарищи».

Денежное обращение северо-западной части Русского государства на протяжении всего XVII века было засорено многочисленными подделками.

ДАТЧАНЕ НА РУССКОМ СЕВЕРЕ

Одна из стран Балтийского региона, соперница Швеции на Балтике, Дания тоже выступила с далеко идущими планами проникновения на русский Север.

Россия, Дания и Швеция обладали спорной территорией на Кольском полуострове. Местное население — саами (или горные лапландцы) были вынуждены платить дань двум, а иногда и трем государствам. Споры о государственной принадлежности саамских погостов между тремя государствами обострились с 80-х годов XVI века, когда датское правительство, основываясь на праве сбора дани с части полуострова, стало требовать передачи в датское подданство всей территории. Рус-

ское правительство, в свою очередь, стало требовать передачи датской части — «Кончанской лопи». Конфликт из-за «Лопской земли» достиг особой силы в первые годы XVII века, когда датские власти в Варде перестали пропускать русских данщиков в «Мурманский конец», а русские власти приняли аналогичные меры в отношении датских данщиков. Для России острота конфликта усугублялась тем, что «Мурманский берег» после неудачного исхода Ливонской войны и потери прямого выхода на Балтику был наряду с Архангельском одним из важнейших пунктов, связывавших русскую торговлю с Западом. В годы Смуты шведская сторона попыталась завоевать и подчинить весь Кольский полуостров, но Швеции пришлось довольствоваться только Корелой с уездом. Героическая борьба русского населения Кольского полуострова не дала осуществиться планам шведских интервентов; даже полученную мирным, дипломатическим путем Корелу им пришлось добывать с оружием в руках.

Напряженные отношения на спорных территориях Кольского полуострова привели к тому, что сбор дани обоими государствами сохранялся лишь на небольшой территории трех пограничных погостов (Печенегского, Пазрецкого и Нявдемского). Еще с XIX века существует мнение, что в 1619 году для выплаты дани по разрешению русского правительства в Дании началась чеканка специальных денежных знаков — серебряных монет, по весу, внешнему виду и технике чеканки из проволоки полностью подражавших русским копейкам. Но в отличие от русских, эти монеты (они получили у нумизматов название «деннинги») имели имя не русского царя Михаила Федоровича, а датского короля Христиана IV. На части деннингов имя короля было написано на немецком языке готическим шрифтом (в переводе — «Всемилостливейший Христиан IV король Дании»), на другой части помещалась «русская легенда» — буквы фантастического алфавита, лишь отдаленно напоминавшего русский, составляли надпись следующего содержания: «Христианос шетира королас Деннмарк».

Никто из ученых-нумизматов особенно не задумывался — почему русское правительство, так ревниво относившееся к нарушению монопольного права на чеканку, вдруг пошло на такой беспрецедентный шаг, почему чеканка деннингов, коль скоро она была разре-

шена, возникла только в 1619 году, хотя острые конфликты между Россией и Данией по поводу «Лопской земли» не прекращались с XVI века, и, далее, почему датчане выбрали в качестве объекта копирования именно русские монеты, хотя с таким же успехом можно было подражать и датским монетам. Не сохранилось письменных источников, объясняющих мотивы чеканки деннингов. Объяснение необходимости их для обслуживания населения «Лопской земли», кажется, придумали сами нумизматы. Мы знаем лишь о существовании королевского указа от 5 апреля 1619 года датскому монетному мастеру Иоганну Посту отчеканить серию деннингов, по материалу и пробе «настолько похожих на русские образцы, что они могли бы пускаться в обращение как русские и быть ходовыми». Чеканить монету предполагалось из расчета 48 деннингов на талер и выпустить всего 72 000 монет. 7 июля 1619 года другой монетный мастер, Альберт Дионис, в Глюкштадте получил привилегию на откупную чеканку монет и в том числе — на чеканку деннингов.

Формулировка королевского указа о чеканке монет, настолько похожих на русские образцы, чтобы они могли пускаться в обращение и быть ходовыми, разительно напоминает формулировку письма шведского короля Густава-Адольфа от 29 июля 1615 года. Уже одно это заставляет думать, что инициаторы чеканки имели одинаковые исходные намерения и общую точку зрения на русские деньги как на удобный объект для различных манипуляций. Это же наблюдение позволяет с большим сомнением отнестись к принятой точке зрения на назначение деннингов.

Сложившаяся после 1613 года русская денежная система предполагала одновременное хождение монет различных весовых систем: трехрублевой и четырехрублевой стопы, а также всех промежуточных, возникавших в 1612—1617 годах. Интенсивный обмен старых денег на новые с наддачей, который осуществлялся русским правительством, имел целью очистить русское денежное обращение и насытить его однородной полноценной монетой. Другой задачей обмена было снабжение денежных дворов сырьем, очень легким в обработке — старые монеты не нуждались в очистке. Шведы, как уже говорилось, немедленно воспользовались возможностью наладить выпуск «воровских» легковесных копеек, подражавших старым монетам. На рынке сло-

жились разные цены на новые, легковесные, и старые, тяжеловесные, деньги, и этим обстоятельством шведские эмитенты воспользовались. Разумеется, была и еще очень существенная выгода от чеканки русских копеек: разница между количеством копеек, получавшихся из одного ефимка (их число колебалось в зависимости от качества серебра), и той ценой, которую платили за ефимок на русском рынке (36—37 копеек до 1612 года, 42 копейки в 1612—1613 годах, 48—50 копеек после 1613 года), шла в карман эмитентов, а не в русскую казну. Следует еще учитывать, что иностранные производители русских денег не очищали талерное серебро и талер не терял в весе при выгорании примесей. Простота технологии чеканки русских копеек стала их дополнительной привлекательной стороной, вполне оцененной интервентами, познакомившимися вплотную с русской денежной системой в годы Смуты. Видимо, не случайно ни поляки, ни шведы в Новгороде не пытались вносить сколько-нибудь кардинальные изменения в русское денежное дело, в глазах европейцев столь непривычное и архаичное.

Наверное, теми же соображениями довольствовались и датчане, организуя чеканку деннингов в 1619 году. Не исключено, что действия шведов в отношении «Нефедки с товарищи» послужили им примером. В отличие от шведов, датчане поручили чеканку королевским мастерам.

Но чем и как объяснить разрешение на чеканку деннингов, полученное от русского правительства? Хотя письменных документов, прямо разрешающих такую чеканку, пока не найдено, однако текст королевских указов не содержит никаких намеков на то, что чеканка носит тайный характер (как это прозвучало, в частности, в письмах шведского короля). Может быть, играло роль то, что на датских монетах стояло имя Христиана IV, сразу выделявшее их из русских копеек? Но в таком случае нуждается в объяснении разрешение обращения в России иноземной монеты, которой становились деннинги.

Эта загадка разъясняется датой начала чеканки деннингов — 1619 годом. Дело в том, что в Европе в 1618 году разразилась Тридцатилетняя война. В войну втянулись постепенно все страны Западной и Восточной Европы. Против стран габсбургско-католического лагеря — Габсбургской империи, Речи Посполитой —

выступили Англия, Франция, Голландия, Дания и Швеция. У русского правительства не имелось ни территориальных, ни династических споров со странами Европы, но внешнеполитическая ориентация ее определялась тем, что Империя была союзником Польши, главного врага Москвы. Однако, приняв сторону антигабсбургской коалиции, Россия не забывала о своих претензиях к Швеции, так прочно блокировавшей русскую торговлю на Балтике. В лице Дании, которая мечтала вытеснить Швецию с Балтики, Россия нашла естественного союзника. Впрочем, противоречия между Россией и Данией, вызванные лапландскими проблемами, никак не снимались. Когда в 1618 году Россия обратилась к Дании за денежной помощью в связи с войной с Польшей, Христиан IV ответил отказом, сославшись на то, что Дания и Польша живут постоянно в мире, Польша не отнимала у Дании земель, в то время как московские цари отняли у нее Лапландию. Но заинтересованность России в Дании оказалась более серьезной, чем территориальные споры. Отказаться от Лапландии Россия не могла — уже говорилось, что там проходил торговый путь через Колу на Мурманском берегу. О заинтересованности России в Дании говорят и последующие события. Когда в 1625 году Дания начала военные действия против Империи, Россия оказала ей существенную поддержку. Если Англия, Голландия и Франция поддерживали Данию денежными субсидиями, то Россия предоставила Дании право закупать по крайне низким ценам русский хлеб. Предоставление союзникам дешевого хлеба в условиях десятикратного повышения хлебных цен в Европе оказалось равносильным денежной помощи. Как только Дания вышла из войны в 1629 году, между Россией и Данией произошел разрыв.

Чеканку деннингов с 1619 года в Дании следует рассматривать также как одно из проявлений заинтересованности русского правительства в союзнике против Швеции на Балтике. Впрочем, русское правительство не было в полной мере бескорыстно, разрешая чеканку русско-датских монет, ибо она способствовала привлечению в страну драгоценных металлов. Имя датского короля на монете служило гарантией доброкачественности монет.

Однако иллюзии продолжались недолго.

Прошло немного времени — и датские монетные

мастера пошли по пути шведских фальсификаторов. Иоганн Пост в Копенгагене выпустил копейки с именем... Михаила Федоровича, впрочем, пометив под конем свои монеты буквой P — начальной буквой своего имени Post. А за ним пустился Альберт Дионис, который зашел гораздо дальше. Если Иоганн Пост ограничился выпуском копеек с именем Михаила и копейки его имели высокую пробу и вес, превышавший вес копеек четырехрублевой стопы, то Альберт Дионис начал чеканку копеек не только с именем Михаила, но и с именами Бориса, Дмитрия, Василия, а лицевые стороны монет отметил или знаком M, или набором букв HPCI, подражавшим новгородским монетам. Копейки Диониса были к тому же и по качеству серебра, и по весу значительно хуже копеек четырехрублевой стопы.

По времени выпуск деннингов связывается с одним любопытным эпизодом в истории торговых отношений России и Дании. Как уже говорилось, указ короля о начале чеканки деннингов в Копенгагене, адресованный монетному мастеру Иоганну Посту, датирован 5 апреля 1619 года, Альберту Дионису — 7 июля того же года. А в марте 1619 года в Копенгагене была образована торговая компания, в число членов которой наряду с видными копенгагенскими купцами входили и король Христиан IV, и монетный мастер Иоганн Пост. Компания намеревалась торговать на севере России без посредничества русских купцов; торговую факторию они хотели основать в районе Пустозерского острога на реке Печоре. В мае 1619 года король направил в Москву послание, где сообщалось: «Некоторые копенгагенские граждане намерены послать уполномоченного на Печору, чтобы завязать с окрестным краем торговые отношения». Король также сказал о намерении поставить на Печоре купеческий двор, учредить контору и просил русское правительство оказать датским купцам помощь и покровительство. Но экономическая политика правительства Михаила Федоровича преследовала прямо противоположные цели — не допускать на внутреннем рынке непосредственных торговых контактов иноземных купцов с местным населением, чтобы торговая прибыль не попадала только в руки иноземцев. Поэтому ответ королю от 12 июля 1619 года гласил: «В Печору с моря корабельного хода нет, место там пустое и пристани для пустоты и лихого проезду быть невозможно». Датским купцам предлагалось ездить в Ар-

хангельск и торговать там на общих основаниях с прочими иноземными купцами под контролем царской таможенной службы. Отказ царского правительства Печорская компания, видимо, сочла за благо понять буквально и решила опровергнуть страхи русских о невозможности устроить пристань на Печоре из-за «пустоты и лихого проезду». «На свой страх» датские купцы снарядили и послали суда на Печору, поставив во главе торговой экспедиции Климента Блума и английского наемника — «англичанина датской службы» Марледука (в русском варианте — Клим Юрьев и Матюшка). Об этом сообщено в письме короля от 2 октября 1619 года, а в ответном письме Михаила Федоровича русская сторона официально заявила, что снимает со своих людей ответственность за возможное несчастье с датскими торговыми людьми, которые на свой страх отправились в этот рейс. Действительно, как показала дальнейшая переписка (март 1620 года), судно датчан потерпело крушение. Датских торговых людей задержали, товары и все имущество описали. Товары согласно описи состояли из сукон, котлов, мелких металлических изделий, сушеной рыбы, железного дела, винных ягод, чернослива, мехов. По мнению царских чиновников, все имущество корабля нельзя было отнести к категории товаров — его сочли снаряжением экспедиции. Поэтому они сделали вывод, что Климент Блум и Марледук приходили на корабле без товаров в Пустозеро «как бы лазутчеством». К тому же Климент Блум провел зиму в Коле и говорил там «непригожие речи», а когда его отправили в Архангельск, он предъявил королевскую грамоту с неполным царским титулом. В июле 1621 года датчане были отправлены обратно в Данию, и царь Михаил Федорович просил больше «датских людей на Пустозеро впредь не пускать». В августе 1623 года в «Кильдим-остров и в Кольское становище» пришли 6 датских военных кораблей, которые стали грабить царскую казну, хлебные запасы и имущество частных людей «за Климов живот Юрьева». В оправдание своих действий король заявил, что эта военная экспедиция не смогла возместить всех убытков экспедиции Климента Блума, и потребовал «доплатить ему остальное».

Такова краткая история Печорской компании и ее неудачной попытки пробиться торговать на русский Север, минуя посредничество русских купцов. Со второй половины 20-х годов началась интенсивная торговля

русским хлебом с Данией в порядке субсидий со стороны русского правительства, и история с экспедицией Блума была забыта.

Чеканку в Дании русско-датских копеек с 1619 года, видимо, следует рассматривать в контексте всех событий первых десятилетий XVII века.

Может быть, предназначение русско-датских монет для денежного обращения Лапландии и разрешение русского правительства на их чеканку использовались предприимчивыми датскими купцами как благовидный предлог? Возможно, монеты с именем Христиана IV действительно направлялись в Лапландию. Но монеты с именами русских царей ожидала иная участь — они могли предназначаться специально для Печорской компании, намеревавшейся торговать в глубине России.

Существовала еще одна тонкость, которую следует обязательно учитывать при оценке попыток чеканить «русские» копейки зарубежными правительствами. С развитием колониальной торговли в странах Западной Европы получила распространение чеканка так называемых «токенов» — денег, специально предназначенных для колониальной торговли, подражающих туземным монетам, однако с существенными отличиями от них. Свои токены, например, чеканила знаменитая Ост-Индийская компания. Не исключено, что чеканку русско-датских копеек с именем Христиана IV следует относить к категории токенов, выпускавшихся датской Печорской компанией. Участие в компании таких высокопоставленных членов, как король, должно было способствовать разрешению эмиссии. Присутствие монетного мастера в числе компаньонов создавало реальные возможности для организации чеканки. Но если выпуск токенов с точки зрения международного права не являлся противозаконным актом, то этого нельзя сказать о выпуске монет, буквально копирующих денежные знаки чужой страны. Поэтому русское правительство могло дать свое разрешение на выпуск деннингов с именем Христиана IV; появление же в центрах русской внешней торговли — в Архангельске, Коле, Новгороде — копеек с именами русских царей, но чеканенных вне русских денежных дворов, должно было вызвать резкий протест русского правительства.

Так оно и случилось. В 1618 году русское правительство заявило протест членам шведского посольства Стенбука о недопустимости чеканки подделок под рус-

ские копейки русскими денежниками, насильно вывезенными в Швецию. А в 1620 году по торговым городам и в первую очередь — в Архангельск, центр русской торговли с Западной Европой — был разослан царский указ. В указе говорилось о появлении в Архангельске и других городах, где велась торговля с Западом («в украиных городах»), монет, которые привозят иноземные купцы. Эти деньги, сделанные «на русской московской чекан», иноземцы и давали за товары, и «променивали», то есть меняли на старые деньги. Привозные монеты, говорится дальше в указе, сделаны или из низкопробного серебра, или просто «стальные, лише посеребрены с лица», однако на них иностранцы меняют русские высокопробные серебряные деньги и вывозят за пределы России. Русским торговым людям запрещалось под страхом смерти менять старые деньги с иностранцами; старые деньги приказывалось привозить в Москву и менять в казне с «наддачею нового дела деньгами». Иностранным же купцам — «немцом» — велено было сказать, чтобы они впредь «таких денег на московской чекан не делали и в наши городы не привозили». Фальшивые деньги, полученные у «немцов», следовало изымать, запечатывать печатью таможенников и, «перепечатав», возвращать владельцам.

В указе 1620 года упор делался на то, что привозные деньги «не згодятца ни к чему», так как они сделаны из низкопробного серебра или вообще не из драгоценных металлов. Но нумизматические исследования показали, что датские монеты, особенно те, которые делал мастер Иоганн Пост, чеканены из высокопробного серебра. Да и копейки Альберта Диониса, хотя они и более низкие по весу и качеству серебра, чем современные им копейки Михаила Федоровича, низкопробными все же не назовешь. Однако нет сомнения, что в указе 1620 года говорится в первую очередь о датских и, видимо, шведских подделках. Указ был направлен прежде всего против нарушения монопольного права чеканки монет вне русских денежных дворов. В одной из более поздних редакций указа, который неоднократно повторялся в первой половине XVII века, говорится именно об этой главной причине запрещения привозных денег: «Денег своего дела привозить в Московское государство не пригоже, ни в котором государстве того не ведется, чтобы делать деньги на чужой чекан иного государства».

Всякого рода «непрямые» деньги, изготовленные за

рубежом, были следствием непосредственного знакомства иноземцев с русской жизнью. Примитивная техника чеканки, широкий диапазон колебаний веса отдельной монеты в рамках счетной единицы — рубля, архаическая структура денежной системы — наличие практически единственного реально существовавшего номинала (копейки), обслуживавшего всю систему, и в то же время использование в качестве единственного монетного металла высокопробного серебра, — все это делало русскую денежную систему легкой добычей для фальшивомонетчиков, как отечественных, так и зарубежных. Даже короли, как мы только что убедились, не могли удержаться от соблазна.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Есть такая старинная русская поговорка: «Алтыном воюют, алтыном торгуют, без алтына горюют».

Это житейское наблюдение, сформулированное в емкой и точной форме народной поговорки, имеет гораздо более глубокий смысл, чем подтверждение общепризнанного представления о великой силе денег.

Претенденты на царскую власть, возникавшие в годы социальных потрясений и гражданской войны в России в первом десятилетии XVII века, старались использовать монету как один из наиболее действенных и надежных инструментов внутренней политики. Каждый из трех самозванцев чеканил монеты с именем Дмитрия Ивановича — законного царя правящей династии. Монеты закрепляли право занимать царский трон. Они придавали законную силу тому, чье имя читалось на монете, они говорили подданным о силе власти, гарантировали политическую и экономическую стабильность. Если претендент на трон имел возможность выпускать полноценную монету в достаточном количестве — это было сильнейшим аргументом в его пользу в той политической борьбе за власть, которая велась между различными воюющими друг с другом группировками. Монеты были зеркалом и мерилом возможностей претендентов.

Монеты стали мощным средством организации народного сопротивления иностранным захватчикам и консолидации патриотических сил вокруг правительства Второго ополчения, руководимого Мининым и Пожарским. Правильный, точно рассчитанный принцип оформления монеты, ее веса и пробы сыграл огромную положительную роль в приближении экономической и военной победы над врагом.

Закончим свой рассказ об истории русской монеты в Смутное время еще одной старинной поговоркой: «Алтын сам ворота отпирает и путь очищает».

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Акты исторические, собранные и изданные Археографическою миссиею. Спб.: Археограф. комиссия, 1841, т. 2, IV, 438 с.; 1853 т. 5.

2. Акты, относящиеся до юридического быта древней России; Под ред. Н. Калачева. Спб.: Археограф. комиссия, 1864, т. 2, X, 870 стб.

3. Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографическою экспедициею имп. Академии наук. Спб.: Акад. наук, 1836, т. 2, 392 с.

4. Временник Ивана Тимофеева (Подгот. к печ., пер. и коммент. О. А. Державиной; Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М.; Л.: АН СССР, 1951, 505 с.

5. Записки киевского мещанина Божка Балыки о московской осаде 1612 г. — Киевская старина. Киев, 1882, т. III, июль.

6. Масса Исаак. Краткое известие о Московии в начале XVII в. / Пер. А. А. Морозова. М. : Соцэкгиз, 1937, 206 с., ил.

7. Мемуары Арсения /Дмитриевский А. А. Архиепископ Елассонский Арсений. — Труды Киевской духовной академии. Киев, 1898, 1—4.

8. Первые месяцы царствования Михаила Федоровича. Столбцы Печатного приказа / Под ред. и с предисл. Л. М. Сухотина. М. : имп. Общество истории и древностей российских при Московском университете, 1915, XXIV, 238 с.

9. Пермская старина. Сб. исторических статей и материалов, преимущественно о Пермском крае, Александра Дмитриева. Пермь: изд. автора, 1895, вып. VI, 186 с.

10. Повесть о Земском соборе 1613 г. / Публикацию подгот. А. Л. Станиславский и Б. Н. Морозов. — Вопросы истории, 1985, № 5, с. 89—96.

11. Полное собрание русских летописей. М. Л. : АН СССР, 1959, т. 26; т. 14, М., 1965.

12. Псковские летописи / Под ред. А. Н. Насонова. М. : АН СССР, 1955, вып. 2, 364 с.

13. Принц Даниил. Начало и возвышение Московии. — Сочинение Даниила Принца из Бухова, советника императоров Максимилиана II и Рудольфа II, дважды бывшего чрезвычайным послом у Ивана Васильевича, великого князя Московского. М. : имп. Общество истории и древностей российских, 1877, 73 с.

14. Русская историческая библиотека, изд. Археографическою комиссиею. Спб., 1875, т. II, XX, 1228 стб.

15. Собрание Государственных грамот и договоров, храня-

щихся в государственной коллегии иностранных дел. М. : в тип. Селивановского, 1819, т. II, 609 с.

16. Сказание Авраамия Палицына / Подгот. текста и коммент. О. А. Державиной и Е. В. Колосовой; Под ред. Л. В. Черепнина. М.; Л. : АН СССР, 1955, 385 с.

17. Сказания иностранных писателей о России, изд. Археографическою комиссиею. 2-е изд. Спб., 1851 т. I, XX, 372 с.

18. Сказания современников о Дмитрии Самозванце. / С предисл. Н. Устрялова. 3-е изд. Спб.; имп. Российская акад., 1859, ч. I, 463 с.; 1839, ч. 2, 367 с.

19. Смутное время Московского государства. Акты времени междуцарствия (1610 17 июля — 1613) / Под ред. С. К. Богоявленского и И. С. Рябинина. М. : имп. Общество истории и древностей российских, 1915, XVIII, 240 с.

20. Смутное время Московского государства. Акты времени правления Василия Шуйского (1606 19 мая — 17 июля 1610) / Собрал и редактировал А. М. Гневушев. М. : имп. Общество истории и древностей российских, 1914, XVII, 421 с.

21. Смутное время Московского государства. Арзамасские поместные акты (1573—1618) / Собрал и редакт. С. Б. Веселовский. М. : имп. Общество истории и древностей российских, 1915, XVI, 736 с.

22. Смутное время Московского государства. Акты подмосковных ополчений и Земского собора. (1611—1613). / Собрал и редакт. С. Б. Веселовский. М. : имп. Общество истории и древностей российских, 1911, XIV, 228.

23. Статейный список приезда и пребывания в России английского посла Елизара Флетчера. — Временник имп. Общества истории и древностей российских. М. : в университет. типогр., 1850, кн. 8. Материалы, с. VIII, 1—96.

24. Торговая книга /Подгот. С. Сахаров. — Записки Отделения русской и славянской археологии имп. Русского археологического общества. Спб. : в типогр. Якова Троя, 1851, т. 1, отд. 8, с. 106—139.

25. Якубов К. И. Русские рукописи Стокгольмского государственного архива. — Чтения в Обществе истории и древностей российских. М., 1890, ч. I, с. 61—78; 1891, ч. IV, с. 19—32.

26. Барсов Е. Древнерусские памятники священного венчания царей на царство в связи с греческими их оригиналами. С ист. очерком чинов царского венчания в связи с развитием идеи царя на Руси. М. : имп. Общество истории и древностей российских, 1883, 160 с.

27. Бахрушин С. В. Труды по источниковедению, историографии и истории России эпохи феодализма. — М. : Наука, 1987, 217 с.

28. Бахрушин С. В. Москва как ремесленный и торговый центр в XVI в. — Научные труды, I, М. : АН СССР, 1952, с. 157—188.

29. Богоявленский С. К. Приказные судьи XVII в. — М.; Л. : АН СССР, 1946, 314 с.

30. Векслер А. Г., Мельникова А. С. Московские клады. — М. : Моск. рабочий, 1988, 253 с., илл.

31. Веселовский С. Б. Дьяки и подьячие XV—XVII вв. — М. : Наука, 1975, 601 с.

32. Веселовский С. Б. Понижение веса копеек при царе

Василии Шуйском. — Нумизматический сборник. — М. : 1913, т. 2, с. 135—144.
33. Веселовский С. Б. Семь сборов запросных и пятинных денег в первые годы царствования Михаила Федоровича. И. : имп. Общество истории и древностей российских, 1909, 230 с.
34. Веселовский С. Б. Сошное письмо: Исследование по истории кадастра и посошного обложения Московского государства. — М. : 1915, т. 1, XVI, 442 с.
35. Вилинбахов Г. В. Всадник русского герба. Труды Государственного Эрмитажа, 1981, вып. XXI. Нумизматика, 5.
36. Голохвастов Д. Замечания об осаде Троице-Сергиевой лавры поляками (1608—1610) и описание оной историками XVII, XVIII и XIX столетий. — Москвитянин, 1842, № 6—7.
37. Громыко М. М. Русско-нидерландская торговля на Мурманском берегу в XVI в. — В кн. : Средние века, 1960, XVII, с. 225—255.
38. Громов Г. Г. Жилище. — В кн. : Очерки русской культуры XVII в. : часть первая. Московский университет, 1979.
39. Долинин Н. А. К разбору версии правительства Михаила Романова о И. М. Заруцком. — В кн. : Археографический ежегодник за 1962 г. —М. : 1963, с. 138—146.
40. Долинин Н. П. Подмосковные полки (казацкие таборы) в национально-освободительном движении 1611—1612 гг. Харьков, Харьковский гос. университет, 1958, 130 с.
41. «Домострой» по Коншинскому списку. — М. : 1908.
42. Дуров В. А. Денежные дворы Приказа Большой Казны в конце XVII — начале XVIII в. — В кн. : Памятники русского денежного обращения XVIII—XX вв. (Труды ГИМ, вып. 53). — М. : 1983, с. 7—36.
43. Забелин И. Е. Минин и Пожарский. Прямые и кривые в Смутное время. — М. : тип. Солдатенкова, 1883, 325 с.
44. Замятин Г. А. К вопросу об избрании Карла-Филиппа на русский престол (1611—1616). Юрьев, 1913, VI, 246 с.
45. Зимин А. А. К итогам изучения Крестьянской войны в России. — В кн. : Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1971. Вильнюс, 1974, с. 80—88.
46. Зимин А. А. Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV — первой трети XVI в. — М. : Наука, 1988, 350 с.
47. Зимин А. А. Россия на рубеже XV—XVI столетий. — М. : Мысль, 1982.
48. Зимин А. А. Россия на пороге нового времени (очерки политической истории России первой трети XVI в.). — М. : Мысль, 1972, 452 с.
49. Зимин А. А. В канун грозных потрясений. Предпосылки Крестьянской войны в России. — М. : Мысль, 1986, 333 с.
50. Зимин А. А., Хорошкевич А. Л. Россия времени Ивана Грозного. — М. : Наука, 1981, 176 с.
51. Ильин А. А. Монетный двор в Ярославле. — Известия Российской Академии истории материальной культуры. 1921, т. 1, с. 15—16.
52. Карамзин А. О медалях Дмитрия Ивановича (отд. изд. с тремя табл. и рис. в тексте). — М. : 1889, 83 с.
53. Корецкий В. И. Закрепощение крестьян и классовая борьба в России. — М. : Наука, 1970, 336 с.

54. Корецкий В. И. К истории восстания Болотникова. — Исторический архив, 1956, № 2, с. 126—145.

55. Корецкий В. И. Формирование крепостного права и первая Крестьянская война в России. — М.: Наука, 1975, 369 с.

56. Лаврентьев А. В. Оригинальные сведения о Смутном времени в летописном своде 1652 г. — В кн. : Исследования по источниковедению истории СССР октябрьского периода. — М. : Ин-т истории АН СССР, 1982, с. 108—123.

57. Латышева Г. П., Рабинович М. Г. Москва и Московский край в прошлом. — М. : Моск. рабочий, 1973, 232 с., илл.

58. Леонтьев А. К. Образование приказной системы управления в Русском государстве. — М. : МГУ, 1961, 197 с.

59. Любомиров П. Г. Очерки истории Нижегородского ополчения. 1611—1613 гг. Переизд. — М. : Соцэкгиз, 1939, 340 с.

60. Львов М. А. К вопросу о методике метрологического исследования русских монет XV в. — В кн. : Нумизматический сборник ГИМ. — М. : 1974, ч. 3, с. 127—141.

61. Маньков А. Г. Цены и их движение в Русском государстве XVI века. — М.; Л.: АН СССР, 1951, 269 с.

62. Мельникова А. С. Клад русских монет XVI—XVII вв. из Смоленска. — В кн. : Материалы по изучению Смоленской области. — М. : Моск. рабочий, 1967, вып. VI, с. 289—294.

63. Мельникова А. С. Московская Английская компания и русское денежное дело. — В кн. : Россия на путях цивилизации. — М. : Наука, 1982, с. 115—125.

64. Мельникова А. С. Новый «Английский» денежный двор в Москве в 1654—1663 гг. — Нумизматика и эпиграфика, 1971, IX, с. 144—158.

65. Мельникова А. С. Социально-экономическая природа и источниковедческое значение русских кладов XVI—XVII вв. — В кн. : Проблемы источниковедения истории СССР и специальных исторических дисциплин. — М. : Наука, 1984, с. 153—162.

66. Мельникова А. С. Русские монеты от Ивана Грозного до Петра Первого (история русской денежной системы с 1533 по 1682 г.). — М. : Финансы и статистика, 1989, 318 с., илл.

67. Мец Н. Д. Ярославские князья по нумизматическим данным. — Советская археология, 1960, № 3, с. 121—140.

68. Никитина Л. Н. Английские хроники о титуле русских царей. — В кн. : Общество и государство феодальной России: Сб. статей, посвященных 70-летию Л. В. Черепнина. — М. : Наука, 1975, с. 171—177.

69. Олеарий Адам. Описание путешествия в Московию. — В кн. : Россия XV—XVII вв. глазами иностранцев. — Лениздат, 1986, с. 287—470.

70. Очерки истории СССР. Конец XV — начало XVII вв. — М.: АН СССР, 1955, 955 с.

71. Пийримяэ Х. А. О состоянии нарвской торговли в начале XVII в. — В кн. : Скандинавский сборник. 1966, т. XI, с. 82—108.

72. Подобедова О. И. Московская школа живописи при Иване IV. Работы в Московском Кремле в 40—70-х годах XVI в. — М.: Наука, 1972, 197 с., ил.; 27 л. ил.

73. Поршнев Б. Ф. Тридцатилетняя война и вступление в нее Швеции и Московского государства. — М. : Наука, 1976, 434 с.

74. Постникова-Лосева М. М., Платонова Н. Г.,

Ульянова Б. Л. Золотое и серебряное дело XV—XX вв. — М.: Наука, 1983, 374 с.
75. Потин В. М. Талеры на территории Русского государства в XVI—XVII вв. — В кн.: Прошлое нашей Родины в памятниках нумизматики: Сб. статей. — Л.: Аврора, 1977, с. 50—104.
76. Потин В. М. Золотые западные монеты на территории Русского государства XIV—XVII вв. — В кн.: Русская нумизматика XI—XX вв. Материалы и исследования. — Л: Аврора, 1979, с. 5—28.
77. Платонов С. Ф. Борис Годунов. — Пг.: Огни, 1921, 157 с.
78. Платонов С. Ф. Очерки смуты в Московском государстве XVI—XVII вв.: Опыт изучения общественного строя и сословных отношений в Смутное время. Переизд. — М.: Соцэкгиз, 1937, 476 с.
79. Плотников И. С. Меркантилизм и его разложение. — В кн.: Меркантилизм / Под ред. и со вступ. статьей И. С. Плотникова. — Л.: Соцэкгиз, 1935, 340 с.
80. Симсон П. Ф. Мелочные расценки в допетровской Руси. Отд. отт. — Тверь: 1911, 21 с.
81. Симсон П. Ф. Не только мортки, но и пироги и даже еще пулы в XVII в. Отд. изд. — Тверь: 1990, 12 с.
82. Скрынников Р. Г. Борис Годунов. — М.: Наука, 1978, 182 с.
83. Скрынников Р. Г. Земский собор 1598 г. и избрание Бориса Годунова на трон. — История СССР, 1977, № 3, с. 141—157.
84. Скрынников Р. Г. Иван Грозный. — М.: Наука, 1975, 241 с.
85. Скрынников Р. Г. Социально-политическая борьба в Русском государстве и начале XVII в. — Л.: ЛГУ, 1985, 326 с.
86. Скрынников Р. Г. Самозванцы в России в начале XVII в. Григорий Отрепьев. — Новосибирск: Наука, 1987.
87. Скрынников Р. Г. Лихолетье. Москва в XVI—XVII вв. — М.: Моск. рабочий, 1988, 543 с.
88. Смирнов И. И. Восстание Болотникова 1606—1607 гг. — Л.: Госполитиздат, 1951, 588 с.
89. Соловьев С. М. История России с древнейших времен. — М.: Соцэкгиз, 1960, кн. 8 (тт. 7—8), 775 с.; 1961, кн. 9 (тт. 9—10), 750 с.
90. Спасский И. Г. Денежное обращение в Московском государстве с 1533 по 1617 г. — В кн.: Материалы и исследования по археологии СССР, 1955, № 44, с. 214—363.
91. Спасский И. Г. Монетное и монетовидное золото в Московском государстве и первые золотые Ивана III. — В кн.: Вспомогательные исторические дисциплины. — Л.: 1976, т. VIII, с. 110—131.
92. Спасский И. Г. Новые материалы о Новгородском денежном дворе в 1611—1617 гг. — В кн.: Новое в археологии: Сб. статей, посвящ. 70-летию А. В. Арциховского. — М.: МГУ, 1972, с. 294—301.
93. Спасский И. Г. Чеканка копеек шведскими властями в Новгороде в 1611—1617 гг. — В кн.: Вспомогательные исторические дисциплины. — Л.: 1972, т. IV, с. 160—173.
94. Станиславский А. А. Движение И. М. Заруцкого и

социально-политическая борьба России в 1612—1613 гг. — Исторические записки. 1983, т. 109, с. 307—338.

95. Станиславский А. Л. Казацкое движение 1615—1618 гг. — Вопросы истории, 1980, № 1, с. 104—116.

96. Станиславский А. Л. Челобитная вольных казаков царю Михаилу Федоровичу и боярские приговоры 1618 г. — Советские архивы, 1985, № 1, с. 59—62.

97. Сытин П. В. История планировки и застройки Москвы. — Труды Музея истории и реконструкции Москвы. — М. : 1950, № 1, 413 с.

98. Устюгов Н. В. Эволюция приказного строя Русского государства в XVII в. — В кн. : Абсолютизм в России (XVII—XVIII вв.) : Сб. статей к 70-летию рождения и 45-летию научной и педагогической деятельности Б. Б. Кафенгауза. — М. : Наука, 1964, с. 134—168.

99. Фигаровский В. А. О грамоте новгородского правительства в Москву в 1615 г. — Новгородский исторический сборник. Новгород, 1937, вып. 2, с. 53—72.

100. Фигаровский В. А. Отпор шведским интервентам в Новгороде. — Новгородский исторический сборник. Новгород, 1938, вып. 3, с. 58—85.

101. Флоря Б. Н. Прибалтийские города и внешняя политика русского правительства в конце XVI — начале XVII вв. — В кн. : Международные отношения в Центральной и Восточной Европе. — М. : Наука, 1966, с. 10—25.

102. Флоря Б. Н. Русско-польские отношения и балтийский вопрос в конце XVI — начале XVII вв. — М. : Наука, 1973, 210 с.

103. Флоря Б. Н. Русско-польские отношения и политическое развитие Восточной Европы во второй половине XVI — начале XVII вв. — М. : Наука, 1978, 290 с.

104. Флоря Б. Н. Торговля России со странами Западной Европы в Архангельске (конец XVI — начало XVII вв.). — Средние века. 1973, вып. 36, с. 129—151.

105. Черепнин Л. В. Вопросы методологии исторического исследования. Теоретические проблемы феодализма: Сб. статей. — М. : Наука, 1981, 276 с.

106. Черепнин Л. В. «Смута» и историография XVII в. : (Из истории древнерусского летописания). — Исторические записки, 1945, т. 14, с. 18—128.

107. Черепнин Л. В., Шумилов В. Н., Александрова М. И. Документы по истории СССР и русско-шведских отношений в архивах Швеции. — Исторический архив. 1959, т. II, с. 113—126.

108. Шаскольский И. П. Как оказался в Стокгольме новгородский архив начала XVII в. — Советские архивы, 1968, № 3, с. 115—117.

109. Шаскольский И. П. Столбовский мир 1617 г. и торговые отношения России со шведским государством. — М.; Л. : Наука, 1964, 218 с.

110. Юхан Видекинд. История десятилетней шведской войны в Московии... Стокгольм, 1672 г. — М.: Издательство МГУ, печатается.

111. Янин В. Л. Новые материалы о Новгородском денежном дворе при Михаиле Федоровиче. — В кн. : Вспомогательные исторические дисциплины. — Л.; 1983, т. XIV, с. 81—100.

СОДЕРЖАНИЕ

Мельникова А. С.

М 48 Булат и злато / Худож. Н. Маркова. — М. : Мол. гвардия, 1990. — 207[1] с., ил. — (Эврика).

ISBN 5-235-00801-4

Книга рассказывает о нумизматике и истории, об их связи, отраженной в документах прошлого, о малоизвестных фактах из истории чеканки русских монет.

М $\frac{0502000000-277}{078(02)-90}$ **237—90** **ББК 63.2**

ИБ № 6362

Алла Сергеевна Мельникова

БУЛАТ И ЗЛАТО

Заведующий редакцией **В. Щербаков**

Редактор **Л. Дорогова**

Художественный редактор **Т. Войткевич**

Технический редактор **Е. Михалева**

Корректоры **Н. Самойлова, Е. Самолетова, М. Пензякова**

Сдано в набор 17.05.90. **Подписано в печать** 30.10.90. **Формат** 84 × 108 1/32. Бумага типографская № 2. Гарнитура **«Литературная»**. Печать высокая. Усл.-печ. л. 10,92. **Усл. кр.-отт.** 11,34. Учетно-изд. л. 11,5. **Тираж** 100 000 экз. **Цена 1 р. 30 к. Заказ 1137.**

Типография ордена Трудового Красного Знамени издательско-полиграфического объединения ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Адрес ИПО: 103030, **Москва, Сущевская, 21.**

ISBN 5-235-00801-4

Эврика

АЛЛА СЕРГЕЕВНА МЕЛЬНИКОВА

Доктор исторических наук Алла Сергеевна Мельникова закончила исторический факультет МГУ, работает в Государственном Историческом музее заведующей отделом нумизматики. Специализируется на истории русского денежного обращения XV—XVII веков, но иногда отклоняется от основной темы — в 1973 году ею написана книга «Твердые деньги» — об истории проведения денежной реформы 1922—1924 годов. Автор многочисленных статей и нескольких книг по истории русского денежного дела XV—XVII веков и создатель систематизации монет русских правителей от Ивана Грозного до начала правления Петра I.

Всю свою «нумизматическую» жизнь Алла Сергеевна посвятила сбору сведений и изучению кладов русских монет. Сейчас она работает над монографией, посвященной изучению кладов русских монет XVI—XVII веков, найденных на территории нашей страны.

1 р. 30 к.

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ